

СТЕПНЫЕ СТРУНЫ

СТИХИ КАРАКАЛПАКСКИХ ПОЭТОВ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1973

Редакционная коллегия: **С. СЕВЕРЦЕВ,
И. ЮСУПОВ, К. ЯШЕН**

Составление **И. ЮСУПОВА**

Вступительные статьи **К. ЯШЕНА и
Л. КЛИМОВИЧА**

Художник **В. КАВЕНАЦКИЙ**

Издательство «Художественная литература», 1973.

ПОЮТ СТЕПНЫЕ СТРУНЫ

Каждому, кто хоть раз побывал в Каракалпакии, навсегда запомнится особая степная романтика опаленной солнцем древней, возрожденной Великим Октябрем к новой жизни земли: запомнятся рисовые и хлопковые поля у величавых развалин старинных хорезмийских крепостей, тонущие в зелени колхозные аулы у самой границы раскаленных песков, бурливый бег воспетого многими поэтами непокорного Джейхуна — полноводной красавицы Аму-Дарьи, стремительно несущей свои волны в объятья серебристого Арала... Этот край, когда-то считавшийся одной из самых глухих окраин Российской империи, стал за годы советской власти цветущим оазисом, зеленой стрелой, вонзенной в сердце пустыни, краем хлопка и садов, буровых вышек и автомагистралей. Напряженные трудовые будни каракалпакского народа, его мечты и свершения, его обычаи и легенды — все это, словно в многогранном зеркале, правдиво отразилось в произведениях каракалпакских писателей.

Каракалпакию можно по праву назвать страной поэзии. Не зря русский фольклорист И. Беляев, собиравший в дореволюционных аулах образцы народного творчества, называл каракалпаков «степными соловьями», а лучший поэт каракалпаков Бердах называл себя «соловьем пустыни». Издревле славился этот край своими народными певцами и сказителями — певучим звоном струн их кобызов и дутаров, протяжными, задушевыми песнями и древними героическими эпосами, воскрешавшими в памяти поколений славные подвиги великих батыров — отважных воителей за справедливость. Из рода в род, от одного певца к другому переходили предания, в которых отразился весь многовековой путь каракалпаков — этого небольшого, но стойкого, вольнолюбивого народа, сумевшего пронести сквозь столетия, полные бедствий и скитаний, свою самобытность, свои традиции, свои песни и сказания.

Многонациональная советская культура сильна не только своей могучей идейностью и революционным новаторством, но и бережным творческим освоением лучшего наследия, накопленного нашими народами за многие столетия. За годы советской власти во всех республиках, в том числе и в Каракалпакии, проделана огромная работа, благодаря которой спасены от забвения, сохранены для потомков бесценные жемчужины классической и народной поэзии. Силами многих литераторов и ученых Каракалпакии собраны и опубликованы старинные песни и эпосы родного края, творения лучших каракалпакских поэтов прошлого столетия — Бердаха, Ажинияза, Жиена-жырау и других. Эти произведения, представляющие большую художественную и историческую ценность, ныне переводятся на русский язык и на другие языки народов нашей страны, становясь нашим общим достоянием, обогащая сокровищницу всей многоязычной советской литературы.

С каждым годом ширится этот большой литературный процесс. Говоря об издании лучших образцов каракалпакской поэзии на русском языке, необходимо прежде всего назвать вышедшие в свет — первые два монументальных тома — лирико-героические эпосы «Сорок

девушек» и «Сказание о Шарьяре», заслужившие широкое признание среди читателей нашей страны, получившие высокую оценку и за рубежом. Эти книжки, словно распахнутые настежь ворота, впервые открыли перед многими народами удивительный, доселе неведомый мир, блистающий всеми красками неистощимой народной фантазии, поражающий глубиной и благородством древней народной мудрости, тонким лиризмом, искрометным юмором.

Чтобы по-настоящему познать и полюбить каждый народ во всем неповторимом, исторически сложившемся своеобразии его облика, характера и культуры, недостаточно лишь экономических, географических и прочих сведений. Надо приобщиться к духовной жизни этого народа, услышать, что говорит народ о себе самом, надо умом и сердцем прислушаться к голосам его писателей, повествующих о трудах и надеждах, радостях и горестях, о прошлом и настоящем своего края. Вот почему именно литература стала в наши дни таким мощным и незаменимым средством общения между народами планеты, прежде всего между живущими единой братской семьей народами нашей родины. И не удивительно, что такие книги, как роман Т. Каипбергенова «Дочь каракалпака» или сборники стихов и поэм Ибрагима Юсупова, вышедшие за последнее десятилетие в наших центральных издательствах, стали для советских читателей поистине новым «открытием Каракалпакии».

Глубокое представление о богатом духовном мире наших каракалпакских братьев, о его древних корнях и сегодняшнем ярком расцвете дает недавно изданная в Ташкенте «Антология каракалпакской поэзии», открывающая широкую панораму развития поэтического творчества этого народа — от старинных эпосов и песен до лучших образцов современной лирики. Той же благородной задаче призвана служить и эта книга.

Сборник «Степные струны» является сравнительно небольшой, но представительной антологией классической и советской каракалпакской поэзии. Нет необходимости

подробно рассказывать об этой книге, — поэзия лучше всего говорит сама за себя. Тонкий и взыскательный читатель безусловно сможет с первых же страниц ощутить и самобытный национальный колорит, и восточную народную мудрость, и характерный образный строй этих стихов, сможет по достоинству оценить воплощенный в этой книге большой коллективный труд многих видных мастеров советской переводческой школы. Думается, что в первую очередь должны обратить на себя внимание яркие фрагменты из полной драматизма старинной поэмы Жиена-жырау «Разоренный народ» (в переводе Вл. Державина), образцы замечательной лирики выдающегося классика XIX века Бердаха (в переводах Н. Гребнева), проникнутые тонким национальным колоритом стихи аксакалов каракалпакской советской поэзии — Аяпбергена Мусаева, Аббаза Дабылова, Садыка Нурумбетова (в переводах С. Северцева), лучшие строки современных поэтов Каракалпакии, переведенные С. Сомовой, Р. Казаковой, Г. Ярославцевым и многими другими. В книге отражено тематическое и жанровое разнообразие каракалпакской поэзии — образцы гражданской, любовной, пейзажной лирики, баллады, сатиры, басни.

Глубоко западают в душу чеканные строки, которыми открывается раздел каракалпакской поэзии советского периода. Это строки известного стихотворения, созданного еще в годы становления советской власти замечательным народным поэтом Аяпбергенем Мусаевым, — от имени своего освобожденного народа поэт посвятил эти строки великому вождю революции:

Он пламенным костром над всей землей горел, Он вещим соловьем о новой жизни пел, Он и теперь — исток всех наших дум и дел, Кто путь его избрал, в том отразился Ленин.

Пробужденный грозowymi раскатами Октября, вдохновленный светлыми ленинскими идеями, каракалпакский народ вместе с миллионами своих советских братьев с честью прошел весь суровый и славный полувековой путь нашей родины. Годы коллективизации и

первых строек, тяжкие и героические годы войны с фашизмом, бурный трудовой подъем послевоенных лет, наши беспримерные подвиги в космосе и титанические свершения на земле, труды и дни, дела и думы каракалпакских хлопкоробов и рисоводов, строителей и рыбаков, геологов и агрономов — все это нашло свое отражение в стихах и поэмах Аббаза Дабылова, Жолмурзы Аймурзаева, Тлеубергена Жумамуратова и других лучших поэтов Советской Каракалпакии. Книга «Степные струны» — избранные страницы из этой яркой поэтической летописи.

Современная литература Каракалпакии созрела, возмужала и продолжает развиваться в условиях постоянного взаимного обогащения и влияния, происходящего между всеми братскими литературами нашей страны. Неоценимую творческую помощь продолжает оказывать нам, писателям братских республик, высокий пример классической и современной русской литературы. Благородные гуманистические традиции классиков — Пушкина и Некрасова, Горького и Маяковского, Навои и Руставели, Фурката и Шевченко, Хамзы и Айни — органично сплавляются в стихах современных каракалпакских поэтов с глубинными народными традициями своего родного языка и поэзии. Об этом сложном и плодотворном творческом процессе хорошо сказано Ибрагимом Юсуповым в цикле его рубай — лирико-философских четверостиший:

Пусть время опылит цветы — стихи мои
 Пыльцой Пушкина, пыльцой Навои,—
 Гибридом вырасту, но капля силы мудрой
 Бердаха нашего живет в моей крови.

Богат поэтическими талантами каракалпакский край. Да и может ли быть иначе в этом краю, где так счастливо сочетаются старинные песенные и эпические богатства с высокой романтикой наших победоносных дней, дней эпохи строительства коммунизма. Мощный подъем советской многонациональной поэзии, которым ознаменовались

последние десятилетия, живо ощущается и в новых произведениях каракалпакских поэтов. Особенно ярко это проявляется в стихах талантливой поэтической молодежи Каракалпакии — в неподдельно искренних и свежих строках их лирической, гражданской, патриотической поэзии. «Нельзя измерить даже океаном любовь к стране, что так мне дорога!» — взволнованно восклицает молодой одаренный лирик Кенесбай Рахманов. «Хочу я соколом бесстрашным взмыть — с вершины на земной простор взглянуть!.. Все совершу, о чем давно мечтал, чтоб этот мир еще прекрасней стал!» — восторженно вторит ему голос его сверстника Улмамбета Хожаназарова. И с каждым годом все слышнее звучат голоса каракалпакских поэтов в единой многоголосой, многоязычной оратории советской поэзии.

Широкие ветры веют над раздольем приаральских степей — ветры новой жизни, новых радостных вестей, надежд, вдохновений. Шумят кипучие волны Аму-Дарьи, шелестят густой листвою молодые сады, гудят провода высоковольтных линий, зеленые волны пробегают по необозримым хлопковым полям... Слышится мне: под этими свежими весенними ветрами все звонче, взволнованней поют степные струны — звучат голоса поэтов каракалпакской земли, этой древней и обновленной, отвоеванной у пустыни земли, преображенной руками тысяч тружеников, оваянной песнями и трудовой славой.

И сегодня, в преддверии «золотого юбилея» — пятидесятилетия нашей республики — мне, писателю старшего поколения, в памяти которого живут бесчисленные картины пройденных лет, хочется от всей души открыть эту книгу моим сердечным напутствием:

Новых побед и радостей вам, каракалпакские братья!

Новых вдохновений вам, поэты Каракалпакии!

Пойте звонче, степные струны!

Камиль Яшен

ПОЭЗИЯ КАРАКАЛПАКСКОГО НАРОДА

(Историко-литературный очерк)

Советская Каракалпакия, как и все республики нашей великой страны, олицетворяет собой небывалые в истории отношения единства и дружбы свободных народов. За годы советской власти в ней осуществлены вековые чаяния и мечты трудящихся о дружной, свободной и мирной жизни. Строителям нового общества посвящают вдохновенное слово каракалпакские поэты. В своем творчестве они опираются на национальное художественное наследие, на опыт всесоюзной и мировой литературы.

Исторический путь, пройденный трудолюбивым и мужественным каракалпакским народом, получившим в Советском Союзе государственную самостоятельность, велик и сложен.

Предки каракалпаков сыграли большую роль в развитии земледельческой культуры Приаралья, в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Часть из них, печенеги, ушедшая в начале X века в южнорусские степи, известна под именем «черных клобуков», то есть «черных шапок» — по-тюркски каракалпаков. «Черные клобуки», оседавшие на границах Руси, в середине XII века, по словам русской летописи, клялись в верности князю Юрию Долгорукому. Другая, восточная часть печенегов входила в обширный Огузский племенной союз, существовавший в Приаралье в IX — XI веках и позднее завоеванный племенами кипчаков. В Кипчакском союзе было племя «кара-боркли», название которого по этимологическому значению совпадает с этнонимом «каракалпак».

Формирование каракалпакской народности завершилось в XV — XVI веках в составе Ногайского союза. Но ее развитие задержалось из-за неравноправного, подневольного положения, в котором каракалпаки оказались как в Хивинском ханстве, так и в царском Туркестане.

К XVIII веку среди каракалпаков возникает стремление к установлению прочных торговых и политических связей с Россией. В 1722 году каракалпаки снарядили в Россию

караван из тысячи верблюдов, правда, до места назначения не дошедший. Тогда же прибывшие в Россию каракалпакские послы предлагали «быть в мире и дружбе», наладить добрососедство, при котором «купецкие люди как российские, так и каракалпачские между собой купечество отправляли бы в безопасности...». Послы сообщали также, что в стране много «купленных Российских людей» и есть «из русских некоторые, которые уже и поженились на каракалпачках...». А в грамоте Петру I каракалпакский хан Ишмухаммед (Ишим Мухаммед) высказал пожелание мира и благоденствия, ссылаясь на пословицу: «Кто благоденствует, у того борода белеет, а кто злодействует, у него кости белеют». В русских грамотах каракалпакским ханам тридцатых и сороковых годов XVIII века говорится, что бывшие челом каракалпаки приняты и утверждены в русском подданстве. Но отдаленность Каракалпакии и противодействие ее прежних владетелей (в частности, кровавое нападение на каракалпаков зимой 1843 года хана Абулхайра) в течение длительного времени сводили на нет распространение на них русского подданства.

Междоусобицы феодальных правителей способствовали тому, что прорусское настроение среди каракалпаков и других народов Средней Азии все более усиливалось. По словам современных исследователей, это и явилось «причиной того, что в 1873 году русские, двинувшиеся на Хиву, не встретили серьезного сопротивления. Население способствовало продвижению русских войск. После взятия Хивы каракалпаки послали своих делегатов к командующему русскими войсками с просьбой, чтобы он немедленно ввел на их земле русские порядки и чтобы их отделили от Хивы. Летом 1873 года в результате заключения договора с хивинским ханом о протекторате России основная масса каракалпакского населения, жившая на правом берегу Аму-Дарьи, была присоединена к России»¹.

---

¹ М. К. Нурмухамедов, Т. А. Жданко, С. К. Камалов. Каракалпаки. Ташкент, изд-во «Фан» УзССР, 1971, с. 39 (глава написана С. К. Камаловым).

Меньшая часть каракалпаков — на хивинском левобережье — стала под ее протекторат.

Несмотря на жестокий колониальный режим, установленный царизмом в Каракалпакии, как и во всей Средней Азии, присоединение к России объективно имело положительное значение для ее народов. Был положен предел разорительным феодальным усобицам, набегам ханов, уничтожено рабство, страна постепенно втягивалась в русло более прогрессивного экономического развития. У трудящихся Каракалпакии, вопреки воле колонизаторов и местных эксплуататоров, устанавливаются все более тесные непосредственные связи с русским и другими народами России, их освободительным движением. Благотворное влияние оказывает передовая культура России, ее литература, научная и общественная мысль.

Но только после победы Великой Октябрьской социалистической революции, уничтожившей эксплуататорский строй и режим национального угнетения, каракалпакский народ, живший по обоим берегам Аму-Дарьи разрозненно, был воссоединен, получил подлинную свободу и государственную независимость.

Начало советской государственности каракалпаков было положено национальным размежеванием Средней Азии, проведенным в конце 1924 — начале 1925 года. В мае 1925 года в составе Казахской АССР была образована Каракалпакская автономная область. В 1930 году она вошла в состав Российской Федерации; в 1932 году

на базе достигнутых успехов в социалистическом строительстве Каракалпакская автономная область была преобразована в Каракалпакскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР. В 1936 году по Конституции Советского Союза Каракалпакская АССР вошла в состав Узбекской ССР.

Поэзия, художественное слово издавна развивались у каракалпаков. Их певцы и сказители — бахсы, жырау — славились как в среде соплеменников, так и у соседей —

казахов, узбеков, туркмен. Доброе, ко времени сказанное слово, шутка и сатира всегда высоко ценились народом. Каракалпакские пословицы гласят: «Если нет угощения, одари приветливым словом», «От хорошего слова душа расцветает», «Хорошее слово — половина счастья».

В песне, эпосе, красочных сказаниях народ воспевал героев, выражал сокровенные думы, мечты о светлой, счастливой жизни, восхвалял верность и доблесть, бескорыстие и мужество, осуждал и высмеивал лихоимцев и трусов, насильников и грабителей, потерявших человеческое достоинство, честь и совесть. Каракалпакский народ, столетиями страдавший от вторжения иноземцев, в своей устной поэзии, отбрасывая навязывавшиеся ему чуждые взгляды, развил высокую мысль о близости и родстве народов, безотносительно к тому, какой они национальности, расы, веры. Нет народов, которые были бы врагами друг другу, говорится, например, в старинном каракалпакском эпосе «Сорок девушек» («Кырк-кыз»), Их враги — кровожадные ханы, шахи, вельможи, разоряющие мирных тружеников, мешающие им строить счастливую жизнь.

Уже в средние века у каракалпаков получает развитие письменная литература, выдвигаются крупные поэты. Классик каракалпакской поэзии XVIII века Жиен-жырау Тагай-улы в поэме «Разоренный народ» красочно и проникновенно, в форме толгау, передал трагедию своего времени — набег и разорение, вынудившие каракалпаков уйти через пустыню в Хорезм. Баи не помогали бедным соплеменникам, они действовали не менее жестоко, чем совершившие набег враги. Лишь объединяясь, в совместном труде люди находили выход своим чувствам, обретали покой, хотя в тех условиях он обычно оказывался недолговечным. И все же они делали правильный вывод:

Если люди дружно живут,
Не страшны им и горе и труд.

· · · · ·

«Пусть в согласье люди живут!»

Пусть на баев беды падут!» —

Так все вместе сказали мы.

(Перевод В. Державина)

Широкую известность среди каракалпаков получили произведения поэтов-классиков Кунхожи, Ажинияза, Отеш-шаира² и некоторых других, расширивших горизонты родной поэзии, внесших в нее новые мотивы. Ажинияз в популярной песне «Бозатау» передал трагедию, разыгравшуюся после жестокого подавления антихивинского освободительного восстания 1858—1859 годов в Кунграде, где вместе с каракалпаками выступили узбеки, казахи и туркмены. Хивинские феодалы и йомудские сердары, мстя восставшим, многих из них взяли в плен и продали в рабство.

Ажинияз писал не только на каракалпакском языке, но и на узбекском, с туркменского переводил стихи Махтумкули. Он жил среди казахов, ногайцев, башкир, русских и развил в родной поэзии пятистишие (мухаллес, мухаммас). В стихотворении «Ах, Дарийха!..» поэт писал:

У русских, у ногайцев был, до Оренбурга я добрел,
И днем и ночью слезы лил в любом из городов и сел.
О доме отчем загрустил, перо, бумагу приобрел,
Мухаллес этот я сложил, чтоб добрый друг его прочел...
Ах, Дарийха, ах, Дарийха, тоска измучила меня!

(Перевод П. Железнова)

Огромно творческое наследие корифея каракалпакской поэзии Бердаха (Бердимурата Каргабай-улы). В своих произведениях он говорил о труде как основе жизни, поднял голос против принижения женщины, в политической борьбе использовал сатиру. В поэме «Ахмак-патша» («Хан-самодур») поэт изобразил борьбу народа против хана-деспота. В стихотворении «Мне нужны», смело глядя вперед, поэт писал:

---

² Шаир — поэт.

Борцы, насупившие брови,
 С оружием правым наготове,
 Те, что не пожалеют крови
 В борьбе за счастье, мне нужны.

(Перевод Н. Гребнева)

Друзья и соратники Бердаха, такие как Отеш-шаир, открыто обращались к народу в своих произведениях с призывом положить предел царству несправедливости. В стихотворении Отеш-шаира «Надо» говорится:

Роскошествует лжец, богач, злодей,
 А ты, бедняк, лишь дырами владей.
 Мы падаем, мы бьемся средь сетей, —
 Покончить нам с нуждой постылой надо.

(Перевод Д. Голубкова)

При почти полной неграмотности, когда на сто человек не насчитывалось и одного грамотного (по статистике в Каракалпакии в 1913 году было грамотных всего 0,6 процента населения), даже для того чтобы узнать, что написано в письме или официальной бумаге, людям порой приходилось предпринимать неблизкие путешествия. В таких условиях произведения письменной литературы (в том числе созданные Жиен-жырау, Кунхожой, Бердахом и др.) распространялись, как правило, изустно. В этом одна из причин того, что, за немногими исключениями, не записывались и произведения устного поэтического творчества, даже такие шедеэры, как апос «Сорок девушек». Его первая запись, издание и последовавшая широкая известность за пределами Каракалпакии стали возможными лишь при советской власти, с распространением грамотности. «Сорок девушек» записаны в 1940 году от популярного сказителя Курбанбая Тажибаева; на русском языке они вышли в переводе поэтессы С. Сомовой (1949, 1951) и переложении поэта А. Тарковского (1952, 1956). Записанный почти одновременно от Кулемета-жырау

самобытный каракалпакский эпос «Сказание о Шарьяре» издан в переложении поэта С. Северцева (1971).

В результате культурной революции каракалпаки, ранее пользовавшиеся письменностью на основе арабской и латинской графики, получили национальную письменность, отражающую особенности их языка, живой речи.

Немногим более чем за полвека каракалпаки создали многожанровую литературу. Их живое, действенное поэтическое наследие обогатилось произведениями советских поэтов Аяпбергана Мусаева, Сейфулгабита Мажитова, Аббаза Дабылова, Мырзагали Дарибаева, Асана Бегимова, Избасара Фазылова, Хожамета Ахметова, Дали Назбергенова, Хожамурата Турумбетова. Многие для развития советской каракалпакской поэзии сделали Садык Нурумбетов, Жолмурза Аймурзаев, Амет Шамуратов, Науруз Жапаков, Байнияз Каипназаров, Хожабек Сеитов, Джолдас Сеитназаров. В пятидесятые годы пришли в литературу ныне известные поэты Глеуберген Жумамуратов, Тажетдин Сейтжанов, Ибрагим Юсупов. Среди более молодых поэтов успешно выступают Матен Сейтниязов, Даулен Айтмуратов, Улмамбег Хожаназаров, Глеуберген Матмурагов, Кенесбай Рахманов.

Один из зачинателей советской каракалпакской литературы Аяпберген Мусаев, в 1925 году избранный делегатом Первого Учредительного съезда Советов Каракалпакии, принявшего решение об образовании Каракалпакской автономной области, писал в стихотворении «Ленин»:

Широкий светлый путь открылся нам вдали.
Сел на коня бедняк а бай лежит в пыли.
Живым ковром цветов покрылся лик земли,
Как будто на поля дождем пролился Ленин.

(Перевод С. Северцева)

Славя Ленина и Коммунистическую партию, каракалпакские поэты воспевают то новое, что пришло к их народу с торжеством Великой Октябрьской

социалистической революции: коллективный труд свободных тружеников, охваченных единым стремлением сделать жизнь своей республики, а с нею и всех советских людей счастливее, краше.

Аббаз Дабылов, в годы коллективизации одним из первых вступивший в колхоз, в стихотворении «Мечта» говорит:

Счастлив я нового видеть черты,
В них исполнение давней мечты.
Стал я шаиром в свободном краю —
Песни свободные людям пою.

(Перевод Л. Хаустова)

В совместном труде советских людей в Каракалпакии, как и во всем Советском Союзе, восторжествовали невиданные ранее отношения единства и дружбы свободных наций и народностей.

Веками ханы, баи, колонизаторы и их приспешники сеяли национальную и религиозную нетерпимость среди народов, ссорили людей друг с другом, разжигали родовую и племенную рознь. Любой спор из-за земли, воды, пастбища, даже уход девушки или парня по зову сердца из родного дома в семью, «неудобную» родителям и главам их рода, мог стать предлогом к длительным кровавым междоусобицам. Этим отравленным оружием не прочь воспользоваться и теперь недруги как каракалпакского, так и других народов Советского Союза, разного рода заморские «советологи». Но канули в Лету недобрые времена, путь им в нашу страну заказан.

Дружба народов скреплена кровью в годы вооруженной борьбы против иностранных интервентов, басмачей и белогвардейцев и в Великую Отечественную войну. В борьбе против германского фашизма миллионы людей отдали жизни, с честью выполнив свой патриотический долг. Жолмурза Аймурзаев в стихотворении «Летчик Мамутов» пишет:

Да, Отчизна одна —

От аральских степей до Полесья,
 В сердце сына она
 Билась, словно суровая песня.
 Миллионы потерь —
 Алых звездочек скорбные сгустки.
 «Кровь за кровь, смерть за смерть!» —
 Спит Мамутов в земле белорусской...
 Обелиски могил —
 Но Отчизна стоит, как стояла.
 И, как брат, отомстил
 Белорус за пилота с Арала.

(Перевод В. Леценко)

На протяжении веков каракалпачка играла большую роль в хозяйстве, но была отдалена от общественной жизни, принижена жестокими законами шариата, патриархальными и феодальными порядками. Советские поэты, продолжая традиции родной классики, с первых лет Октябрьской революции выступали против бесправия женщины, продажи ее за калым нелюбимому, выражали ей сочувствие и призывали к стойкости в отстаивании ее человеческих прав (см. отрывки из поэмы «Бахадыр» Аббаза Дабылова, стихотворения Садыка Нурумбетова «Гиллахан», «Даутколь» и др.). С. Нурумбетов осмеивал приверженцев старого быта («Шангбай») и ревнителю (суеверий, корыстно использовавших религиозные пережитки («Порханы»). Гимном свободной женщине Каракалпакии звучит стихотворение М. Дарибаева «Халбике»:

А впереди дерзайья й успехи,
 Мы в коммунизм идем от вежи к веже,
 Тем, кто штурмует, не страшны помехи,
 Будь среди самых первых, Халбике!

(Перевод Г. Юнакова)

Стихи поэтесс Советской Каракалпакии пронизаны сознанием своего достоинства, гордостью за вклад в общий труд советских людей.

Поэзия каракалпаков отличается разнообразием изобразительных средств. Здесь не только эпитеты и сравнения, в той или иной мере близкие и другим тюркоязычным литературам или привычные для литератур Ближнего и Среднего Востока, но идущие от непосредственного наблюдения и длительного опыта, накопленного поколениями каракалпаков — скотоводов, земледельцев, ирригаторов, рыболовов. Ныне, с ростом промышленности и углублением научно-технической революции, палитра поэтов Каракалпакии обогащается новыми красками.

Язык поэзии всегда в известной мере условен. При переводе на другие языки неизбежны те или иные потери. Но общий национальный колорит поэзии, связанный с изображением характера героя, как правило, в переводах сохраняется.

Новое время вдохнуло новую энергию в лирического героя каракалпакских поэтов, закалило и расширило масштаб его забот. Кратко, но ярко, в близких народу образах сказал об этом Матен Сейтниязов в стихотворении «Есть своя поэзия в стороне бескрайней...»:

Есть своя поэзия в стороне суровой,
 Славная поэзия дружбы и борьбы:
 Пусть останусь в жизни
                                 без куска,
   без крова,
 Встану саксаулом
                                 на путях судьбы!
(Перевод Н. Поливина)

Каракалпакская поэзия — неотъемлемая часть едином советской литературы. Но у нее были и есть свои особенности, достижения, трудности. При значительном влиянии фольклора и сравнительно позднем развитии прозы каракалпакская поэзия в течение длительного времени оставалась в своей литературе ведущим жанром. Параллельно со становлением рассказа, повести, романа, пьесы

у каракалпаков развивалась большая сюжетная поэма. В ней получили отражение важные социальные темы — рождение нового, советского человека, его мирные и ратные подвиги, борьба за ликвидацию эксплуататорских классов, за коллективизацию, раскрепощение женщины, торжество социалистических отношений. Это характерно для поэмы Мырзагали Дарибаева, Жолмурзы Аймурзаева и других.

О том, сколь дорог поэтам Каракалпакии опыт всесоюзной и мировой литературы, они пишут в поэтических обращениях к классикам — Омару Хайяму, Алишеру Навои, Тарасу Шевченко, Горькому, Маяковскому. В стихотворении Байнияза Каипназарова «Горькому» читаем:

Мне они открыли тайны жизни,
Вывели на путь меня большой.
Ты — певец и воин коммунизма,
Я всегда советуюсь с тобой.

(Перевод А. Чепурова)

Благородное стремление к установлению вечного всеобщего мира характерно для народов всех стран. Воспитанные на принципах интернационализма, дружбы народов, советские люди сочувствуют антиколониальному освободительному движению стран Азии, Африки, Латинской Америки. Любовь и искренние чувства дружбы к народам, сбросившим иго колонизаторов и строящим новую жизнь, выражены в поэме «Степные грезы» Ибрагима Юсупова:

Не от избытка
И не от богатства
Вам помогаем, не жалея сил.
Из чувства солидарности и братства,
От всей души,
Как Ленин нас учил.

(Перевод М. Луконина)

Знакомясь с образцами поэзии каракалпаков, этого сравнительно небольшого народа, пришедшего к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, мы становимся свидетелями волнующей картины его невиданного преобразования. Народ, до Октябрьской революции неграмотный, хозяйственно и культурно отсталый, в условиях торжества ленинской национальной политики, при бескорыстной поддержке братских народов нашей страны смог за полвека не только ликвидировать неравномерность своего хозяйственного и культурного развития, укрепить государственность и сельское хозяйство, воздвигнуть благоустроенные города, но и развить науку, школу, театр, создать реалистическую национальную художественную литературу, поэзию, выражающую передовые идеи века, стоящую на страже мира и прогресса во всем мире.

Известный французский географ, социолог и теоретик анархизма Жан-Жак Элизе Реклю (1830—1905) в своем главном 19-томном труде «Земля и люди» писал о каракалпаках: «По всей вероятности, через несколько поколений этот малочисленный, лишенный энергии народец не будет уже иметь независимого существования в Туркестане»³. И вот этот «народец», которому отказывали в энергии и самостоятельном будущем, в братском единении с другими народами Туркестана и всей России покончил с режимом угнетения и эксплуатации, по своей воле образовал автономную республику и ныне на берегах великой среднеазиатской реки Аму-Дарьи воздвигает светлое здание коммунизма.

Так обстоит дело с судьбой каракалпаков, этого «лишенного энергии народца»!

Поэзия каракалпаков также свидетельствует о недюжинной энергии ее создателей, смело прокладывающих новые пути. Успехи каракалпакской поэзии связаны со

---

³ Э. Р е к л ю. Земля и люди. Всеобщая география. Пер. под ред. С.П.Зыкова. Т. VI. СПб. 1898, с.396.

становлением социалистического реализма — самого передового художественного метода нашего времени. Гражданственность, народность, коммунистическая партийность — ее важнейшие черты.

Если в грозную ночь пред грозой я не встану,
Если в бедственный день пред бедой я не встану,
Если, щит твой и меч, пред войной я не встану, —
Только я виноват, покарай меня, Родина! —

(Перевод С. Сомовой)

так завершил стихотворение «Родина» поэт Кенесбай Рахманов.

Понятие отечества как бы расширилось, наполнилось большим содержанием, в котором гармонично сливаются интересы каждой нации и всего советского народа. Это обогатило и духовный облик всех советских людей, нашло отражение в их поэзии.

Люциан Климович

СТЕПНЫЕ СТРУНЫ

Жиен-жырау

(XVIII в.)

РАЗОРЕННЫЙ НАРОД

(Из поэмы)

В Туркестане, в стране отцов,
Мы пристанища не нашли,
Хоть работали целый год,
Не хватало на ползимы
Хлеба оскудевшей земли.

Черная настала беда —
Лет засушливых череда.
От набегов ханских страдал,
Вымирал, погибал народ.
Истлевали трупы людей
На песке пересохших рек.

Налетали со всех сторон,
Пировали стаи ворон.
Беззащитен был человек.
И от горя у дев степных
Косы черные расплелись.
По арыкам, вместо воды,
Волны крови нашей лились.
Сына не мог отец спасти,
Сын — отца от беды увести.

Старухи со сгорбленной спиной,
Старцы преклонных лет
Не могли поспеть за кочевкой вслед,
Отставали в пути.

Непогребенными остались они,
 Не смогшие Кызыл-Кум перейти,
 От голода ослабели они,
 Брели еле-еле они.

. . . . .

Разоренный каракалпакский народ
 В богатый Хорезм пошел;
 Бросил пастбище, пашню, дом.
 В Туркестане — в краю родном —
 Он пристанища не нашел.

Одиноким и нищим, нам,
 Обездоленным беднякам,
 Наши главные не помогли.
 Были склонны к жестокости и греху
 Восседавшие наверху.
 Наш казий дела несправедливо вел,
 А ишан⁴ развратен был, как козел.

Все, что есть у нас, — вымогали они,
 Пыткам нас подвергали они,
 Людей, не повинных ни в чем.
 Солнца правды скрывая лицо,
 Горе наше усугубляли они.

Эй, джигиты, братья мои!
 По пустыне вы разбрелись,
 На плечах своих ношу влача,
 Не нашли в пустыне ключа,
 Чистой влагой не напились.
 От голода ослабели вы,
 Лицом потемнели вы,
 Ваши руки, могучие еще вчера,
 Словно у больных, — затряслись.

---

⁴ Ишан — высокое духовное звание у мусульман.

День померк. Закрутил снеговой.
 Мы не видели ясных дней.
 Мы голодные шли в степи снеговой
 С непокрытою головой.

. . . . .

О, страдания матерей!
 Опираясь на сыновей,
 Через силу они бредут.
 Из последних сил сыновья
 Матерей несчастных ведут.
 Сил источник в них изнемог.
 Со словами: — Прощай, сынок! —
 Умирают они в пути.
 Чтоб одеть умерших, саванов нет,
 И заплаканные сыновья,
 Облачив умерших в клочья тряпья,
 В ямах хоронят их.
 Ставят знаки, чтоб на обратном пути
 В пустыне их след найти.

Ах, джигиты, джигиты мои,
 Дорогие мои друзья!
 Вы уходите дальше — в степь.
 Неотступно за вами — я.
 Мы бредем поредевшей толпой
 Среди пустыни этой скупой.
 Много было женщин с детьми,
 Что ушли к Хорезмским садам.
 Разоренным же счета нет,
 Что брели по нашим следам.
 Нет страданий в мире лютей,
 Чем страданья малых детей.
 Неразумный ребенок грудной
 Плачет...
 Детский услышав крик,

Дыбом становится волос мой,
 Прилипает к нёбу язык.
 Матери ноги едва волокут,
 Не бросают малюток — несут.
 Сколько молодых матерей
 По дороге умерло тут!
 Распеленатых их детей
 Среди пустых безлюдных степей
 Черные вороны клюют.

О погибшие молодые сердца,
 Без защиты, без матери и отца,
 Как весенний цвет, облетели вы,
 В пустыне истлели вы!
 Ничего, чем славится белый свет,
 Увидать не успели вы.
 За неделю, как цвет степной,
 В зное дня обгорели вы.
 Ваша гибель запала в душу мою!
 Пусть об этом я спеть могу,
 Что за толк вам, родные, в том?
 Чем я вам теперь помогу?

· · · · ·

А для тех, кто остался в живых,
 Наконец наступила весна.
 Прошлогоднюю нашу сеть
 Поскорей починили мы
 И в реку ее завели.

· · · · ·

Наконец забрезжил рассвет.
 Поскорей на плечи взвалив
 Корзины из камыша,
 Пospешили на берег мы,
 От волнения в ту пору у нас

Подступала к горлу душа.
 От студеной рассветной росы
 Пробегала по телу дрожь,
 Резкий ветер с просторов морских
 Лица нам царапал, как нож.
 От ударов ветра того
 Ноги онемели у нас.
 Руки закаменели у нас.
 Только к берегу мы подошли,
 Видим: тонким ледком затянулась вода.
 А на чистой воде, вдали,
 Виднеется наша сеть.
 Страшно было в ту пору нам
 В ледяную воду войти.
 Но решили: лучше иль умереть,
 Или вытащить нашу сеть.
 Сбросили одежду свою
 Храбро все, кто двигаться мог.
 На канате друг друга держа,
 Разбивая палкой ледок,
 В воду по пояс забрели,
 Добрались до сети своей.
 Поглядели — а в ней полно
 Усачей, сазанов, лещей!

. . . . .

Вспомните, джигиты мои,
 Сколько мы претерпели бед!
 Вспомните, что каждый из нас
 Был голоден и раздет!
 Разоренный мы были народ,
 А когда залучили мы
 В нашу сеть богатый улов,
 Чтобы высказать радость, нам
 Не хватало в ту пору слов.
 А джигит — говорит народ —
 Время попусту не проведет.

Отдохнув после сытной еды,
Чуть закатом зардел небосклон,
Взяли сеть, зашагали мы
Бечевой на дальний затон.
Сеть на нем поставили мы.
А наутро стало тепло,
Словно летом, солнце пекло.
Как стекло, блестела вода,
А по зеркалу светлых вод
Белоснежный лебедь плывет.
Над затоном чайки летят,
Сердце криками веселят...
Осторожно мы в воду вошли,
Посмотрели — улов у нас
Больше, чем вчерашний, в пять раз.
Много жирных мы выбрали там
Сазанов и усачей,
Много рыбьей мелочи там
Застряло в ячейках сетей.
В корзины и в травяные мешки
Всю рыбу покладали мы.
Целый день, до вечерней зари,
Улов свой таскали мы.
Мелочь рыбью выбрали всю,
Ничего не бросали мы.
С той поры, джигиты мои,
Перестали мы голодать.
Изобилье настало у нас,
Стали рыбу мы продавать.
Ах, джигиты, джигиты мои!
Нас тогда от гибели спас
Этот островок Мунайтпас!
Если люди дружно живут,
Не страшны им горе и труд.

И опять расцвел наш народ.
Мы хозяева сами себе, —
Баи стали нам не нужны,

Ханы стали нам не страшны.

. . . . .

Я в те дни о сиротке Мнаим
 Не переставал тосковать.
 Из-за жгучей печали моей
 Перестал я в ту пору спать.
 И решил: мне надо идти,
 Мне сиротку надо найти,
 От неволи ее спасти...

Я с друзьями держал совет
 И такие слышал слова:
 «Ну куда ты, старый, пойдешь?
 Где ее ты, бедный, найдешь?
 Да и вряд ли она жива!
 Как она уцелеть могла
 У злодея бая в руках?
 Ты один — в пустыне умрешь!
 И останется непогребенный твой прах
 В раскаленных солончаках!»

Не понравился мне их совет.
 Но один из них мне сказал:
 «Если хочешь искать, иди!
 Эту девочку помню я.
 Ты найди ее, приведи!
 Пусть живет среди нас она
 В наши лучшие времена,
 Пусть поет она соловьем!
 Друг, ты будешь не одинок —
 Мы пойдем с тобою вдвоем.
 Коль жива она до сих пор,
 Мы ее с тобою найдем.
 Коль мертва она — прах ее
 Мы с собой возьмем, унесем.
 Мы всю правду должны узнать,

Сами все должны увидеть».
Не остановленные никем,
Вышли утром мы налегке.
Я, привыкший скитаться давно,
Лишь один кобыз захватил.
Добровольный мой спутник-друг
Хлеб тащил за спиной в мешке.
Ради той сиротки моей
Мы ушли в пустыню — искать,
Где кочует бай Ереке.
В солонцах пустыней глухой
Мы с ним четверо суток шли.
Ни колодца, ни капли воды
Мы в дороге той не нашли
И от жажды изнемогли.
А на пятый день, поутру,
Нам блеснули в лучах зари
Воды светлой Аму-Дарьи.
Подошли мы к горам Каратау,
К Ходжа-Колу едва доплелись
И прохладной чистой водой
Из горстей наконец напился.
В светлом озере искупались мы,
И, решив до вечера отдохнуть,
Новой силой наполнив грудь,
Тыквенные бутылки свои
Чистою наполнив водой,
Через перевал Каратау
Радостно мы двинулись в путь.
Мы в пути убивали волков,
Шкуры снимали с них.
Волчья шкура — мех дорогой,
На спине мы таскали их.
Мы прошли по ущельям гор,
И открылся пред нами опять
Голубой степной кругозор.
Эта местность была хороша, —
Зеленели по берегам озер

Заросли камыша.
 Увидали мы там стада,
 Поздоровались с чабаном.
 Целый день мы с ним провели,
 Целый день разговор вели.
 Разузнали мы у него,
 Где кочует бай Ереке.
 Спрашивал я о сиротке моей,
 Слезы ронял из глаз.
 Внимательно посмотрел он на нас
 И сказал: «Друзья, если так,
 Я скажу вам — отсюда недалеко
 На кочевку стал Ереке.
 Я всего лишь батрак его.
 На крутом зеленом холме
 Белая юрта бая стоит.
 Не ходите прямо к нему,
 Чтоб не натерпеться обид...»

Выждав время, к тому холму
 Осторожно мы подползли.
 Вдруг знакомый голос, полный тоски,
 Мне послышался издали.

Забыв обо всем, я к ней подбежал, —
 Что была мне любая гроза?
 Усталое лицо увидал,
 Заплаканные глаза.
 За руки взял ее и спросил:
 «Помнишь ли ты меня?
 Как мы шли из родной страны,
 Как в пути твой умер отец,
 Как в пути умерла твоя мать,
 Помнишь ли, милая ты моя?
 Что тебя я удочерил,
 Покровителем стал твоим,
 Но в несчастье не защитил,
 Ты меня за это прости!..»

Узнала меня, растерялась она,
Слова вымолвить не смогла,
Крепко шею мою обняла,
Зарыдала, забилась в моих руках —
И утихла вдруг, обмерла.
А когда очнулась она,
Как нам быть — мы стали решать.
Не откладывая, сговорились мы
До рассвета в ту ночь бежать.
А когда закат отгорел
И большой богатый аул
Без тревог в тишине уснул,
Дочь моя названная пришла.
Трех коней арабских кровей
В поводу она привела.
Статен, ладен, красив на вид,
С ней пришел молодой джигит.
Бай угнал ее кобылиц доить,
И поэтому, может быть,
Что она табунщицею была,
С молодым, отважным джигитом она
Дружбу крепкую завела.
Поздоровался с нами джигит,
Молвил: «Доброго вам пути!
Вы садитесь на этих коней,
Уходите отсюда скорей!
Я сумею ваш след найти».
Как родных он нас провожал.
Я глядел на дочку мою Мнаим —
Узнавал и не узнавал.
В шелковый золототканый наряд,
Как джигит, одета она,
А в руке у нее меч боевой,
Сталь булатная обнажена.
За свои унижения этим мечом,
Чуть луна в тумане вечеровом
Искривленной саблей взошла,

В тот же вечер дочь моя этим мечом
Баю голову отсекала.

«Пусть в согласие люди живут!
Пусть на баев беды падут!» —
Так все вместе сказали мы.
Крепко отомстивши врагам,
Сели мы на резвых коней
И, как вихрь, домой понеслись.

Так сбылась наконец мечта
Дорогой сиротки моей!

Кунхожа

(1799-1880)

МОИ КРАЙ

Из Туркестана прадеды мои
Пришли искать покой в чужом краю.
Здесь годы детские мои прошли,
Здесь рос я, озорной, в родном краю.

Уйдем на берег озера, грустя,
Косить камыш — пять косарей и я.
В Торис-тобе ведет тропа моя,
Обижен я судьбой в родном краю.

Пусть ложный слух вас не введет в обман —
Не знали мы болезней или ран,
Мы шли к Ырзы от острова Ержан,
Гонимы нищетой в родном краю.

Ловили рыбу мы недалеке —
В реке Токсан, потом в Мантык-реке,

Больших сомов, дремавших в тростнике,
Мы били острогой в родном краю.

Здесь Ибрагим, мулла Абдимурат,
Глухой на оба уха Измурат,
Здесь наши племена — Кият, Кунград,
Живем большой семьей в родном краю.

Мы уповаем: в Жалайлыр, сюда,
Придет на наши пастбища вода,
Как девушка к джигиту.
Я всегда Надеждой жил такой в родном краю.

Гулял я с девушками, ел и пил,
Добросердечным, дружелюбным был,
Всех ближних одинаково любил —
Я был самым собой в родном краю.

В Бекман-шагыл, куда вода пришла,
Где раньше степь была, как лоб, гола, —
Отарам байским нет теперь числа...
Как хорошо весной в родном краю!

Я в детстве жил на озере Айрша,
Где волны плещутся, песком шурша.
Терпел я боль, невзгоды, но душа
Была всегда живой в родном краю.

Я говорю, а на сердце тоска.
Мечты мои, не мучьте бедняка!
Но жив и крепок человек, пока
Он на земле родной, в родном краю!

Я видел мир, во многих жил краях,
Знал труд и дружбу, знал тоску и страх,
Но горести меня не стерли в прах —
Я пребывал душой в родном краю.

Обширен был муйтенов старый род,
 Рождались дети в юртах каждый год,
 Но гибли многие... В плену невзгод
 Томились мы тоской в родном краю.

Иным достичь желанного дано,
 Удел других — страдание одно.
 Безумцем, обездоленным давно,
 Живу я — всем чужой — в родном краю,

ВЕРБЛЮД⁵

Скажи, верблюд полуслепой,
 Худой, с трясучей головой:
 Ойсылкара — защитник твой,
 С ним, неустанным, ты знаком?
 Есть покровители скота:
 Великий Жылкышы-ата,
 Занги-баба, Шопан-ата,
 С их древним станом ты знаком?
 А с тем, кто святости достиг,
 Кто даже птичий знал язык,
 Кто был владыкой из владык, —
 С ним, Сулейманом, ты знаком?
 Ты дряхл, прошел ты долгий путь,
 Лишь вид верблюдицы чуть-чуть
 В тебя способен жизнь вдохнуть,
 Но снова поникаешь ты.
 Покорный горестной судьбе,
 В своей ты страшен худобе,
 Хоть петля смерти на тебе,

---

⁵ Хивинский хан созвал поэтов, требуя от них восхваления его величия и богатства. Кунхожа, сочинивший правдивые, не лестные для хана стихи, получил в подарок старого, полуослепшего верблюда. Это послужило поводом для насмешек, на которые поэт ответил стихотворением, полным горькой иронии.

А все еще шагаешь ты.
Твой путь был горек и тяжел,
Теперь ты стал понур и гол.
Когда ты в этот мир пришел,
Наверно, сам не знаешь ты!
Был Чингисхан, и был засим
Хан знаменитый — Мадреим,
А ныне правит Мадамин, —
Их всех, наверно, помнишь ты!
Нет у тебя среди людей
Ни господина, ни друзей.
Где зубы в челюсти твоей?
Не разжуеть и сена клок!
А если местным мясникам
Тебя на мясо я продам,
Смогу ли по моим деньгам
Купить насвая хоть кулек?
Когда бы свел я на базар
Хивинского владыки дар,
Навряд ли, так ты слаб и стар,
Я оплатить проезд бы мог!
Твои скупилась господа,
Скудна была твоя еда,
Ты, видно, голодал всегда,
Измученный, больной верблюд.
Ты сух, как выкопанный пень,
На черную походишь тень,
С двумя горбами набекрень,
Невиданный, чудной верблюд!
Нет шерсти на твоих боках,
Нет мяса на твоих костях,
Дивлюсь я, как ты не зачах
В песках, в глуши степной, верблюд.
Стар, как стариннейший дастан,
Ты, видно, мне в насмешку дан.
Уж лучше обделил бы хан,
Чем наградил тобой, верблюд!
Ты дряхлым стал, угас твой пыл,

Лишился ты последних сил,
 Ты жалок в старости, а был
 Когда-то неплохой верблюд!
 Вот подарили бы, любя,
 Мне верблюжонка от тебя,
 Я б вырастил твое дитя,
 Род расплодил бы твой, верблюд.
 Эй, Кунхожа, зря не скули —
 Будь мудрым, как Махтумкули.
 Сейчас унижен ты, в пыли,
 А был — как молодой верблюд.

КОМУ НУЖЕН

О, если есть еще края,
 Где не слышали соловья,
 В таком глухом краю, друзья,
 Кому цветок пахучий нужен?

Когда бегущий с гор поток
 Не в силах напоить росток,
 Не разольется в должный срок, —
 Кому поток могучий нужен?

Коль сокол, высмотревший дичь,
 Не испускает гордый клич
 И не желает дичь настичь, —
 Кому подобный сокол нужен?

Коль не мелькает пес, как тень,
 Не перескочит и плетень,
 Увидит зайца — гнаться лень, —
 Кому брехун подобный нужен?

Коль не послушен конь узде,
 Коль неразборчив он в еде,
 Ленив на скачках и в езде, —
 Кому скакун подобный нужен?

Нет перед дедами заслуг,
К врагу бежит, как лучший друг,
И дело валится из рук, —
Кому урод подобный нужен?

Не копит гнева с каждым днем,
Не победит в борьбе с врагом,
Ни силы, ни упорства в нем, —
Кому боец подобный нужен?

Душа за ближних не болит,
Людей в беде не защитит,
Все голодны, один он сыт, —
Кому вожак подобный нужен?

Несправедлив к народу он,
Не слышит страждущего стон,
От бедствий прячется за трон, —
Кому такой правитель нужен?

Суд справедливый не по нем,
Лицеприятен он во всем,
Чужак на празднике людском, —
Кому такой советчик нужен?

Скота в загоне — не сочтешь,
А людям пользы — ни на грош,
На волка жадного похож, —
Кому такой стяжатель нужен?

Шумит ручьем, а не рекой,
Бесстыдно хвастает собой,
А для врага — лишь звук пустой, —
Кому такой воитель нужен?

Не слушает отца и мать,
Их не желает почитать, —

Что старикам от сына ждать?
Кому такой наследник нужен?

Не видишь солнечных лучей,
Не слышишь, как звенит ручей,
Сам не поешь, как соловей,
И так всю жизнь... Кому ты нужен

КАМЫШ

Ты много мук изведаль тоже,
И листья у тебя желты,
Как братья, мы друг с другом схожи,
Немало горя знал и ты.

Твои побеги чахлы, слабы,
Утратили зеленый цвет,
Тебе давно цвести пора бы,
Но и на это силы нет.

Ты из воды растешь, а жажды
Не можешь утолить своей,
Под дуновеньем гнешься каждым,
Хоть много у тебя корней.

Держаться трудно в скользкой глине,
Меж тем прошел весенний срок,
А лета нету и в помине.
За что же нас карает бог?

Тебя в дугу сгибает ветер,
С твоих метелок пух седой
Нераспустившихся соцветий
Он рассыпает над водой.

Гляжу: уже в начале лета
Успел ты, бедный, пожелтеть,
И не видать тебе расцвета,

Коль так дела пойдут и впредь.

И все-таки жди доброй вести,
Держись, не сохни у воды!
Смотри: я так же, как и ты,
Стою на очень скользком месте.

Ажинияз

(1824-1878)

БОЗАТАУ⁶

(Отрывок)

Мы уходим... Нас гонят в неведомый край,
Покидаем тебя, Бозатау,
Слезы льются, в глазах почернело...
Прощай, Покидаем тебя, Бозатау!

При народе — земля, при земле был народ,
А теперь безземельных мучение ждет,
Больно будет сердцам, захиреет наш род,
Ты кормильцем нам был, Бозатау.

На Кийсыке Порхане⁷ лютует зверье,
Изболело скорбящее сердце мое,
Нет в саду соловьев — лишь одно воронье,
Твой печален конец, Бозатау.

Мать отнял у одних этот грозный набег,
Сына, дочь у других уведут за Атрек,

---

⁶ Бозатау (Остров плодородия) – одна из самых известных и любимых в Каракалпакии старинных народных песен, проникнутых чувством глубокой любви к родной земле. «Кто не знает песни о Бозатау, тот не каракалпак», - говорят в народе.

⁷ К и й с ы к П о р х а н – название острова.

За Гургеном⁸ окажутся братья навек,
У хаджар⁹ — их сестра, Бозатау.

Все разграблено... Плачь и смятенье окрест...
Отрывая людей от насиженных мест,
Кареглазых сынов, чернобровых невест
Гонят всадники вдаль, Бозатау.

Сын с отцом — их вдвоем приведут на базар,
Курдам в Шам¹⁰ иль в Ирак продадут, как товар,
Молодого — дороже, а старого — в дар,
Как в придачу к нему, Бозатау.

Сотни девушек наших, сестер, дочерей,
Черноглазых, с лукавым изгибом бровей,
Гонит плетью в постыдное рабство злодей,
Разлучает с тобой, Бозатау.

Ту, что краше была Зулейхи и Лейли,
Чьи ресницы порхали и щеки цвели,
Ясноликую в плен навсегда увели,
Не вернется она, Бозатау.

На рассвете меня разбудила пальба,
Принесло пробужденье мне участь раба:
Навалились, связали — напрасна борьба,
Беспощадна судьба, Бозатау!

Был захвачен врасплох даже храбрый джигит,
Безоружный народ врассыпную бежит,
О, как сердце от боли и гнева дрожит,
Как скорбит о тебе, Бозатау!

---

⁸ Атрек, Гурген – названия рек.

⁹ Х а д ж а р ы – название народности.

¹⁰ Ш а м – Ситрия.

Избавления мне от мучителей нет.
 Кто меня защитит? Покровителей нет.
 Есть у пленных охрана. Хранителей нет.
 Покидаем тебя, Бозатау.

За спиной остается покинутый рай,
 И в слезах Зийуар¹¹ повторяет: — Прощай!
 Буду жив — возвращусь в свой возлюбленный край
 Покидаем тебя, Бозатау!..

МОИ ГЛАЗА

Бог создал плоть мою, зажег весенние мои глаза;
 И были много лет полны цветения мои глаза.
 Я столько видел! Ясных звезд бесценнее мои глаза.
 В любом краю, в любой беде спасение — мои глаза.
 Без вас темницей стали дни, стал тенью я, мои глаза!

Проходят спутники мои, от сверстников я отстаю,
 Угрюмо застигает ночь дорогу светлую мою.
 Друзья забыли облик мой, и я — чужак в родном краю.
 Удача от дверей бежит, беспомощно я слезы лью,
 Ослабевает день за днем дар зрения — мои глаза.

Весна веселых дней моих промчалась, как единый час,
 И радость мимо пронеслась, и пламень юных чувств угас.
 В водовороте суеты теряем мы себя, кружась,
 И поздний ужас пустоты на склоне лет терзает нас.
 Прошла весна. Грядет пора осенняя, мои глаза.

Когда мне было десять лет, я зиму в лето обращал,
 И в двадцать пять и в тридцать лет сердца я песней
 обольщал.

---

¹¹ З и й у а р – псевдоним поэта Ажинияза.

Как сокол, я когтил судьбу, и радость голос мой вещал,
 И жизнь моя была полна, и я был светел и удал,
 А ныне превратилась жизнь в мучение, мои глаза.
 Теперь мне сорок восемь лет, теперь я стар и одинок.
 О, сколько несказанных бед сулил мне беспощадный рок!
 Подруга, давняя мечта, оставила ты мой порог...
 Зачем дарована мне жизнь, когда мой жребий так жесток?
 Нисходит ночь. Заволокло затмение мои глаза.

НУЖЕН

Коль мужествен и храбр джигит,
 А сердцем для людей открыт,
 Отвагой грозной знаменит, —
 Такому друг надежный нужен.

Коль в дальний путь джигит влеком,
 Спешит в сражение с врагом
 И машет яростным клинком, —
 Такому предводитель нужен.

Богач, владелец многих стад,
 Таким послушным слугам рад,
 Что, впроголодь живя, молчат, —
 Богатым безответный нужен.

Вор — для родителей позор.
 Коль староста в ауле — вор,
 Он на любую подлость скор,
 И куш ему немалый нужен.

Коль царь помешан на деньгах,
 Дворцы возводит на костях,
 А в подданных вселяет страх, —
 Ему поход военный нужен.

А бедняку война не впрок,

Для бедняка тяжел оброк,
 Ему бы мирный огонек,
 Покой и хлеб насущный нужен.

Рабу, что мучится в нужде,
 Гниет в неволе и беде,
 Кому удачи нет нигде,
 Тому свободный жребий нужен.

Чтоб радость знал Ажинияз
 И чтоб мечта его сбылась,
 Чтоб в мире правда прижилась, —
 Ему, друзья, век долгий нужен.

ПУСТОЙ МЕЧТОЙ ТЫ ОКАЗАЛАСЬ, ЖИЗНЬ МОЯ

На этом свете никогда не знал я счастья,
 Пустой мечтой ты оказалась, жизнь моя.
 Так рано горестной судьбы изведал власть я!
 Пустой мечтой ты оказалась, жизнь моя.

Спешил удачу я догнать — коня лишили,
 Хотел я на небо слетать — да где вы, крылья?
 Мечтал я милую обнять — нас разлучили...
 Лгала и сердце мне терзала жизнь моя.

Судьба, ты в царский сан глупца возводишь,
 Горящего — в холодный мрак с высот низводишь,
 Холодных — пламенем любви, смеясь, изводишь,
 Мне — быть безумцем приказала жизнь моя.

Когда бы в темный уголок навек забиться,
 На все оставшиеся дни в тиши забыться...
 Кому тоску мою избыть, пред кем излиться?
 Смертельней яда, злей кинжала жизнь моя!

Бердах
(1827-1900)

МОРЕ РЫБЫ СВОЕЙ НЕ ДАЕТ

Снова в море закинул я сеть.
Море рыбы своей не дает.
Боже мой, нету силы терпеть,
Что в груди твоей: сердце иль лед?

Обезлюдел мой род, приуныл,
Поплелись мы, лишённые сил,
От родимой земли и могил...
Море рыбы своей не дает!

И меня захлестнула нужда,
И пошел я, не зная куда,
Но везде нас встречает беда,
Море рыбы своей не дает.

Путь тяжелый и длинный у нас.
Ни зерна, ни скотины у нас.
Есть ли выход, мужчины, у нас?
Море рыбы своей не дает.

В злобном море бушует волна,
Словно жизнь, холодна и черна.
Жизнь мрачна, без просвета она.
Море рыбы своей не дает.

Вам, друзья, не желал я беды,
Я желал за любовь и труды
Много счастья, как в море воды,
Лет на сто или двести вперед.

Но, увы, нас окутал туман,
Правят миром лишь зло да обман,

Злой богач и блудливый ишан,
Им и счастье, и мясо, и мед.

Ну, а мы — простота, беднота,
Дверь удачи для нас заперта,
Бьет аллах нас, и лжет нам мечта,
Море рыбы своей не дает.

Я бедняк, я собрат ваш Бердах,
Я правдив и в словах и в делах,
И меня обездолил аллах,
Адским пламенем сердце мне жжет.

ЛЕТО ПРИДЕТ ЛИ?

Вьюга нас мучила, вьюга слепила,
Ветхую юрту мою повалила,
Черными тучами небо закрыла,
Кто мне ответит: лето придет ли?

Душу и сердце морозами студит.
Кажется, солнца уже и не будет.
Мы — бедняки, униженные люди,
Молим о лете. Лето придет ли?

Нету похлебки у бедного люда,
Нету подстилок, и взять их откуда?
Ехать мне надо, и нету верблюда,
Стар уж теперь я. Лето придет ли?

В отчет краю я живу, как в остроге,
Жесткой веревкой мне спутали ноги
Нет предо мной ни пути, ни дороги
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Что происходит у нас под луною!
Люди замерзшие молят о зное.
Сделалось льдом то, что было водою.

Солнце не светит! Лето придет ли?

В море немало воды горьковатой,
Холодно в юрте моей небогатой,
Что же нам делать зимою проклятой?
Солнце не светит! Лето придет ли?

Мясо мы ели. Теперь у нас — голод.
Нету скотины, сожрал ее холод.
Овцы погибли на пастбищах голых.
Зябко на свете. Лето придет ли?

Родину давят морозы и беды,
Стали озера от холода седы...
Умер сегодня сынок у соседа...
Бедные дети!.. Лето придет ли?

Чистое золото в медь превратилось.
Холодно, голодно, вьюга взбесилась.
Что же нам делать, скажите на милость?
Кто нас приветит? Лето придет ли?

Дар красноречья сегодня не нужен,
Красноречивый затравлен, недужен.
Эй, богачи, вам не холодно в стужу?
К бедным, ответьте, лето придет ли?

Мне бы укрыться — да нет одеяла,
Мне бы согреться — но топлива мало.
Сытой ни разу семья не бывала,
Голодны дети. Лето придет ли?

Много нам лгали. А истина — где ты
Много ли в жизни мы видели света?
Сердце устало, мы жаждем ответа:
Стихнет ли ветер? Лето придет ли?

Кто я? Старик, сединой убеленный,

Песни мои — не напевы, а стоны,
 Вопли собратьев моих угнетенных...
 Кто их приветит? Лето придет ли?

МОЙ БЫК

Ударю палкою его, беднягу,
 Он двинется, я на соху налягу.
 Он без меня не сделает ни шагу...
 Мне честно служит службу черный бык.

Он всех сильнее — поглядите сами.
 Кто может справиться с его рогами?
 Они остры, как нож, тверды, как камень.
 Посмотришь: очень страшен черный бык.

След от копыт его похож на блюдо.
 Среди быков мой бык — не бык, а чудо!
 Своею силой славен он повсюду,
 Мой красноглазый, круторогий бык!

Моя судьба на радость скуповата,
 Моя душа всегда тоской объята,
 Но делит все со мной мой друг рогатый
 Мой знаменитый, сильный черный бык!

Я шел, а на пути была преграда,
 Судьба влила мне в сердце много яда!
 Но верный друг, утеха и отрада,
 Всегда со мною ты, мой черный бык!

«Э-эй, вперед!» И мы идем по зною
 И вспарываем поле бороздою.
 Как ты силен, люблюсь я тобою...
 Спасибо, мой усердный черный бык!

ЗНАЙТЕ

Когда сойдетесь с кем-нибудь, —
Его происхождение знайте.
Пойдете вместе в дальний путь, —
Дороги направленье знайте.

Да будет путь ваш чист и прям,
Желаю трудолюбья вам,
Непримиримости к врагам.
Враг — это враг, не забывайте.

Женитесь на одной из ста,
Чтобы чиста была, проста.
А красота, — что красота?
Она поблекнет, так и знайте!

Один смеется и поет,
Другой худеет от невзгод.
Обманщик этот, честный тот.
Злых от хороших отличайте.

Я — человек простой, я — голь,
В мое нутро вселилась боль,
Мои глаза съедает соль,
Я — слабый, вы об этом знайте

Еще совет вам дать могу:
Не знайте жалости к врагу,
Сгибайте всех врагов в дугу
И только другу помогайте.

Один вверху, другой на дне,
А есть бездольные вдвойне.
Вот я такой, несладко мне,
И вы меня не презирайте.

Друзья мои, мне много лет,

В словах моих неправды нет.
И вы несите людям свет,
Дорогу людям озаряйте.

Я был цветком, увял цветок,
Я пел о том, что мир жесток.
Я счастье повстречать не мог,
Вы о моем несчастье знайте.

МНЕ НУЖНЫ

Цветок, к моим ногам склоненный,
Поющий соловей влюбленный,
Мир, светом солнца озаренный,
Дни радостные — мне нужны.

Гора, чтоб издали дымилась,
Верблюдица, чтобы доилась,
Красавица, чтоб ночью снилась,
Для счастья моего нужны.

Мне нужен конь нетерпеливый,
С подстриженным хвостом и гривой,
Крепкокопытный и красивый...
Лихие кони мне нужны.

Есть у меня еще забота:
Мне соколиная охота,
Мне птицы, ждущие полета,
Лихие соколы нужны.

Джигиты, чья рука готова
В бою сразить врага любого,
Держать умеющие слово,
Для дела правого нужны.

Друзья, борцы, что за свободу
Готовы и в огонь и в воду,

Сочувствующие народу,
Для дела правого нужны.

Кто сеет хлеб и воду ищет,
Кто с бедняками делит пищу,
Кто помогает людям нищим, —
Такие люди мне нужны.

Борцы, насупившие брови,
С оружием правым наготове,
Те, что не пожалеют крови
В борьбе за счастье, мне нужны.

МОЯ ПОДРУГА

Брови, брови, как в горах осока,
Брови, брови подняты высоко,
А под ними, как у ланей горных,
Пара глаз, испуганных и черных.

Ты пришла — ответь мне, ради бога,
Из каких краев на белый свет?
Здесь тебя такую сглазить могут,
Вот, надень на шею амулет.

РОЗА С БУТОНОМ

Ох, роза с бутоном,
Ох, роза с бутоном,
Смеясь, ты играешь
Со мною, влюбленным.

Как долго ты вовсе
Со мной не была,
В пожаре разлуки
Сгорел я дотла.

Ты, роза с бутоном,

Не хочешь склониться...
 Как трудно влюбленным
 Желанных добиться.

Мы платим за счастье
 Нелегкою данью,
 Чем больше желанье,
 Тем горше страданье.

ХАН-САМОДУР

(Из поэмы)

Владея множеством золотых палат,
 Распространяя самовластья яд
 И жизнь народов превращая в ад,
 Прошло немало ханов под луной.

В былые времена один из них —
 Великих повелителей земных,
 В прах повергая всех врагов своих,
 Прошел со славой долгий путь земной.

Была десница у него крепка,
 Была его столица велика,
 Средь кровью обгащенного песка
 Она стояла гордо за стеной.

Но властелин не бог, хоть и велик,
 И потому был смертен хан-старик,
 Когда восьмидесяти лет достиг,
 И он переселился в мир иной.

Он отошел, оставив ханский трон,
 Земную славу и оружия звон,
 Оставил сына и красавиц жен,
 Не взяв туда с собою ни одной.

Счастливым сын остался сиротой.

(Свершилось то, что было лишь мечтой.)
 Вошел он на отцовский трон золотой
 И стал обширной управлять страной.

Хоть новый хан почти ребенок был,
 В сравненье с ним отец ягненок был,
 Жестокий юный хан с пеленок был.
 Как знать, что было этому виной?

Визирь, чье сердце холодней, чем лед,
 Нещадно грабил стонущий народ.
 А хан (ему пошел двадцатый год)
 Судил и правил за его спиной.

Когда-то юношу учил мулла,
 Наука очень скучною была,
 Она на пользу хану не пошла,
 Ему был предначертан путь иной.

Великих ханов окрыляет власть,
 Великих ханов опьяняет власть,
 Наш хан познал еще другую страсть, —
 Он ею был охвачен, как шальной.

Желанье хана — для страны закон,
 И верные гонцы со всех сторон
 К нему в гарем сгоняли новых жен,
 И забавлялся он с очередной.

Он свадебные задавал пиры,
 Каких не знали прочие дворы
 От сотворенья мира, с той поры,
 Как появились ханы под луной.

Предпочитал он малолетних дев
 И радовался, юной овладев,
 А девушка, познав позор и гнев,
 Случалось, весь свой век была больной.

Через покои ханские прошли
 Красивейшие женщины земли
 И все ж насытить хана не могли,
 Не остывал его желанья зной.

По всей стране гонцов не меньше ста
 Он разослал, сказав им:
 «Красота Дороже крови, золота, скота,
 Добудьте женщин мне любой ценой!»

* * *

На берегу, где юрты не строят,
 Один рыбак жил много лет подряд.
 Веревкой он подвязывал халат,
 Во всем себе отказывал бедняк.

Жизнь не легка была, не хороша,
 Поставил дом он вроде шалаша,
 Сеть смастерил и плот из камыша
 И рыбой пробавлялся кое-как.

Он делу научился у отца,
 По рыболовной части мудреца.
 Стирая пот со своего лица,
 На счастье сеть закидывал рыбак.

Весною рыба шла икру метать, —
 На рыбака сходила благодать,
 Не успевал он сети вынимать,
 А в ней блестел сазан, блестел судак.

Но чаще так бывало у него:
 Закинет сеть — не вынет ничего,
 И, плача от бессилья своего,
 Судьбину злую проклинал бедняк.

Был нищ рыбак, а все же был богат:
Веревкой он подвязывал халат,
Но у него был сокровенный клад,
Был дочерью своей богат рыбак.

И впрямь была красавицею дочь,
Пред нею тучи расступались прочь,
В безлунную, неласковую ночь
Ее краса рассеивала мрак.

Она была стройна и высока,
Была черноволоса и тонка.
Светился взгляд ее издалека,
Избраннику суля немало благ.

Ее улыбка расточала мед,
Ее улыбка расплавляла лед,
И руки белые, и нежный рот
Избраннику сулили много благ.

Но улыбалась изредка она.
Работала Гулим, не зная сна.
Жизнь этой девушки была трудна,
Как всякой, у кого отец бедняк.

Таких не озаряет счастья свет,
У них причины для веселья нет.
Когда минуло дочке десять лет,
Свою жену похоронил рыбак.

И без того жилось несладко им,
Но вот осталась сиротой Гулим.
Она над горем плакала своим
И не могла наплакаться никак.

На берегу так плакала она,
Что вся вода от берега до дна
От слез девичьих стала солона...

Над бедною Гулим сгущался мрак.

* * *

И стали жить рыбак и дочь одни.
Верней, не жили, мучились они.
В нужде, в заботе пролетали дни.
Гулим росла, как полевой цветок.

Отец-кормилец, волею судеб,
Однажды занедужил и ослеп.
Рыбачить, добывать насущный хлеб
Слепой рыбак теперь уже не мог.

Старик сидел беспомощен и тих,
Касаясь глаз невидящих своих,
А дочь работать стала за двоих,
Не покладая рук, сбиваясь с ног.

Старик был слеп, он путал день и ночь.
Старик жалел единственную дочь.
Но, немощный, чем мог он ей помочь?
Он лишь молился: «О великий бог!

Гулим, — она и дочь моя и сын, —
На всей земле одна, и я — один.
О боже, наш всесильный властелин,
Не посылай к нам горе на порог.

Дочь у меня — и больше нет детей.
Пошли удачу дочери моей!
Пусть потечет к ней золота ручей,
Ужель для счастья нету к нам дорог?

О господи, меня лишил ты глаз,
Мою мольбу услышь ты хоть сейчас!..»
Так он молился в день по многу раз,
Рыдал, просил, а что еще он мог?

И дочь его должна была успеть
 Испечь лепешки и закинуть сеть,
 За стариком незрячим приглядеть,
 И накормить его, и вымыть в срок.

Хватало дел: то снасть не хороша,
 То прохудилась крыша шалаша.
 Ее чинила девушка, спеша,
 Чтобы старик в ненастье не промок.

Дочь почитала слабого отца,
 В жару стирала пот с его лица.
 Она была очами для слепца.
 Он без нее и вовсе б занемог.

Незрячий, никуда он не ходил,
 Лишь на одно ему хватало сил —
 Сидел старик, весь день веревки вил,
 Веревки эти сматывал в клубок.

Гулим была красива и чиста.
 О ней ходила слава неспроста.
 Но если счастья нет, то красота
 И та несчастной девушке не впрок.

Посланцам хана — воинам лихим
 Известно стало о красе Гулим.
 И вот уже они путем глухим
 Проникли на далекий островок.

В глухом краю скрыт от людей шалаш.
 Безлюдье — вот его надежный страж.
 Гулим твердила: «Кто отыщет наш
 Пустынный остров? Нет сюда дорог!»

* * *

Ни шороха вокруг, ни ветерка,
 Покой и сон в жилище рыбака.
 Так только кажется издалека, —
 Обманчивы покой и тишина.

Покоя нет, не спит рыбак слепой.
 Он, подпирая голову рукой,
 Вымаливает счастье и покой, —
 Молитва у него всегда одна.

От старика немного в стороне
 Лежит Гулим, свернувшись на рядне,
 И что-то шепчет, мечется во сне,
 Тревожна, как река, как снег, бледна.

А в это время ханские послы,
 Не очень расторопны и смелы,
 Бредут во тьме, как вьючные ослы,
 Усталы, злы, а цель им не видна.

В жилище рыбака не ждут врагов,
 Ни брани их не слышат, ни шагов.
 Гулим, бедняжка, после дня трудов
 Лежит, заботами утомлена.

И видится ей сон: змея ползет,
 К ее губам свой страшный тянет рот,
 Сперва целует, после кровь сосет, —
 Гулим бессильна, а змея сильна.

Вкруг шеи обвивается она,
 Гулим кричит, пытается она
 Бежать, но спотыкается она,
 И — в страхе просыпается она...

Отец не спал всю ночь, молился он.
 Он слышал крики дочери и стон.
 «Гулим, какой тебе приснился сон,

Тяжелый сон, тебя лишивший сна?

В глаза мои слепые погляди,
 Все расскажи, меня ты не щади!..»
 И в час ночной, припав к его груди,
 О страшном сне поведала она.

Тогда заплакал и отец седой,
 Затряс своею белой бородой:
 «Коль сон к беде, пред этою бедой
 Бессильны мы с тобою, ночь темна!»

...Казалось, горю не было конца,
 Но стала дочка утешать отца,
 Стирала слезы с дряблого лица,
 Была она с ним ласкова, нежна.

«Не плачь, отец, мы вынесем с тобой
 Все то, что предназначено судьбой.
 И встретим мы ее удар любой,
 И оба тверды будем, как стена.

И буду я всему наперекор
 Всегда с тобой, отец, как до сих пор.
 Я понесу тебя чрез гребни гор,
 К тебе, отец, любовь моя сильна».

Касалась дочь отцовских щек рукой.
 От слез ее, от нежности такой
 Убогий старец обретал покой...
 А ночь была безлунна и темна.

* * *

Кончалась ночь, когда со всех сторон
 Раздался топот и оружия звон.
 Беда явилась к ним, — проклятый сон
 Не обманул красавицу Гулим.

Испугана и, как стена, бледна,
 Вскочила тут же на ноги она.
 Старик отец очнулся ото сна,
 Беда стучится в дверь. Что делать им?

Услышав топот за дверьми и крик,
 Рыбак несчастный головой поник.
 Что может сделать немощный старик?
 А он еще к тому же был слепым.

А стражники, все на пути круша,
 Кричали громко возле шалаша:
 «Э-эй, живая есть ли здесь душа?
 Кто выйдет к нам, тот будет невредим!»

Но в шалаше никто не отвечал.
 А что шалаш? Не крепость между скал.
 Не выдержал осады и упал
 Шалаш, построенный с трудом большим.

Кто к ним пришел, что делалось вокруг,
 Гулим, бедняжка, поняла не вдруг.
 Но потянулись к ней три пары рук:
 «Пойдем, мы зла тебе не причиним!»

И заблестел огнем девичий взор.
 В ней вспыхнул гнев, дремавший до сих пор.
 Она очнулась и, схватив топор,
 Пошла навстречу недругам своим.

«Кто вас послал, что надо вам от нас?
 Что привело сюда вас в этот час?» —
 Так воинам, меча огонь из глаз,
 Промолвила красавица Гулим.

Один из них испуганно сказал:
 «Великий хан нас в дом к тебе послал.

Красавица, чьи губы словно лал,
Не бойся нас, тебя мы не съедим!

К властителю во сне явилась ты,
Властителю во сне приснилась ты,
И мы хотим, чтоб согласилась ты
Предстать пред повелителем своим.

Тобою покорен великий хан,
Он изнывает от сердечных ран.
Пусть он скорее твой обнимет стан,
Чтоб улетел его печали дым».

Был голос девушки суров и глух.
Она сказала: «Дети потаскух,
Старик отец мой слеп, но он не глух.
Зачем меня позорите пред ним?

Что я свершила, в чем моя вина?
На свете я красива не одна,
И если вам красавица нужна,
Вы обратитесь к девушкам другим!»

От этих слов взъярились палачи,
И вынули сверкнувшие мечи,
И крикнули: «Презренная, молчи
Иль по-другому мы заговорим!»

Гулим глядела на врагов в упор,
Решив, что лучше гибель, чем позор.
И грозно занесла она топор
И обожгла пришельцев взглядом злым.

Так страшен был ее безумный взгляд,
Что воины отпрянули назад,
А девушка кого-то наугад
Ударила оружием своим.

Один пришелец побелел, как мел,
 Один пришелец ахнуть не успел,
 Он кровью захлебнулся и осел —
 И на земле остался недвижим.

Их было трое, воинов лихих,
 Убить Гулим хватило б сил у них,
 Но хан красавиц требовал живых.
 Задумались гонцы: «Что делать им?»

Они уйти решили, а пока
 Ударили слепого рыбака
 И, уходя, уже издалека
 Слова проклятья бросили Гулим.

Как птица возле слабого птенца,
 Гулим склонилась около отца.
 Она обтерла кровь с его лица
 И причитала, плакала над ним.

* * *

Ни звона пик, ни топота коней.
 Прошло с той ночи шесть ночей и дней,
 Гулим решила: хан забыл о ней,
 Но хан опять послал своих людей.

На этот раз так много их пришло,
 Что стало ночью от мечей светло.
 Ее старались мучить побольней,
 На девушке они срывали зло.

Они ремнем связали руки ей,
 Смеялись, причиняли муки ей.
 Они не дали в миг разлуки ей
 С отцом проститься — с радостью своей.

Пред тем как выйти в путь, два молодца,

Чьи руки были тяжелей свинца,
Избили слабого ее отца;
Пусть не забудет до скончания дней.

Связали и оставили его
На острове пустынном одного.
Смеялись молодцы, мол, ничего,
Коль не помрет, так станет поумней.

Прощалась с телом немощным душа.
Больной старик лежал, едва дыша.
Лишился он всего: и шалаша,
И снасти, и любимицы своей.

* * *

Ее втолкнули в зал, где ханский трон,
Был хан ее красою ослеплен.
Сказал он: «Будешь первою из жен.
Ты мне ответь, согласна или нет?»

«Великий хан, я бы сказала «да»,
Но для любви я слишком молода.
Повремени немного, и тогда,
Возможно, дам тебе другой ответ!»

Вскочил, как обожженный, властелин,
И подал знак взбешенный властелин.
Пришел палач, за ним еще один,
И стали страшный свой вершить совет.

С Гулим одежды сняли палачи,
Несчастную распяли палачи,
Пока Гулим держали палачи,
Хан заслонил над нею белый свет.

Ей щеку оцарапал ханский ус,
Был горек ханский поцелуй на вкус

И на змеиный походил укус, —
Казалось, от него защиты нет.

Казалось ей: она горит в огне.
Она кричала, словно в страшном сне.
Дрожь пробегала по ее спине.
Гулим кричала и впадала в бред.

Вот так пришел к ней первый миг любви.
Вдали не пели песни соловьи.
Она лежала на ковре в крови,
Без крови хан не достигал побед.

Она захла и лишилась сил,
Уже из жен ей кто-то саван шил,
Уже ее, бедняжку, Азраил
Считал своей по множеству примет.

Был хан великий страстью опьянен,
Гулим считал он лучшею из жен.
Хан бесновался, клял табибов он
И собирал визирей на совет.

Но утром на четвертый день она,
Открыв глаза, очнулась ото сна.
И показалось ей, что ночь темна,
Хоть озарял лицо ей яркий свет.

Она, припомнив, что произошло,
Все поняла: над ней свершили зло.
Еще одно виденье ей пришло:
Возник ее отец — угрюм и сед.

Гулим решила: «Мой увял цветок,
Потерянного не воротит бог,
Но мой отец в беде, он одинок,
И я должна спасти его от бед».

* * *

К властителю Гулим, бела, как мел,
Пришла сама. На троне хан сидел,
Но, оторвавшись от великих дел,
Красавицу спросил он: «Что с тобою?»

«Великий хан, ты пролил кровь мою.
Я ослабела, я едва стою.
Но то, что думаю, не утаю,
Перед тобою ничего не скрою.

Гордилась я своею чистотой.
Ты на моей крови устроил той.
Не пожалел ты жизни молодой,
И всех моих несчастий ты виною.

Ты, властелин, и грозен и жесток,
Ты надо мною надругаться мог.
Ты грубо смял мой девичий цветок,
На миг моей пленившись красотой.

Я как-то видела змею во сне,
И вот не в полуночной тишине,
А наяву она явилась мне —
Ты оказался черною змеею.

Я стала и несчастной и больной.
За боль, за все, что сделал ты со мной,
Прошу тебя о милости одной,
Исполни — стану я твоей женою.

Есть островок, где люди не живут,
Там мой отец. Пусть стражники пойдут,
Освободят его от крепких пут,
Чтоб рядом был он с дочерью родною».

Промолвил грозный хан:

«Да будет так. Найдите старика, — он подал знак, —
Над головой твоей рассею мрак,
Твою исполню просьбу, бог с тобою!»

Для ждущих длинен день и ночь длинна.
Гулим ждала, но вот отца она Увидела.
И звезды и луна
В счастливый час зажглись над головою.

Они соединились наконец:
Дочь оскорбленная, слепой отец,
И горечь двух обиженных сердец,
Как прежде, стала горечью одною.

И всемогущий хан был тоже рад,
Свершен был вскоре свадебный обряд,
И пировали сорок дней подряд —
Таких пиров не знали под луною.

Гулим навек владыке отдана.
Была у хана не одна жена,
С Гулим их стало сорок и одна, —
Гулим была последнею женою.

Гульмурат-шаир (Первая половина XIX в.)

ОДИНОКИЙ ГУСЬ

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть.
Напрасно, бедняжка, клюет он веревку,
Напрасно гогочет: — На волю я рвусь!..

Увидев летящую стаю гусей,
Кричит он тоскливо и тянется к ней,
Он хочет, несчастный, взлететь в поднебесье,

На помощь зовет своих вольных друзей.

Услышала стая отчаянный зов,
И кружит и кружит среди облаков,
И вскоре спускаются гуси к собрату,
Привязанному у прибрежных кустов.

И ласково шеями трутся они,
И радостна встреча гусиной родни,
А в тайной засаде стрелок бессердечный
Готовит им гибель, скрываясь в тени.

Встречаются гуси у желтой волны,
Гогочут от радости, счастьем полны,
Но тут ударяет в них громом охотник
И жизнь отнимает у них без вины,

У берега бьется привязанный гусь,
Он крыльями машет, в глазах его грусть,
Напрасно, бедняжка, грызет он веревку,
Напрасно гогочет: — На волю я рвусь!..

Увы, не избавился он от петли,
А стая скрывается в синей дали.
В тоске безнадежной он лапы сжимает,
И в черную землю их когти вросли.

КУДА Я ПОЙДУ?

Семья голодает, и сам я голодный,
Спасения нет от нужды безысходной,
Дороги не вижу прямой и свободной,
Куда же, хоть мир и широк, я пойду?

Полно мое сердце печали и боли,
Доколе мы мучиться будем, доколе?
Дождусь ли когда-нибудь радостной доли?
Куда от забот и тревог я уйду?

Меня оглушили все беды на свете,
Невзгоды жестокие хлещут, как плети,
Рыбачить хотел — унесло мои сети,
Где в море теперь их клубок я найду?

Когда наконец залечу свои раны,
И выскажу все, и страдать перестану?
Увы, не дождавшись весны долгожданной,
Наверно, за смертный порог я уйду...

Друзья, на себя положиться осталось,
Ведь недругам нашим неведома жалость.
Коль жив человек — это вовсе не малость,
Познав справедливость, в свой срок я уйду.

От горя огнем я горю и сгораю,
Устал от тоски — нет конца ей и краю!
Надежды мои не сбылись... Увядая,
Как сломленный ветром цветок, я уйду.

В руках моих шест, он и крепкий и длинный,
С плота тростникового сети закину.
На берег озерный — унылый, пустынный,
Нерадостен и одинок, я иду.

Камыш и куга стали тощи и сухи,
Их корни мы летом жуем с голодухи,
Измучены дети, глаза их потухли,
Чтоб дать им хоть рыбы кусок, я иду.

«Голодному не повезет и в охоте»,
«Посейте зерно — урожай соберете»,
Но где семена?.. И в угрюмой заботе,
Сминая прибрежный песок, я иду.

Я вижу, как плещутся щуки, сазаны,
И радуюсь этому я несказанно.

Пустым было дно казана непрерывно,
Теперь закипит казанок, — я иду.

Дай, море, улов! Дай мне счастье рыбацье!
Пуускай мне хоть раз улыбнется удача,
Чтоб дети впервые заснули, не плача!
Почувствовав силы приток, я иду.

Закинул я сети в местечке укромном
И вот из воды выбираю их темной,
Но что-то вытаскивать слишком легко мне,
Пугаясь, что мало извлек, я плыву.

И правда: попались мне только три штуки —
Сазан небольшой да костлявые щуки.
За шест ухватились в отчаянье руки,
По озеру наискосок я плыву.

Вдруг ветер с востока набросился, воя,
И берёг исчез за стеной дождевою...
Сумею ли быстро добраться домой я?
Халат мой дырявый промок... Я плыву...

Волна о волну ударяется с ревом,
Я еле держусь на плоту тростниковом,
Мой плот устоит ли под натиском новым?
От страха дрожа, как щенок, я плыву.

Пригнул камышовые головы ветер,
Он глубь водяную завил круговертью,
Земли словно не было вовсе на свете,
Туман мне глаза заволок... Я плыву...

Гляжу я вокруг, от тоски холодея:
Исчезну вот-вот в этой бурной воде я!
На сушу мне выбраться надо быстрее!
Надеясь, что путь недалек, я плыву.

В упорстве своем я уверен заране:
До берега я доберусь и в тумане,
Быть может, и это пройду испытанье,
Пусть шаток мой плот и убог, — я плыву!

Прибой даже камни уносит, бушуя,
В беду ненароком попал я большую:
Несет меня по морю, смерть свою чую,
Сквозь пенный, бурлящий поток я плыву.

С семьей своею увижусь ли скоро?
Кто будет родителям старым опорой?
Измученный, средь водяного простора,
От гибели на волосок, я плыву.

А может, судьба не захочет обидеть
И жизнь у меня не захочет похитить?
Народ свой родной мне бы только увидеть
И пусть я совсем изнемог, я плыву.

Друзья, этот мир оказался злодеем,
Где недруги жалят, подобные змеям,
Затравлен нуждою, унижен, осмеян,
В миру, что, как море, глубок, я плыву.

Кто умер, тот в мир не вернется постылый
А я еще жив, хоть у края могилы.
Земля разве так бы со мной поступила?
В народе спасенья залог! Я плыву...

Ждут дети меня, озираясь тревожно,
А море уносит меня безнадежно,
И дна уж нащупать шестом невозможно...
Скорбя, что удел мой жесток, я плыву.

Сарыбай

(Вторая половина XIX в.)

Я ВАС ПРОКЛИНАЮ, ГОДЫ МОИ!

Без малого семьдесят лет живу,
О, каторга злая — годы мои!
Как в мрачном аду, я горю наяву
И вас проклиная, годы мои!

Не было ни удалого коня,
Ни дорогих одежд у меня,
Жил в нищете я, долю кляня,
Вас проклиная, годы мои!

Век не носил я белых сапог,
Ночью под кровлей дырявой мок,
С вами сражаясь, я изнемог,
Черная стая — годы мои!

Молча таил я слезы мои,
Стоны мои, угрозы мои.
Нету детей, нету семьи —
Один доживаю годы мои...

Счастья я ждал, — но мои мечты
Погибли от горя и нищеты.
Горькая жизнь! Для чего мне ты
Я вас проклиная, годы мои!

РАЗГОВОР С ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ

С а р ы б а й

Смотрю на тебя — и глазам я не верю:
Куда подевала ты мягкие перья?
Тебя не украсила эта потеря.

Что скажешь с утеса, летучая мышь?

Летучая мышь

Облезлая шапка из шкуры барана,
Твой смех непочтительный слышать мне странно,
Следи же за речью своей неустанно
И будь поучтивей, когда говоришь.

С а р ы б а й

Зачем прозябаешь ты в темном ущелье?
Ведь сыро и холодно в каменной келье.
Крылатым без перьев какое веселье?
Ответь мне, пожалуйста, бедная мышь.

Летучая мышь

На трудный вопрос ты желаешь ответа!
Была я в красивые перья одета,
Но сжил нас правитель жестокий со света,
По милости царской теперь я голыш.

С а р ы б а й

Гляди-ка: вон солнце за облаком скрылось.
Поведай мне, что же с тобою случилось?
К какому царю ты попала в немилость
И в чем провинилась, летучая мышь?

Летучая мышь

Скрывать я жестокую правду не стану:
Коварство и пытки царя Сулеймана
Изведаны мною, и все мои раны,
Всевышний, один только ты исцелишь!

С а р ы б а й

Так вот оно что! Сулеймановы руки
 Тебя обрекли на великие муки.
 Тебя я расспрашиваю не от скуки, —
 Поведай всю правду, летучаямышь.

Летучаямышь

Наверное, мир Сулейману наскучил,
 Давно на пернатых глазища он пучил,
 Поймал меня первую — чуть не замучил.
 Я вырвалась — юркнула в частый камыш.

С а р ы б а й

Чего же от птиц-то ваш царь добивался,
 Зачем он ловить и терзать их пытался,
 О чем он старался и как расправлялся
 С другими? Ответ мне, летучаямышь.

Летучаямышь

У птиц он, тряся подбородком от злости,
 Выщипывал перья, выдергивал хвостик,
 На солнце высушивал легкие кости...
 Не вырвешься, если к нему залетишь.

С а р ы б а й

Высушивал кости? А дальше-то что же?
 Число неповинно загубленных множа,
 К чему он стремился? Неясно мне все же.
 Рассказывай дальше, летучаямышь.

Летучаямышь

Он птичьего племени целые тучи
 Губил, собирал их в кровавые кучи,

Под кучей костер разводил он горячий —
Гори себе, птичка, пока не сгоришь.

С а р ы б а й

Нет слов, чтобы дольше с тобой состязаться.
Устал я... На север пора отправляться.
Ну, что же, счастливо тебе оставаться,
Пора нам расстаться, летучая мышь.

Отеш-шаир

(Вторая половина XIX в.)

НАДО

Коль сиротой ты родился на свет,
Тебе ни радости, ни ласки нет,
И сгорблен ты под ношей горьких бед —
Скорее бы уйти в могилу надо.

Коль торжествует твой давнишний враг,
И силы нет втоптать его во прах,
И жар борьбы потух в твоих глазах, —
Покинуть этот мир унылый надо.

Я с вами, Аблатдин и Нуратдин,
Встречаю бег безжалостных годин,
Но тает снег, и солнце-властелин
Ведет весну Помочь светилу надо!

Как много на земле гостило нас!
Страдали мы, мечтая и томясь,
Смерть наступала нас в ненастный час —
Расстаться против воли с милой надо.

Роскошествуют лжец, богач, злодей,

А ты, бедняк, лишь дырами владей.
Мы падаем, мы бьемся средь сетей, —
Покончить нам с нуждой постылой надо.

С умом за дело взяться мы должны,
Нужна нам верность, как клинку — ножны,
Нужна поддержка друга иль жены,
И больше правды быстрокрылой надо.

Отеш-шаир лишь истину сказал,
Свой ум он напоказ не выставлял.
Хочу я, чтобы каждый правду знал, —
Чтоб цель достигнуть, много силы надо!

ПОДОБНЫ

Да, разный люд живет еще на свете:
Иные к нам добры, иные злобны.
В тех благородства яркий свет, а эти,
Увы, лишь свиньям мерзостным подобны.

Свет истины иные защищают,
Лжеца краснеть слова их заставляют,
Согбенного бодрят и выпрямляют, —
Родимому отцу они подобны.

А те за совесть назначают цену,
Измену не считают за измену,
От праведного прячутся за стену,
Такие злему демону подобны.

В гордыне никому не уступая,
Божась и тут же клятвы нарушая
И дерзостно о боге забывая,
Они скоту безмозглому подобны.

Взять Еремекбая нашего, к примеру:
К чему о правде думать лицемеру?

Беспечен, легкомыслен он не в меру,
Привычкам пса дела его подобны.

Из года в год свои стада он множит,
Никто из нас сравниться с ним не может,
Растит и хлеба вдоволь он, а все же
Глаза — глазам голодного подобны.

Двух чабанов теперь он держит дома,
Одежда их — тряпье, постель — солома,
Знакомы им побои, брань знакома, —
Мышам летучим бедные подобны.

Дела у Ермекбая неплохие,
И все ж среди каракалпакских биев¹²
Про богатея ходят шутки злые:
Еркекам¹³ все дела его подобны.

Из милости он кормит двух сироток.
На что уж нрав их безответен, кроток,
А он ворчит: «В три шеи обормоток!»
Не хрюканью ль слова его подобны?

В нем наглости и спеси слишком много,
Таких бы надо вышвырнуть с порога
Да в степь прогнать — туда им и дорога, —
Они бы стали джиннам злым подобны.

Осталось попросить нам Ермекбая
Нас не бранить, невежами считая, —
В степи такие быстро одичают
И станут вскоре демонам подобны.

---

¹² Б и й — правитель.

¹³ В подлиннике — игра слов. «Е р м е к» — букв.: насмешка, злая шутка.

Омар-шаир
(1879-1922)

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ
(*Отрывок*)

Бежать в родной аул хочу,
Я на заре в нем быть хочу,
Я, как на крыльях, полечу —
Домой, домой я возвращаюсь!

Прощайте, нищие края, —
Там родина лежит моя!
Там ждет любимая семья —
К ней наконец-то возвращаюсь.

В семье подарков будут ждать,
Но нечего в подарок дать...
Чем похвалиться? Что сказать?
Гол, как сокол, я возвращаюсь.

Прощайте все, кого любил,
Хочу, чтоб светлым путь ваш был,
Чтоб недруг вас не погубил,
Один домой я возвращаюсь.

Душа, как птица взаперти,
Рвалась свободу обрести,
Но к счастью не нашла пути, —
Измученным я возвращаюсь.

Пять лет бродил в чужой стране,
За труд наград не дали мне,
И ни копейки нет в мошне —
Таким же нищим возвращаюсь.

Я горя много повидал,

Советы немощным давал,
 Всегда несчастным помогал,
 А сам несчастным возвращаюсь.

ВОЗДАМ

Всем скорпионам, жалящим людей,
 Я мщенье своевременно воздам!
 Соперники всех ядовитых змей,
 Убежища я не оставлю вам!

А также тем, кто землю или скот
 Возьмет у бедных и во мрак невзгод
 Себе подобного, смеясь, пошлет,
 За горе и мученья я воздам.

Внемлите вы, кем разорен бедняк!
 Пусть только он покажет мне синяк
 От вашей палки иль укус собак, —
 За все без промедленья я воздам.

Тем, кто труды других сосет легко,
 Как будто пьет не кровь, а молоко,
 Тем, кто вознесся слишком высоко,
 За грех и преступленья я воздам!

Всем алчущим скота и серебра,
 Вам, в чьей богатой юрте нет добра
 Без воровского тайного тавра, —
 За ложь и ухищренья я воздам.

Когда злодей, как ураган, с пути
 Желает жизни встречные смести,
 Пусть он потом не шепчет мне:
 «Прости Ему без сожаленья я воздам!

БИБИДЖАН

Червонным золотом горит над юным сердцем амулет,
 Джигита взор она манит, таких красавиц в мире нет!
 Что розы сладостной расцвет? Что солнца радостного свет?
 Все затмевает Бибиджан в неполных восемнадцать лет!

Ее чудесной красоты в простых словах не передать, —
 С небесной синей высоты сошла на землю благодать.
 Не счесть всех молодцов-парней, что тайно думают о ней
 И за улыбку Бибиджан готовы жизнь свою отдать.

О красоте ее молва дошла до отдаленных стран,
 Не могут описать слова волшебный взор ее и стан,
 Она умна, она добра, она как нить из серебра, —
 Среди ровесниц ни одна не стоит юной Бибиджан.

Черны, как ночь, ее глаза и дивной нежности полны.
 Речь словно пенье соловья при свете трепетной луны,
 А голос у нее таков и таково звучанье слов,
 Что может мертвых оживить — тех, что давно погребены.

Алмазный блеск в ее глазах, ее слова для сердца — мед,
 Улыбка на ее устах в восторг любого приведет,
 И не напрасно все подряд о ней джигиты говорят:
 «Дороже золота тропа, где наша Бибиджан шагнет!»

Прекрасным сердцем и умом красавица одарена,
 И зажигать любви огнем умеет всех вокруг она,
 Она с джигитами строга, но блещут зубки-жемчуга,
 Когда улыбкой рот сверкнет и рассмеется вдруг она.

Звучит молва о Бибиджан, что день — то громче и слышней,
 И едут к ней из дальних стран десятки удалых парней.
 Все те, кому пора пришла женитьбы жаждой запылать,
 Все в жены взять ее хотят, все жадно гонятся за ней.

Везде известна Бибиджан как совершенство красоты,

Волшебный взор ее и стан рождают страстные мечты.
 За то, чтоб ею обладать, джигиты рады все отдать —
 И золото, и серебро, и лучшего скота гурты.

Отец со свадьбой не спешил, поскольку сам он был богат,
 И дочь свою он сторожил, как сторожат бесценный клад.
 Но вот, в один несчастный год, погиб в степи его весь скот,
 И сразу он стал бедняком, в тоске потупил в землю взгляд.

А рядом жил счастливец бай. Он сына был женить не прочь.
 Имел добра он через край, имел притом невесту-дочь.
 Речь о взаимном сватовстве, о крепком будущем родстве
 В семье соседа-богача, в роскошной юрте, шла всю ночь.

С усмешкой байский сын сказал: «Да, Бибиджан мне по
 нутру,

С другими молодость терял, а эту в жены я беру!
 Брат у нее теперь бедняк. Скажу ему, мол, так и так...
 Взамен калыма я могу тебе отдать мою сестру!»

Пришел он к брату Бибиджан, сказал: «Ударим по рукам!
 Для друга ничего не жаль. Свою сестру тебе отдам!
 Бери себе мою сестру, взамен твою себе беру,
 Тебе калыма не дадим, и ты не дашь калыма нам!»

И вот уж в самом деле бьют друг друга по рукам они,
 Сестер друг другу отдают, как принято и в наши дни.
 Прославленная Бибиджан должна уйти в соседний клан
 Под песни звонкие подруг и причитания родни.

Хоть брат, ударив по рукам, все окончательно решил
 И, свадьбы день назначив сам, судьбу сестры определил,
 Но, услышав про те дела, чуть Бибиджан не умерла.
 И к брату вся в слезах пришла она, собрав остатки сил.

Пришла с заплаканным лицом, вся пожелтев от горьких слез,
 С осенним схожая листом, летящим с кленов иль берез.
 Сдержав рыдания в груди, решившись к брату подойти,

Дрожащим, тонким голоском печально задала вопрос:

«Затем ли ты растил меня, сестру послушную свою,
Затем ли ты хранил меня, как розу бог хранит в раю,
Затем ли ты берег меня, чтоб на богачку обменять?
Ужель по сердцу жениха я не найду в родном краю?»

За нелюбимого отдав, ты хочешь мне испортить жизнь?
Прошу я, на колени встав: брат, за богатством не гонись!
Пусть я перед тобой в долгу, но подчиниться не могу, —
Я к баю в юрту не пойду, хоть обижайся, хоть сердись!

Взаимным этим сватовством поправить хочешь ты дела?
Ты хочешь, чтобы в байский дом сестра невольницей вошла?
О брат, опорой для себя всегда считала я тебя, —
Ты хочешь, чтобы, не любя, я в жертву отдана была?

Зачем бросаешь ты меня, мой брат, на произвол судьбы?
Ты хочешь, чтобы, жизнь кляня, узнала я судьбу рабы?
Подумал ли, чем стану я? В расцвете лет увяну я!..
Хоть обижайся, хоть сердись, но я не сдамся без борьбы!

Пусть нас мулла соединит, молитву к небу вознесет,
Пускай аллах меня казнит, я все ж нарушу ваш расчет!
Скорее мертвой упаду, чем в юрту байскую войду!
Клянусь, мерзавец Утемис меня женой не назовет!

Ни слова больше не скажу, хоть злейшей бранью оскорби,
Дай волю плетке иль ножу иль голову мне отруби!
За Утемиса не пойду, скорее мертвой упаду!
Убить меня ты можешь, брат, да только после не скорби!..»

Той речью брат рассержен был, и удивлен, и возмущен,
Но, усмирив обиды пыл, сестре сказал сурово он:
«С тобою в спор я не вступлю. Все будет так, как я велю!
Как смела ты мне возражать? Забыла прадедов закон?»

С любовью или без любви должна войти ты в байский дом!

Как Утемиса ни зови — мерзавцем или подлецом, —
 Подымется высоко он, наследством будет наделен,
 Ведь, как зеница ока, он храним с пелен своим отцом!»

Так речь была тверда, хитра, так спрятал он под веки взгляд,
 Что, покорясь ему, сестра надела свадебный наряд.
 Брат ради каверзной игры на карту бросил жизнь сестры,
 И погубил свою сестру и жизнь ей искалечил брат...

Она была красой земли, но горестный удел ей дан, —
 Ах, счастья ей не принесли волшебный взор и стройный
 стан!..

Пришлось перо мне в руки взять и вдохновение призвать,
 Чтоб людям в песне рассказать о тяжелой доле Бибиджан!

Аяпберген Мусаев

(1880-1936)

ЛЕНИН

Простите, если я не знаю лучших слов, —
 Редчайшей редкостью в наш мир явился Ленин,
 Он стал отцом для всех голодных и рабов,
 Священны те места, где жил, трудился Ленин.

Как ясный лик луны, сквозь тучи он сиял,
 Огнем правдивых слов он камни расплавлял,
 Бессильным недруг стал, богатым нищий стал,
 Со сворой палачей бесстрашно бился Ленин.

Широкий, светлый путь открылся нам вдали,
 Сел на коня бедняк, а бай лежит в пыли,
 Живым ковром цветов покрылся лик земли.
 Как будто на поля дождем пролился Ленин.

С трибуны речь держа, он звал идти вперед,

Казалось, тучи стрел на недругов он шлет,
И правде смелых слов поверил весь народ,
Благословляя день, когда родился Ленин,

У баев он отнял их прежние права,
Был зорок взгляд его, ясны — его слова,
Где б ни стонал батрак, ни плакала вдова,
Для них опорой стал, за них вступился Ленин.

Он всех законов был тончайшим знатоком,
Со всеми нуждами людскими был знаком,
Как с равным, говорил с последним батраком,
Вот почему с людьми так породнился Ленин.

Распался старый строй, — кто прежде спину гнул,
Теперь на свет шагнул, проклятый гнет стряхнул,
Ушла навеки власть ишанов, баев, мулл, —
Так с первого же дня распорядился Ленин.

Он думал о стране, о будущем, о нас,
Весь необъятный мир он видел без прикрас,
В руке он план держал, и в самый тяжкий час
От замыслов своих не отступился Ленин.

На тех, кто плеткою грозился бедняку,
В руке держал печать, а саблю — на боку
Кто с нищих шкуру драл, а сам ходил в шелку, —
На них обрушил гнев и ополчился Ленин.

Творил он чудеса: сбывались все мечты,
На ветках высохших опять цвели цветы!
Взяв за руки дехкан, подняв из нищеты,
Свободы и добра для них добился Ленин.

Страницы мудрых книг его слова хранят,
Места, где он бывал, отныне люди чтят:
Великую Москву, Казань и Ленинград,
Сибирь, где некогда в глуши томился Ленин.

Казну всех богачей народу он раздал,
 Рукой карающей их всюду настигал,
 Была твердыня зла, казалось, тверже скал,
 И все-таки ее сломать решился Ленин.

Но подлый враг его однажды подстерег,
 Стрелял в него в упор — с тех пор он занемог,
 Шестидесяти лет и то прожить не смог —
 Ушел, глубоким сном навек забылся Ленин.

Он пламенным цветком над всей землей горел,
 Он вещим соловьем о новой жизни пел,
 Он и теперь — исток всех наших дум и дел,
 Кто путь его избрал, в том отразился Ленин.

Узнав, что умер вождь, был скорбью мир объят,
 Как стадо матерью покинутых ягнят,
 Но свет его идей ученики хранят,
 Не умер — будет жить, с народом слился Ленин.

«Сто тысяч, — говорят, — один вожак ведет!»
 Он знаньем и мечтой вооружил народ,
 Он создал партию, что движет нас вперед,
 Не счесть его сынов, — в них воплотился Ленин.

Мне книжной мудрости учиться не пришлось,
 Но главное сказать мне все же удалось:
 Заветы Ленина бессмертны! Все сбылось,
 Что нам предсказывал, к чему стремился Ленин!

У КАРАКАЛПАКОВ ЕСТЬ...

На обоих побережьях голубой Аму-реки
 Благодатные просторы у каракалпаков есть,
 Гуси весело гогочут и садятся в тростники,
 Живописные озера у каракалпаков есть.

Эту землю наши предки много лет назад нашли,
Здесь они кобыл доили, скот бесчисленный пасли,
Здесь джейраны и газели скачут весело вдаль, —
Степи, солнечные степи у каракалпаков есть.

Беспощадные в сраженье, благородные орлы,
Зря не тратившие в битве ни заряда, ни стрелы,
Пламенные, как Рустамы, мощные, как Гор-оглы,
Знаменитые джигиты у каракалпаков есть.

Чуть весна цветы рассыплет, как на поиски невест
Разъезжаются джигиты вплоть до самых дальних мест,
Кони ржут нетерпеливо, возвещая их приезд, —
Много удалцов отважных у каракалпаков есть.

А у девушек-красавиц брови выгнуты дугой.
За плечами чудо-косы вьются, льнут одна к другой,
Украшения сверкают на конце косы любой, —
Сколько гурий черноглазых у каракалпаков есть!

Ах, как талии их тонки — право, тоньше волоска,
Как ловки, проворны руки, как походка их легка,
А застенчивые речи слаще сахара-песка, —
Бесподобные невесты у каракалпаков есть!

Жемчуга и самоцветы, песни мудрой старины,
Ювелиры, чьим изделиям изумляться мы должны,
Крутогорбые верблюды, племенные скакуны, —
Все сокровища земные у каракалпаков есть.

Вон охотники промчались, издавая громкий клич,
Ловких соколов спускают на взлетающую дичь,
То стреляют по фазанам, то газель спешат настичь, —
Страсть охотничья издревле у каракалпаков есть.

А на пиршествах веселых и на празднике айт¹⁴

---

¹⁴ А и т — название мусульманского праздника.

На лихие состязанья люд с волнением глядит,
Получает приз — корову, кто на скачках победит, —
Много конников отважных у каракалпаков есть.

Говорит Гарип¹⁵: немало мест, достойных похвалы,
Но родимые просторы мне особенно милы!
Словно Алишер¹⁶, премудры, словно Жиренше¹⁷, смелы,
Знаменитые поэты у каракалпаков есть.

БЕГИ К ОЗЕРУ

Была ты птицей на руке моей —
Беги, спасайся, к озеру беги!
Вот-вот нагрянет иомуд-злодей¹⁸,
Скорей скрывайся, к озеру беги!

Кто к озеру успеет — тот спасен,
Кто не успеет — попадет в полон,
С родней навеки будет разлучен, —
Беги, подруга, к озеру беги!

Лежит себе лентяй Хожамурат,
А враг нагрянет — будет сам не рад.
Пусть пули наповал меня сразят,
Беги отсюда, к озеру беги!

Глянь: не теряет времени Палым —
Отару гонит к тростникам густым,
Молю тебя: спеши и ты за ним,
Беги, не медли, к озеру беги!

А я останусь тут — ведь я джигит,
От гнева и обиды кровь кипит,

---

¹⁵ Г а р и п — псевдоним Аяпбергана Мусаева.

¹⁶ Имеется в виду Алишер Навоӣ.

¹⁷ Ж и р е н ш е — знаменитый сатирик и народный мудрец.

¹⁸ И о м у д ы — туркские племена, совершавшие в старину набеги на каракалпакские селения.

Клинок, быть может, грудь мою пронзит,
Беги, не думай, к озеру беги!

Был я твоим Махтумкули-певцом,
Был я пленен твоим цветком-лицом...
Ах, черноглазая! Бросай свой дом,
Беги на берег, к озеру беги!

Не убежишь — ворвется иомуд,
Тогда не спрячешься — везде найдут,
А уж найдут — в неволю уведут,
Беги, голубка, к озеру беги!

Помочь не смогут ни отец, ни мать,
Враги не станут их мольбам внимать,
Таких, как ты, красавиц будут брать —
Беги скорее, к озеру беги!

За что судьба так беспощадно зла?
Беда, беда в наш мирный край пришла!
Вон пыль вдали клубиться начала —
Беги, все гибнет, к озеру беги!..

Прости, народ, родня моя, прости
За то, что милую хочу спасти,
Такой мне больше в жизни не найти —
Беги, родная, к озеру беги!

ГДЕ?

Стать правителем-бием я знатным хотел, —
Где же толпы людей, мне подвластные, где?
Стать, подобно Каруну, богатым хотел, —
Где ж мое серебро, скот и золото, где?

Мне хотелось поэтом прославленным стать,
По червонцу за слово за каждое брать,
Все державы объехать, весь мир повидать, —

Где же силы найдутся для этого, где?

В пылких грезах, как птица, я в небо взлетал,
Стройных гурий под сенью садов обнимал,
Сладкий мед с ними пил из узорных пиал, —
Где же мед, где красавицы стройные, где?

Мне хотелось изведать бессмертную страсть,
На тулпаре¹⁹ скакать, позабавиться всласть,
В шубе красной ходить, знать богатство и власть,
Где ж отвага, душа моя дерзкая, где?

Я увял, как морозом спаленный цветок,
Словно в клетке, от горькой тоски занемог,
Стал седым я, устал от невзгод и тревог,
Где мой стан-кипарис, удаль прежняя где?

Ты богат — и друзья окружают гурьбой,
Хвалят, ластятся, скроют грешок твой любой,
Если ж горе внезапно случится с тобой,
Где рука, что на помощь протянется, где?

Если глупый дороги в степи не найдет,
Если гостя приветливо в дом не введет
И болтает, что в голову только взбредет, —
Где к невеждам таким уважение, где?

Хочешь чести джигитской — других уважай,
Слово каждое взвесь — лишь тогда возражай,
Пот сначала пролей — соберешь урожай,
Где же хлеб без труда добывается, где?

---

¹⁹ Ту л п а р — сказочный крылатый конь.

ЭКСПРОМТЫ

1

ТЕНГЕЛУ

Да будь аллах ему в делах защита и опора,
 Тенгел убыток потерпел — нет большего разора!
 Из дома вдруг пропал бурдюк — тот, с маслом был который,
 Тенгел-бедняк попал впросак... Вы не видали вора?

Тенгелу нанесен урон, он очень озабочен,
 Он слезы льет, судьбу клянет, он стонет дни и ночи,
 Не пил, не ел, копил Тенгел, замок у двери прочен,
 Но для собак замок — пустяк... Вы не видали вора?

2

МАДРЕИМУ

Во главе Совета ты сидел,
 Мзду взимал с кого и как хотел.
 Да хранит аллах от этих дел —
 Стал позорным ныне твой удел.

3

КАЗАХБАЮ

Ты прожил, Казахбай, лишь сорок лет
 И ныне, что ни говори, — мираб!²⁰
 Но выслушай мой дружеский совет:
 От баев взяток не бери, мираб.

Пусть сокол твой не ведает тенет,
 Богатым не засматривай ты в рот,
 Не жди от них щедрот, — наоборот:

---

²⁰ М и р а б — человек, ведающий распределением воды.

Как скорпионов, их мори, мираб.

Сейфулгабит Мажитов

(1869-1938)

ИЛЬИЧ

Взять всю вселенную и взвесить на весах —
Твой труд весомее, твой труд ценней, Ильич!
Свет человечности горел в твоих глазах,
Любил свободу ты, любил людей, Ильич.

Во всей истории таких героев нет,
Бывали смельчаки, но где теперь их след?..
Сломав дорогу лжи, из темноты на свет
Впервые новый путь нам проложил Ильич.

Широк и прям твой путь, ведущий на восход,
В мир справедливости он бедняков ведет,
Воспрянул радостно весь трудовой народ, —
За это ты всю жизнь боролся, наш Ильич.

Шли сотни, сотни лет. Был мрак тяжел, свинцов.
В нем гибли тысячи борцов и мудрецов.
Но кто же путь к заре открыл в конце концов?
Ты это первенство завоевал, Ильич!

Кто из мыслителей дал руку беднякам?
Кто путь им указал к счастливым берегам?
Всем прошлым временам, всем будущим векам
Ты показал пример, премудрый наш Ильич.

Огромен был твой труд! Ты тридцать лет подряд
Сажал, выращивал свой плодоносный сад,
Когда же этот сад стал пышен и богат,
Ты первые плоды успел собрать, Ильич.

Нет, обо всем сказать не в силах мой язык!
 Двадцать четвертый год... Народ в тоске поник...
 В тот мрачный зимний день застыл живой родник,
 Угас великий свет — скончался наш Ильич.

Скончался тот, кто знал все нужды бедняков,
 Кто люд трудящийся избавил от оков, —
 Осиротели мы... Но путеводных слов —
 Твоих правдивых слов — нам не забыть, Ильич.

Ты руку подал нам в дни бедствий и невзгод,
 Изведал горечь ты, чтоб мы вкусили мед,
 Ты путь нам проложил, и мы пойдем вперед
 Дорогой светлою, что завещал Ильич.

Твои заветы мы повсюду утвердим,
 Построим коммунизм по замыслам твоим
 И с благодарностью, с любовью повторим:
 Ты будешь вечно жить, учитель наш — Ильич!

ЗАРЯ СВОБОДЫ

Запылал небывалой зарей небосвод,
 Пробудился народ, — что же с нами случилось?
 Гибнет черная ночь, все живое поет,
 Изумился народ, — что же с нами случилось?

Это утро свободы вступает в наш край,
 Эй, измученный труженик, стан распрямляй!
 Вся природа зовет: «Пробуждайся! Вставай!»
 Оживился народ, — что же с нами случилось?

Волны света, весь мир затопляя, текут,
 Вновь цветы, что под гнетом увяли, цветут,
 Был тоской, стал источником радости труд,
 Распрямился народ, — что же с нами случилось?

Красный флаг впереди полыхает огнем,
Свет зари золотой отразился на нем,
И влюбленный в зарю, к ней широким путем
Устремился народ, — что же с нами случилось?

Удивляются многие: «Что за рассвет?..»
Свежий ветер свободы им веет в ответ.
Всюду песни звучат... Вешним солнцем согрет
Обновился народ, — что же с нами случилось?

Встань, свободу приветствуя, каракалпак,
Знай, окончились бедствия, каракалпак,
Угнетенным ты был, стал свободным, земляк,
Возродился народ, — вот что с нами случилось

КАРАКАЛПАК

При ханах кем ты был, каракалпак?
Твой край темницей был, каракалпак!
Тебя глупцом, невеждой называли,
Рабом ты прежде слыл, каракалпак.

О, сколько ты страданий перенес,
Увял твой сад, иссяк источник слез,
И жизнь под вихрем бедствий и угроз
Чуть теплилась в тебе, каракалпак.

Все, кто могли, твою топтали честь,
Всех мук твоих и всех обид не счесть,
Твой древний дух не в силах был расцвести,
И в жилах сохла кровь, каракалпак.

Любой хотел три шкуры драть с тебя,
Пот выжимать, налоги брать с тебя...
Но встал рассвет, лучами тьму рубя,
И стала жизнь иной, каракалпак.

Отхлынул мрак бесправья и тоски,
Дни стали по-весеннему ярки,
В твой дальний край пришли большевики,
Решив тебе помочь, каракалпак.

Отныне ночи скорбные забудь,
Пусть радостно вздохнет впервые грудь,
Встань, рукава засучивай — и в путь,
В свой новый путь шагай, каракалпак.

Встань! Не тай былых обид в груди,
Средь братьев место должное найди,
Широкой, твердой поступью иди —
И к цели ты придешь, каракалпак.

И если цель ты будешь твердо знать,
Прямым путем настойчиво шагать,
Своих друзей ценить и уважать,
Величье ждет тебя, каракалпак.

Смотри себе зазнаться не давай,
Работай, от других не отставай,
Спешి вперед, в труде не уставай —
Лишь начал дело ты, каракалпак.

Чтоб цель увидеть, устреми свой взор
В грядущее — в распахнутый простор,
Упорнее трудись, чем до сих пор,
И к знаниям стремись, каракалпак.

Ведь если ты не встанешь, распрямясь,
Не подпояшешься, за труд берясь,
А будешь спать, в бездумье погружаясь,
Чего достигнешь ты, каракалпак?

Проснись! Бессилен дремлющий народ
Учись, вперед стремись из года в год,

Свобода счастья нам не принесет,
Пока твой темен край, каракалпак.

Аббаз Дабылов
(1898-1970)

МЕЧТА

В юности время бесплодно текло,
Лишь от мечты мне бывало светло,
Часто, совсем выбиваясь из сил,
Я, спотыкаясь, по склону скользил.

Стал я шаиром, гонимым нуждой,
Только в те годы я был как немой, —
Если земля, словно камень, крепка,
Трудно пробиться струе родника.

В горе мои проходили года,
Весело я не певал никогда, —
Жизнь беспощадно душила весну,
Вольную песню держала в плену.

Если нам солнце не светит — скажи,
Будут ли светлыми песни души?
Если сомкнет твои губы печать,
Сможешь ли звонкую песню начать?

Был я забитым, неграмотным был,
Сердцем, казалось, навеки остыл,
Но, наконец, лучезарно горя,
Новая встала над степью заря.

Счастлив я нового видеть черты,
В них исполнение давней мечты,
Стал я шаиром в свободном краю
Песни свободные людям пою.

НАШ НУКУС

Стонала степь от засухи и зноя,
И ветер пыль вздымал над головою,
Стояли юрты жалкою толпою
В степи на месте нашего Нукуса.

А в наши дни его зовут столицей,
Теперь он многим может похвалиться.
Кто не был долго — очень удивится
И не узнает прежнего Нукуса.

Пусть молод он, но окрылен мечтою,
Стремится звезд коснуться головою.
С Ташкентом-братом, с матерью
Москвою Мечты и мысли нашего Нукуса.

Какая выше может быть награда,
Когда страна его успехам рада,
А жители Москвы и Ленинграда —
Родные братья жителям Нукуса.

Растет Нукус, барханы раздвигая,
В простор домами новыми шагая,
На много верст протянется, сверкая,
Асфальт на главной улице Нукуса.

И что ни год, он все стройней и выше,
Все радостнее жизнь под каждой крышей,
И с каждым днем ясней столица слышит
Далекий голос нашего Нукуса!

ВЕСНА

Она зиме сказала: «По закону,
Пора тебе кончать свой скучный век».

И ручейками побежал по склонам
Еще вчера в полях белевший снег.

Я не встречал красавицы нарядней,
Уже во всем видны ее права:
Простор все голубей и необъятней,
Пышной сады и зеленой трава.

Аму-Дарья, разлившись на просторе,
Вскипая пеной, радостно шумит:
Она, как прежде, по дороге к морю
Поля насытить влагою спешит.

Поднимутся опять в степных просторах,
Под вешним солнцем хлопка зелена,
И по канавкам весело и споро
Пойдет вода, сверкая и звеня.

Весна во всем! Теплей, душистей воздух,
Кричит жилкыши, всюду птичий гам,
И, словно кем-то брошенные, звезды
Крупней в огромном небе по ночам.

Да, ты, весна, ковром устелешь землю,
Раскроешь крепких почек узелки,
Живительным теплом поля объемлешь,
Из почвы к свету вытянешь ростки.

Ты по душе, весна, и всем влюбленным:
Они сейчас особенно нежны...
Высоко в небе ярколистым кленом
Легко и вольно реет флаг весны.

ТРУСЛИВЫЕ ДЖИГИТЫ НЕ НУЖНЫ!

Если честь ему не дорога,
Если он уходит от врага,
Ищет поукромней берега,

Нужен ли стране такой джигит?

Если он не дорожит страной,
Смело за нее не вступит в бой,
Если край не защитит родной,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он в сражении пуглив,
Если, не в пример другим, болтлив,
Прячется от пули под обрыв,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он ленив, как старый конь,
Если не мозолиста ладонь,
Если, как цветок, его не тронь,
Нужен ли стране такой джигит?

Если он за Родину в бою
Пожалеет жизнь отдать свою —
Опозорит всю свою семью,
Нужен ли стране такой джигит?

Ловкий и красивый на коне,
Мужественный в танковой броне,
Беззаветно преданный стране —
Вот какой необходим джигит.

Твердый в слове, в деле — молодец,
Настоящей выучки боец,
Первым в бой шагающий храбрец —
Вот что значит истинный джигит.

Славен он в походах боевых,
Уважают девушки таких,
В честь тебя слагают этот стих,
Славный сын Отечества — джигит!

БАХАДЫР*(Из поэмы)*

Плач Шнаргуль по мужу Аллангору

В мире нет никого, кто страдал бы, как ты,
Ни халата, ни шубы — одни лоскуты,
А тоска все росла, все тускнели мечты,
Горы горя унес ты с собой, Аллангор!

Мы с тобою сошлись в восемнадцать, супруг,
Мы в друг друга впились, как репей-шырмаук,
Но прорвать не сумели мы горестей круг:
Так печаль стала нашей судьбой, Аллангор.

Пас ты стадо с кривою дубинкой в руках,
Босый бегал, а кровь запеклась на ногах,
Днем и ночью одно лишь унынье и страх,
Силы тратил впустую ты, мой Аллангор.

Нас на каждом шагу донимала беда,
Ты с концами концы не сводил никогда,
А в котле только жидкая стыла бурда,
Пустота была в плошке любой, Аллангор.

Не успел в белой юрте прожить ты и дня,
Не успел завести ты арбу и коня,
Ни клочка не засеял, — ушел от меня,
А мешок твой, как прежде, пустой, Аллангор.

Кто на свете мучительней, горше страдал?
Кто на свете такую нужду испытал?
Долго жил, а дородным ты так и не стал,
Жаль смотреть, до чего ты худой, Аллангор!

Знал ты голод да вечную тяжесть невзгод,
В нашей нищей лачуге не резали скот,
И от пищи безвкусной сводило нам рот,

Не едал ты похлебки густой, Аллангор!

Хоть и дружен ты был только с горькой бедой,
Сожалел, что уходишь, и плакал, седой, —
Обнимал тебя сын — Арыслан молодой,
В мир иной уходил ты с тоской, Аллангор.

Вот что скажет Шнаргуль: — Стойко встречу беду,
На работу поденную завтра пойду,
Быть с народом написано мне на роду,
Пусть, друзья, вам запомнится мой Аллангор!

Садык Нурумбетов

(1900-1972)

ДАУТКОЛЬ²¹

На юг пойдешь — гора Крантау, на север — Нагалай²²,
Пришел наш кочевой народ с надеждой в этот край,
Пытались рыбу мы ловить — ничтожным был улов,
К тому же гнал оттуда нас объездчик-негодяй.

Как людям мучиться пришлось из-за куска еды —
Нигде защиты не найти от гибельной нужды!
Пришел и я в тот мрачный год на озеро Даутколь,
Лишь песнь была отрадой мне в дни горестной беды.

Тоска пригнула нас к земле, и голод иссушил,
Вдоль мрачных берегов брели мы из последних сил,
Сперва надеялся народ, что пищу здесь найдет,
Но обманул ты нас, Даутколь, — лишь горе подарил!

---

²¹ Даутколь — озеро в Кегейлинском районе Каракалпакии.

²² Нагалай - название озера.

Меж тем надвинулась зима, пришлось нам голодать
 Рогоза корешки сосать, куски коры глодать.
 Боролся каждый за себя и, чтоб лепешку спечь,
 Золы горячей из костра спешил побольше взять.

В степи по снегу босиком, дрожа, шагали мы,
 За жизнь цепляясь кое-как, изнемогали мы,
 Таким жестоким голод был, что за мешок пшена
 Красавиц девушек своих в пути меняли мы.

О память, эту боль и скорбь навеки сохрани!
 Напрасны были все мольбы — остались мы одни,
 От жадных баев пользы нет, нигде спасенья нет,
 Таким запомнил я Даутколь в те сумрачные дни.

ТИЛЛАХАН

На шее блестели бусы, а грудь украшал хайкели²³
 Твой стан, и лицо, и голос джигитов с ума свели,
 Была ты звездой Аралбая²⁴, была украшеньем земли,
 Всех дев ты была красивей, прекрасная Тиллахан.

Под шелковым покрывалом, застенчива и мила,
 Ты ласковый свет расточала сердечности и тепла,
 На наших глазах росла ты, нам сверстницею была,
 Казалось, ты всех счастливей, прекрасная Тиллахан.

Ходила ты в пестром платье, не ведала ты греха,
 Мечтала Юсуфа встретить, как верная Зулейха²⁵,
 Пылающим, юным сердцем ждала своего жениха,
 Увы, оказалась надежда напрасною, Тиллахан!

В ноздре у тебя игриво блестел золотой арбек
 Кто видел тебя хоть однажды, уже не забудет вовек,

---

²³ Хайкели – женское нагрудное украшение.

²⁴ Аралбай — название селения.

²⁵ Юсуф и Зулейха — герои известной восточной легенды.

Любуясь тобой, от волнения дышать не мог человек, —
 Была твоя жизнь беспечной и ясною, Тиллахан.

Когда бы мне предложили продать хоть одну твою прядь,
 Ее и за сотни туманов²⁶ не вздумал бы я отдать!
 Ах, гордые птицы-брови — нет слов, чтобы их описать,
 А кожа твоя казалась атласною, Тиллахан.

Бывало, на улицу выйдешь — джигитов бросает в жар,
 Все пленниками становились твоих несравненных чар!
 Женге²⁷ впереди шагала, по имени Калбазар,
 А следом плыла ты, потупись, бесстрастная Тиллахан.

Но юность твоя погибла по воле злодея-отца:
 Напрасно его ты просила и плакала без конца, —
 За десять коров отборных, за кровного жеребца
 Тебя богачу он отдал, несчастная Тиллахан.

Потом, по обычаю, сватам отправили сочный тось²⁸,
 Отца твоего мольбами разжалобить не удалось,
 Пылала душа мечтами — теперь их забыть пришлось,
 В слезах ты покорно сидела, безгласная Тиллахан...

Под кровлей немилого мужа живешь ты третьей женой,
 Как вольная птица в клетке, ты стала худой, больной.
 Что делать тебе остается? Бежать? Воротиться домой?
 Тебя обмануло счастье, злосчастливая Тиллахан!

ПОРХАНЫ²⁹

«Бисмилля!»³⁰ — каждый раз говорили вначале они,
 По Корану, по камешкам ловко гадали они,
 Самых жирных баранов в награду хватали они, —

²⁶ Туман — старинная монета.

²⁷ Женге — сноха.

²⁸ Тось — грудинка.

²⁹ Порхан — колдун, шаман.

³⁰ Бисмилля — первое слово в Коране, которое произносят мусульмане, начиная каждое новое дело.

Так доверчивый, темный народ обирали порханы.

Многих в страхе держали они, то хитря, то грозя,
Грамотеями слыли, проверить их было нельзя,
Мы таких сумыраев³¹ давно раскусили, друзья:
Как драконы голодные, жертву искали порханы.

Чтоб народ запугать, то чертей принимались скликать,
То за фокусы брались — огонь не боялись глотать,
Приходя в исступление, юрты пытались ломать,
Как верблюды, плюясь, все кругом оскверняли порханы.

А в разгаре раденья бесились, кружились волчком.
На красавиц косились и слюни глотали тайком,
Избегали догадливых, тешились над простаком,
Гнусной ложью сознание людей отравляли порханы.

«Исцелять от бесплодия» любили безропотных жен,
Для «леченья» жену уводили в овечий загон,
И обманутый муж оставался, растерян, смущен,
А тем временем похоть свою утоляли порханы.

«Потерпи!» — говорили испуганной божьей рабе.
«Не упрямься, — твердили, — всегда покоряйся судьбе!»
«Дочь моя, — обещали, — мы сына подарим тебе!» —
И за яблоки-груди несчастную брали порханы.

От ишанов и мулл получая поддержку всегда,
Кроме хитрых обманов не зная иного труда,
Наших женщин бесчестя, отбросив остатки стыда,
Сколько сеяли лжи, сколько зла причиняли порханы³²

Совершив коширмевесь аул собирали на той,
Мяса лучшие части тайком отправляли домой,
И остатками тут же делились со всей беднотой, —

---

³¹ С у м ы рай (сумрай) — злодей, негодяй.

³² К о ш и р м е — знахарский способ лечения огнем.

Так за мудрых и щедрых себя выдавали порханы.

А случилось, что, кости собрав молодого скота,
Оживить их пытались дыханием смрадного рта,
Только зря надрывались — не вышло у них ни черта,
И тогда, опозорясь, измучась, сбегали порханы.

Хитроумным лисицам и жадным шакалам сродни,
Для невежд были издавна сладким дурманом они,
У ишанов и мулл обучались обманам они, —
Так народную кровь беспощадно сосали порханы.

Поглядите на них: бьют железною цепью, вопят,
Пляшут, прыгают, бесятся, славят святой шарият...
Много лет безнаказанным был их обман и разврат,
И бесчинствовать только теперь перестали порханы,

АМУ-ДАРЬЯ

Ты — сокровищница наша, в ней — сады, поля, леса,
Всех пьянит твоя живая, ясноглазая краса,
Влагу щедро расточая, отражая небеса,
Целый край обогащая, бурно ты течешь, Дарья.

А вокруг — твои озера блещут шелком голубым,
Стали выжженные степи садом пышным, молодым,
Радостно цветут колхозы вдоль по берегам твоим,
Людам силу ты даруешь, к счастью их зовешь, Дарья.

Гуще и пышнее хлопок у твоих обильных вод,
И твоим дыханьем свежим наслаждается народ,
Утки, лебеди взлетают, плещут рыбы всех пород —
Сто богатств разнообразных людям ты даешь, Дарья!

Как сильны твои пороги — их сильнее в мире нет,
Как вкусны твои сазаны — их вкуснее в мире нет!
А воды твоей отведав, вдохновляется поэт,

Словно сладкий сок плодовый, вкус ее хорош, Дарья.

Ты поишь в степях колхозных всходы, травы и цветы,
 Людям свежесть и прохладу в знойный полдень даришь ты,
 Прогоняя все печали, пробуждая в нас мечты,
 Бьешь ты в берег, будто плещешь в тысячи ладош, Дарья.

В нашу летопись живую, в наше новое житье
 Золотыми письменами имя вписано твое:
 Пробудила ты степное, вековое забытье,
 Степь зелеными коврами ты покрыла сплошь, Дарья.

Не сочтешь лучистых капель — чистых жемчугов твоих,
 Плодородьем знаменита почва берегов твоих,
 И почти слоновья сила у больших сомов твоих,
 Ни покоя, ни застоя ты не признаешь, Дарья.

В небеса кидая брызги, как из бурного котла,
 Мчишься ты, крутясь и пенясь, непокорна, весела.
 Ты не раз меняла русло, много бедствий принесла,
 Но умнее люди стали, — нас не проведешь, Дарья!

Все преграды сокрушая, мощный твой поток течет —
 Как борец, играя силой, пролагает путь вперед,
 А когда ты выбегаешь на простор аральских вод,
 На широкие объятья твой разлив похож, Дарья.

Зря тебя когда-то звали: сумасбродная Джейхун³³
 Ты — источник изобилья, что всегда могуч и юн,
 Край цветет, растут селенья — и, как сотни звонких струн,
 Песню счастья и свободы людям ты поешь, Дарья!

---

³³ Д ж е й х у н — старинное название реки Аму-Дарья, означающее в переводе «безумная», «бешеная».

ШАНГБАЙ

Он живет по старинке, не същещь подобных нерях:
Мухи вечно сидят на посуде его, на мешках,
Горделиво красуется старый чилим³⁴ на дверях,
А шакча-то³⁵, заметьте, серебряная у Шангбая.

Нет приличья в дому... Правда, есть сабаяк и керги³⁶,
Но в грязи дастархан, как бывают в грязи сапоги.
Конский череп висит — мол, от сглазу его сбереги! —
А попоны развешаны прямо в жилье у Шангбая.

Очень многое в доме способно отбить аппетит:
С солью грязный мешочек у самого входа висит,
А котел и не чищен давно, и ничем не прикрыт, —
За порядком следить не желает никто у Шангбая.

В юрте чашки да плошки — как лавка посуды она,
Старой дряни и рухляди юрта большая полна,
И взирает Шангбай, как, презрев пересуды, жена
Льет в котел ополоски, — грязнуля она у Шангбая.

Прямо в юрте наседки — на яйцах, как им надлежит,
Рядом гончая, — что ж, на почетнейшем месте лежит.
Так хозяин привел все жилище в постыднейший вид, —
Не берите примера с привычек неряхи Шангбая.

Нацепил амулеты на всех своих грязных ребят,
Чтоб не сглазили, сажею мажет им лица подряд,
Раскаленным кувшином свершает леченья обряд:
Вместо банок для хворых — горячий кувшин у Шангбая.

Не опишешь всего, не расскажешь в коротких стихах.

---

³⁴ Ч и л и м — курительный прибор.

³⁵ Ш а к ч а — рожок, в котором хранится насбай — вид табака.

³⁶ С а б а я к — деревянное приспособление для посуды. К е р г и — ковровый мешок для хранения хозяйственных предметов.

Ходит в рваной одежде, а сытый — возьми его прах!
 Неопрятный, невымытый, он дрянью какой-то пропах,
 А ведь жизнь вообще-то совсем неплоха у Шангбая!

Асан Бегимов
 (1907-1958)

БИБИДЖАН

Уходишь ты в море, вся солнцем одета,
 И песню твою заглушает прибой.
 Ты морем любишься, солнечным светом,
 А я в отдаленье люблюсь тобой.

То ввысь поднимаясь с волнами седыми,
 То вновь исчезая за пенной грядой,
 Уходишь ты в море с друзьями своими,
 Отважно на подвиг идешь трудовой.

Рыбачка! Какой ты красавицей стала!
 Как жаль, дорогая моя Бибиджан,
 Что раньше тебя мое сердце не знало,
 Как будто глаза застилал мне туман.

Теперь же ты в душу мою заглянула,
 И стало в ней так хорошо и светло.
 Цветами весна затопила аулы,
 А с ними и сердце мое расцвело.

Мы счастья добились своими руками,
 И горя не знают мои земляки.
 Родимое море цветет парусами,
 Когда отплывают на лов рыбаки.

Закат распластался на синем просторе,
 Как ты, этот вечер пригож и румян.

Несет на ладонях вечернее море
Цветок моей жизни — тебя, Бибиджан!

ПУШКИНУ

Когда я слышу песнь твою,
Душой всегда светлею
И, голову склонив, стою
Пред славою твоею.

Я в дом на Мойке, где ты жил,
Пришел июньским утром.
Вот стол... Перо... Следы чернил
Не высохли как будто.

А сколько тут на полках книг
Навек стоять осталось!
Не раз страниц старинных их
Рука твоя касалась.

И я хотел поцеловать
В нахлынувшем волненье
Твоих волос густую прядь,
Что сохранил Тургенев.

НАД НЕВОЙ

Открылась мне в ночную пору
Дворцов и шпилей красота,
Когда я на великий город
Смотрел с Литейного моста.

В широкой глади отражала
Нева сияние огней.
Моя Аму-Дарья, пожалуй,
Не выдержит сравненья с ней.

А там, на площади вокзала,

Где семафоров светляки,
 Фигура Ленина вставала, —
 Я видел взлет его руки!

И, стоя на мосту Литейном,
 Над исторической рекой,
 Дышал не воздухом музейным,
 Дышал я свежестью такой,

Что руки силой наливает
 И сердце радостью живит,
 К высокой цели направляет,
 И вдохновляет, и бодрит.

Волны тяжелой колыханье,
 Узоры кованных перил...
 Я революции дыханье
 Здесь всею грудью ощутил.

Избасар Фазылов (1908-1961)

ЧЕРНАЯ ОВЦА

Живу я жизнью горькой, хоть и молод,
 Оборванный, босой, терплю я холод,
 Привычны мне и нищета и голод,
 Не знать мне счастья, видно, до конца.

В беспечных играх не провел я детства,
 Стал чабаном я, сирий, с малолетства,
 И о тебе, причине многих бедствий,
 Пою я песню, черная овца.

С тебя, лентяйки, было мало толку,
 Когда же ты попала в зубы волку,
 Меня все поносили без умолку,

Презренным стал я, черная овца.

Тебя я пас и в холод и в ненастье
И быть бы мог растерзанным на части,
Когда спасал тебя из волчьей пасти
Себе на горе, черная овца.

Ты чуть дышала... Чтоб прервать мученье,
Я кровь тебе пустил. Потом в селенье
На ишаке тебя, как угощение,
В аул привез я, черная овца.

Мулла сказал, что в пищу не годна ты,
Что падаль ты, согласно шариату³⁷
Ни ты, ни я ни в чем не виноваты,
А я страдаю, черная овца.

На Шымбыр-Коле³⁸ — чудеса природы,
В арык Анна текут обильно воды,
А мне теперь стыд и позор на годы,
Вот что случилось, черная овца.

В кустарнике колючем пас я стадо,
Бог не всегда поможет там, где надо, —
Голодный волк, подкравшись из засады,
В тебя вцепился, черная овца.

С утра был ливень, ветры завывали,
Муйтены³⁹ мне с собой ножа не дали,
И горло острой щепкой на привале

---

³⁷ Согласно шариату (своду мусульманских законов), мясо животного считается пригодным в пищу в том случае, если перед смертью ему была пущена кровь. В данном случае чабан перерезал горло умирающей овце не ножом, а острой щепкой, и поэтому мясо этой овцы сочтено непригодным для еды.

³⁸ Ш ы м б ы р - К о л ь — название озера.

³⁹ М у й т е н ы — название одного из каракалпакских родов.

Тебе я взрезал, черная овца.

Какая разница, концом булата
Иль щепкою прикончена была ты?
Клянусь, тебя, согласно шариату,
Не осквернил я, черная овца!

Селением муйтенов был я нанят,
Закон исполнил я — кто спорить станет?
И зря мулла теперь тебя поганит —
Зря он клеветает, черная овца!

С зимовкой было плохо, вот в чем дело,
Ты похудела, стало жестким тело —
Вот и вопит мулла так оголтело,
Что несъедобна черная овца.

Да, от судьбы жестокой не ушла ты,
И мы с тобой ни в чем не виноваты,
Но за тебя назначенная плата
Легла на горб мой, черная овца.

Что за цена высокая такая?
Нет ни стыда, ни совести у бая!
Моя получка полугодовая
Пошла в уплату, черная овца.

Эй, Каллибек из Колддаулы! Я помню,
Что ты — хозяин, я — чабан наемный,
Добавь мои гроши в сундук огромный, —
Богатство не исправит подлеца!

Хожамет Ахметов (1908-1932)

НЕ ДАВАЙ ДОРОГУ!

Бедняк! Мои слова, как пламя, жгут:
Средь нас в чалме и без чалмы живут
Враги, они надеются и ждут, —
Будь бдительным, им не давай дорогу!

В Советах счастье — должен ты понять.
Тебя решили баи запугать,
Чтоб ты не шел Советы выбирать,
Но их коварству не давай дорогу!

Познал ты баев в муке вековой,
Знаком с их кровожадной душой,
Вот почему крепи народный строй,
А байской своре не давай дорогу!

Бедняк, ты завтра выберешь в Совет
Того, с кем жил, как с другом, много лет.
Врагов коварнее, чем баи, нет, —
На выборах им не давай дорогу!

ТВОЙ ДОЛГ

В ауле жизнь еще темна,
Но к свету тянется страна,
Ты помнись, молодежь, должна:
Приблизить счастье — твой долг.

В ауле из-за богачей
Немало бедствует людей,
Дать радость людям поскорей —
Высокий, молодежь, твой долг.

В ауле злой обычай есть:
 На скот обменивать невест.
 За человеческую честь
 Бороться, молодежь, твой долг.

В ауле школа есть, но в ней
 Молитвой потчуют детей.
 Их вырвать из «святых» цепей —
 Первейший, молодежь, твой долг.

Мулла, ишан средь нас живут,
 Они в умы дурман несут.
 Свершить над ними смелый суд
 Почетный, молодежь, твой долг.

КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Как в зеркале, что чище ясных вод,
 Показывают дней водоворот,
 Где новое со старым счет ведет...
 — А кто они?
 — Корреспонденты!

Ведут рассказ победный о стране,
 Чтоб стал бедняк счастливее вдвойне,
 Чтоб корчился богач, как на огне...
 — А кто они?
 — Корреспонденты!

Известно им, кто в жены продал дочь,
 Кто взятку брал и взятъ еще не прочь!
 О них напишут страстно и точь-в-точь...
 — А кто они?
 — Корреспонденты!

Когда в работе обнаружен срыв —
 Тот стал рвачом, а этот стал ленив, —
 Сейчас же слышен гневный их призыв.

— А кто они?
— Корреспонденты!

О том, что происходит в наши дни,
Всю правду знают первыми они.
Их острый карандаш копьёю сродни.
— А кто они?
— Корреспонденты!

Жолмурза Аймурзаев (Род. в 1910 г.)

ПОРТФЕЛЬ ИЛЬИЧА

Пришел рабочий как-то к Ильичу:
«Возьми, Ильич, я для тебя старался...
Я подарить портфель тебе хочу».
С ним Ленин двадцать лет не расставался.

Когда еще не кончились бои
И грозы над страной не отгремели,
Ильич писал о будущем статьи
И бережно хранил в своем портфеле.

Но вот в России занялся рассвет,
И утром, накануне новой эры,
Был из портфеля извлечен декрет —
Народу памятный, великий, первый.

Портфель... Он всем невзгодам вопреки
Служил вождю — и бережно, упрямо
Донес до нас тепло его руки
И нашей славной партии программу.

КЫЗ-КЕТКЕН*(Из поэмы)*

Широкоруслый, струясь по хлопковым полям,
Широкоспинный, пустыню деля пополам,
Канал протянулся, и ветер, коснувшись его,
Как масло, становится нежным, уже не пыля.

Обильную воду жаждущим землям струя,
Пескам говорит он: «Стал вашим спасителем я!
Оденетесь вы в разноцветный, цветущий наряд,
Пусть бьется в бетон и беснуется Аму-Дарья!»

Где голая степь расстилалась в былые года,
Живительной силой прошла Кыз-Кеткена вода,
Цветами и травами зашелестевшая степь
Былую пустыню заменит теперь навсегда.

Могуч наш канал, протянувшийся через пески,
Плотина — его голова — у «Безумной реки»,
Широко раскинулись руки и ноги его —
Хлопковый посев орошающие ручейки.

В нем небо играет горячей своей синевой,
Нукус молодыми домами глядится в него,
Вокруг возникают движенье и грохот машин,
Сверкает над ним электрический глаз огневой.

У светлой плотины бараки построены в ряд,
Их окна, как свечи, в песчаном просторе горят,
Гордится ударниками молодой Кыз-Кеткен,
И даже в Москве о героях его говорят.

Так слушай, строитель-дехканин, поэму мою,
Про наши свершения эту я песню пою,
Но также о прошлом я должен тебе рассказать —
О жизни жестокой в суровом, безводном краю.

Туман расстилался над краем, где властвовал хан,
 Вздыхались в пустыне пески—за барханом бархан.
 Измучены гнетом, дорогою рабства брели
 В тумане бесправия тысячи тысяч дехкан.

Струилась вода из Аму — полноводной реки,
 Но баям вода доставалась, а бедным — пески.
 Ишаны да баи владели всей лучшей землей,
 Добром-серебром набивали свои сундуки.

Они говорили: «От господ — эта земля!
 Во имя аллаха возделывай наши поля.
 Возделаешь — сотая часть урожая — тебе,
 Откажешься — будешь кафыром, ничтожная тля!»

Был хан ненасытен, он с нами творил, что хотел:
 Горячим железом клеймил кожу трепетных тел.
 Владел он садами, озерами, жирной землей,
 А нам только голод и жажда достались в удел.

Летит по аулам приказ — беспощадней меча:
 «Казу выполнять!..» Наезжают мирабы, крича.
 И вот уж по согнутым спинам покорных дехкан
 Гуляет безжалостно кожаная камча.

Худые, в лохмотьях, на плечи взвалив кетмени,
 К арыкам брели, липкий ил выгребая, они,
 Впивались колючки в подошвы израненных ног,
 Казу — это пытка на долгие, долгие дни!

Сгибается, грязью покрытый, измученный раб, —
 Под ветром пустыни продрог он, иссох и ослаб.
 Присел на минуту — лепешку доест, но к нему
 С жестокой усмешкой подходит свирепый мираб.

С размаху он бьет бедняка на откосе крутом,
 Вербочкой связав, истязает ременным кнутом...
 И часто случалось: сначала бедняцкая кровь

Текла по арыку, а мутная влага — потом...

Века проходили... Но вот осознал наш народ,
 Что каждый из нас — человек, а не вещь и не скот.
 Восстали дехкане — и сбросили ханскую власть,
 Приветствуют дружно Октябрьского солнца восход!

ПРИВЕТСТВИЕ

Арал шумит,
 Волнуется Аму.
 На берегах, привольных и красивых,
 Живет народ, свободный и счастливый, —
 Почет и слава за труды ему.

Мать-родина!
 Вот край мой, погляди!
 Заботой партии, твоей заботой
 Цветущий край согрет. Кипит работа.
 Недаром орден на его груди.

Сегодня брата мой народ встречает:
 Он вывел к свету, к утренней заре
 Страну мою в Великом Октябре,
 Нам будущее строить помогает.

Сегодня праздник. Каждый гостю рад.
 Мы радостно протягиваем руки, —
 Ведь это Пушкина, Толстого внуки
 В гостях у нас! Приехал старший брат!

Встречаем ленинградцев, москвичей,
 Приветствуем вас, дорогие братья,
 Примите наши жаркие объятия!..
 Еще не знал я встречи горячей
 В родной Каракалпакии моей!

АМУ-ДАРЬЯ

Тебя Памир высокий породил
И в дар принес могучему Аралу.
Кто близ тебя хоть день единый жил,
Тому навеки в душу ты запала.

Арал в тебя влюбился навсегда,
Хоть у него и борода седая, —
Он щедро гонит рыбу в невода,
Труды людей стократ вознаграждая.

Пушистый хлопок зреет на полях,
Живящей влагой ты его взрастила,
В тугих бутонах, в розовых цветах,
Как в жилах кровь, твоя струится сила.

Аму-Дарья! Я знаю: день придет —
Твой буйный бег плотины перекроют,
Тогда от Пянджа до аральских вод
Ты потечешь послушною рекою.

Мы берега украсим, обновим,
На них построим города, заводы
И на земле созвездья создадим —
Светлей, чем все созвездья небосвода!

У ВОДОПРОВОДА

Две хорошие подруги
Утром по воду идут,
Задушевную беседу
О делах своих ведут.

Улыбаются, смеются.
Косы вьются на ветру...
Та — дома в Нукусе строит,
Эта — учит детвору.

Кран железный, кран послушный
 Открывает Азада,
 И бежит струей прохладной
 В ведра светлая вода.

Взгляд задумчивый под солнцем
 Отражается в воде.
 Здесь от жажды нестерпимой
 Сколько мучилось людей?..

Караваны в знойных вихрях
 Исчезали без следа.
 Тут и капли свежей влаги
 Не видали никогда!

А сегодня изменился,
 Обновился край степной,
 И глубокие каналы
 Переполнены водой.

Две хорошие подруги
 Ведра полные несут,
 Задушевную беседу
 О делах своих ведут.

КРАСИВО

Полон солнца летний день,
 Нет ни облачка — красиво!
 Ночь, луна, густая сень
 Листьев шелковых — красиво!

Пышно яблони цветут,
 Урожай в полях — красиво!
 Гуси озером плывут,
 Рыбы плещутся — красиво!

В берег бьет Аму-Дарья
 Величавая — красиво!
 Новый ленинский канал
 Серебром блестит — красиво!

Люди, с лиц стирая пот,
 Дружно трудятся — красиво!
 Грозный воин в бой идет
 И врага громит — красиво!

Чтобы стала наша жизнь
 Изобильна и красива,
 Люди сильные нужны —
 Побеждать всегда красиво!

СЛУШАЙТЕ!

I

Взрывы гремят вдалеке, как тяжелые молоты,
 Дали наполнились звуками грозными, — слушайте!
 Синее небо терзают кровавые молнии,
 Пламя драконом бушует над звездами, — слушайте!
 Бомбами кости Карпат в порошок перемолоты,
 Горные птицы рыдают над гнездами, — слушайте!

II

Земли России! Родные, счастливые, кровные!
 Шепот цветов, как священную заповедь, — слушайте!
 Катятся волны народа — лавины огромные,
 Рвутся вперед, на спасение Запада, — слушайте!
 Витязи наши — единый кулак бронированный,
 Он занесен для удара внезапного, — слушайте!

III

Люди, великую радость свободы познавшие,
 Голос младенца, зовущий в отчаянье, — слушайте!
 Кровь, словно дождь, над садами, горами и пашнями,
 Жаждают победы живые, отмщения — павшие,

Кровь закипевшую, мертвых молчание, — слушайте!
 Разве людей запугаешь угрозами, пытками?
 Волки взбесились, раскаркались вороны, — слушайте!
 Конь богатырский заржал и ударил копытами:
 Мчится вперед, на проклятого врага, — слушайте!
 Враг у порога, огнем и мечом угрожающий, —
 Не допустите, чтоб дом обратился в пожарище!
 Кровью за кровь! — эту заповедь праведных слушайте!
 Меч над врагом занесите, карающий, жалящий!
 Мужества песню — предания прадедов слушайте!

IV

Воины! Птица Семург⁴⁰ понесет вас по воздуху —
 Громы на землю обрушьте и отзвуки слушайте!
 Конь легендарный, Тулпар, понесет вас без роздыху —
 Клич победителей кликните, отзвуки слушайте!
 Небо светлеет, зарей на Востоке окрашено,
 Хлынут лучи золотыми потоками, — слушайте!
 Ради победы пожертвуют жизнью бесстрашные,
 Будет ваш подвиг прославлен потомками — слушайте!
 Земли не зря омывались рекою кровавою,
 Враг издыхает! Страны ликование — слушайте!
 Слушайте песни победы, звенящие славою,
 Партии слово, народа дыхание — слушайте!

СЛУШАЙ, СЫН!

Слушай, сын! Сегодня твой отец — солдат,
 Я иду с оружием через вихрь огня.
 Если без победы я вернусь назад,
 Мне скажи: «Отец, ты умер для меня!»

Слушай, сын! Когда-то говорили встарь:
 «Если враг ворвался, натиск отрази,

---

⁴⁰ Семург (Симург) — букв.: «тридцать птиц», баснословная птица, царь-птица, феникс.

Если он ударит, то в ответ ударь,
Свой клинок злодею в сердце погрузи!»

Слушай, сын! К победе знаю путь прямой,
В сердце жажда мести, и рука тверда,
Жадный враг лютует, будто волк зимой —
Ненасытный волк, не знающий стыда.

Слушай, сын! Мы волку не дадим ягнят,
Ты — ягненок мой, тебя я сберегу,
Отгоню волков от наших мирных стад,
Жизнь свою отдам — не уступлю врагу!

Слушай, сын! Идут свинцовые дожди,
Кровь течет с клинков, не сохнет на ветру.
Если надо, сердце выну из груди —
За тебя, за жизнь, за родину умру!

Слушай, сын! Я верю, что вернусь домой,
Ранами покрытый, в порохе, в пыли.
Ты меня обнимешь, черноглазый мой,
И скажу: «Сынок, с победой мы пришли!...»

ДНЕПР

Раздольный Днепр,
Привольный Днепр,
Могучая река!
Отвагою сынов твоих
Прославлены века.
Меж берегов крутых вода
Прозрачная текла,
Но в день войны рукой врага
Обагрена была.
Мы с чужеземною ордой
Вступили в смертный бой,
И в час победы яркий свет

Зажегся над тобой.
 Зажегся он и засверкал
 На вспененной волне...
 О, Днепр могучий!
 Та волна
 И нынче светит мне.
 Сегодня я опять пришел
 К побережью твоему —
 Принес привет моих друзей
 От берегов Аму.

НЕВЕСТКА

Я горжусь моей невесткой —
 Хлопотлива, весела!
 Ты всегда — еще невестой —
 Деловитая была.

Улыбнешься — день прекрасней,
 Молвишь слово — каплет мед,
 А в глазах любовь не гаснет —
 Поселилась и живет.

Ты проста, но ты — загадка,
 Ведь загадка — красота!..
 С ручейком, журчащим сладко,
 Я сравню твои уста.

Очи — вишни, брови — дуги,
 А лицо — граната цвет.
 «Краше нет во всей округе!» —
 Говорят тебе вослед.

От волос твоих струится
 Ароматное тепло...
 Хлопотунья, мастерица, —
 До чего ж нам повезло!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Вот вышли мои земляки в Кара-Кумы:
Решили стальную дорогу вести,
Но войском несметным, но ратью угрюмой
Вставали барханы у них на пути.

Гудела пустыня, как поле сраженья,
Железо в барханы вгрызалось кругом,
И ветер свирепый ревел в исступленье,
И солнце палило нещадным огнем.

Здесь травы от жажды с весны умирали,
Но люди стояли — сильны и крепки!
Глухим бездорожьем верблюды шагали,
И воду в бочонках везли от реки.

А ветры бесились. А ветры хлестали,
Как тысячи вздыбленных, жгучих плетей, —
Когда-то песками они заметали
И кости верблюдов, и кости людей.

Сегодня ни зной, ни песчаные вьюги
Колхозным батырам уже не страшны;
Сердца неустанны, и мышцы упруги, —
Барханы пробиты, пески взметены!

Джигиты ворочают бурые камни,
А девушки землю на насыпь кладут,
И ожил простор, беспробудный веками, —
Советские люди дорогу ведут!

* * *

Много сегодня на стройке народа.
Тихая степь пробудилась с утра.
С первым лучом золотого восхода
К людям на стройку спешит медсестра.

Слышится оклик зовущий: — Людмила! —
 Девушке машет высокий джигит.
 Быстро к нему подошла и спросила:
 — Что, Батырбек, захворал? Где болит?

Парень поник от тяжелого вздоха:
 — Телом слабею, бледнею лицом, —
 Стал как соломинка... Плохо мне... плохо...
 Боль и мучение — в сердце моем!..

Девушка парню в глаза заглянула:
 — Сердце — прекрасное для силача!
 — Видно, тоскует оно по аулу?
 Или по девушке начал скучать?

Парни ответили гомоном дружным,
 Смех покатился над степью волной.
 — Ехать в аул мне, пожалуй, не нужно:
 — Радость сердечная — рядом со мной!..

Вспыхнули краскою щеки Людмилы,
 Звонко забила горячая кровь...
 Девушка, ты никогда не любила?
 Может быть, это приходит любовь?

Где бы джигита с тех пор ни встречала —
 Глаз не сводила с батыра тайком,
 Ловкость и удаль его замечала,
 Видела: первый он в деле любом.

Кто с ним в работе померится силой?
 Кто так влюбленно посмотрит в глаза?..
 Как бы хотела сегодня Людмила
 Другу заветное слово сказать!

* * *

Вечер приходит к ожившему стану,
 Люди на отдых к палаткам спешат,
 Блюда дымятся на дастарханах,
 Буйно костры в полумраке горят.

Здесь — степняки для беседы присели,
 Там — рассыпается рокот домбры,
 Кто-то поет и танцует. Веселье
 Нынче не смолкнет до поздней поры.

Русоволосую девушку встретил
 Наш Батырбек на тропинке степной:
 — Много хороших красавиц на свете,
 Но ни одной не сравниться с тобой!

Рядом с джигитом Людмила шагала,
 Тихо и нежно шептала ему: —
 В сердце болезнь?.. Я ее разгадала.
 Вместе нам надо к врачу одному...

* * *

Скоро пески огласятся гудками;
 Близится этот торжественный час.
 Я повстречаюсь на празднике с вами,
 Я побываю на свадьбе у вас!

ЛЮБЛЮ ВЕСНУ

Весной прилетают гусиные стаи
 Играть и купаться в озерах больших,
 И радостью сердце мое закипает,
 Когда в эту пору смотрю я на них.

Зеленым ковром покрывается поле,
 Сады зацветают под солнцем живым,
 Ласкающий ветер скользит по раздолью,
 И голову клонит трава перед ним.

А сколько в колхозах работы припело!
 Весной каждый день и румян и хорош.
 Чтоб белое золото к сроку созрело,
 Выходит с утра на поля молодежь.

Трудясь вдохновенно, трудясь неустанно,
 Заложим мы в землю весной семена,
 А осенью с хлопком пойдут караваны
 С полей на заводы, — встречай их, страна!

С весною веселые дни прилетели,
 Нарядна земля, в небесах бирюза,
 Красивые девушки песню запели,
 Поет с ними вместе поэт Жолмурза

Мырзагали Дарибаев

(1907-1942)

ХАЛБИКЕ

В далеком уголке родного края,
 Где Калли-куль красуется, сверкая,
 В кольце дремучих зарослей тугая,
 Ты в этот мир явилась, Халбике.

Ты в годы юности хлебнула горя,
 Ходила ты всегда с тоской во взоре,
 К твоим ногам упали косы вскоре, —
 Я был твоим соседом, Халбике.

Слезами ты рассвет встречала каждый,
 Душа томилась, как цветок от жажды,
 Змея тебя ужалила однажды, —
 Все хорошо я помню, Халбике.

Лежала на челе печать неволи,

Калым — цена твоей печальной доли,
 Пылали на твоих руках мозоли, —
 И это я запомнил, Халбике.

Но шел мудрец и вывел на дорогу
 Тебя, сказав: «Иди со мною в ногу».
 Таких, как ты, за ним шагало много..
 Кто это был, ты знаешь, Халбике?

Был это Ленин — всех начал начало,
 Друг неимущих, недруг капитала,
 С годами мудрость ты его узнала —
 Вождя всех угнетенных, Халбике.

Своей улыбкой чистой, лучезарной
 Ты Ильичу должна быть благодарна,
 Своим трудом, почетным и ударным,
 Обязана ему ты, Халбике.

Работая, учась вдали от юга,
 Я не имел свободного досуга,
 Чтоб навестить тебя, моя подруга, —
 Давно мы не встречались, Халбике.

Но вот я побывал минувшим летом
 В ауле нашем, мной не раз воспетом,
 Его по старым не узнать приметам, —
 Аул наш обновился, Халбике.

Все дышит новью возле Калли-куля,
 Иная жизнь кипит теперь в ауле,
 И дети тех, что прежде спину гнули,
 Дарили мне букеты, Халбике.

Каков его размах, его величье,
 Восторженно горят глаза девичьи,
 Всех перемен, поверь, не мог постичь я,
 Таков теперь аул наш, Халбике.

Я мог бы рассказать еще немало
 О том, как время новый мир ковало,
 О гордых людях нового закала, —
 Всего не перескажешь, Халбике.

А впереди дерзання и успехи,
 Мы в коммунизм идем от вежи к веже,
 Тем, кто штурмует, не страшны помехи,
 Будь среди самых первых, Халбике!

ПАРТИЗАН

Он был схвачен врагами нежданно
 На исходе весеннего дня.
 На проселке ждала партизана
 Подготовленная западня.
 Били пленника долго, жестоко
 И опять привели на допрос,
 Окровавленный, в кровоподтеках,
 Он стоял, словно к месту прирос.
 «Вы не вырвете силой ни слова!..» —
 Прохрипел он своим палачам.
 Били пленника снова и снова,
 Кровь текла по опухшим плечам.
 «Не открою вам тайны военной,
 Мне измены язык незнаком, —
 Повторял истязуемый пленный
 Изуродованным языком, —
 Не боюсь я ни петли, ни пули,
 Мне не страшен звериный ваш суд,
 До победы дойду ль, не дойду ли —
 Ваши пытки меня не согнут.
 До последнего сердцебиенья
 Я отчизне своей послужу,
 Бесплезны все ваши глумленья,
 Я вам тайны своей не скажу.
 Нет, до вздоха последнего буду

Верен клятве солдатской своей —
 Никогда я не стану Иудой,
 Никогда я не выдам друзей!..»
 Офицер, багровея от злобы,
 Прорычал, наводя пистолет:
 «Отведите бандита в чащобу,
 Приготовьте злодею обед.
 Накормите его до отвала,
 Пусть он помнит о нас до конца,
 Угостите штыком вместо сала,
 Не жалеите для гостя свинца».
 Но, с презреньем взглянув на садиста,
 Бросил пленник свирепому псу:
 «Не пугайте солдата, фашисты!
 Я в могилу секрет унесу.
 Сквозь объятия смерти костлявой,
 Сквозь бои мне победа видна,
 Не уйдете и вы от расправы,
 Мы за все вам отплатим сполна».
 И взревел истязатель:
 «Не надо Угощать партизана свинцом!
 Жаль на эту собаку заряда,
 Закопайте бандита живьем!..»
 Гнал ефрейтор героя по чаше,
 Не скупился на брань и пинки.
 След от ран его кровоточащих
 Жадно слизывали стебельки.
 Шелестели деревья прощально
 И махали герою листвою,
 И звенели о чем-то печально
 Соловьи над его головой.
 Что отчизны любимой дороже
 Для того, кто идет умирать?
 И бойцу захотелось до дрожи
 Этот мир необъятный обнять.
 Но конвойный, с утроенной силой
 Подтолкнув его, выпалил:
 «Гут! Рой, скотина, поглубже могилу,

Здесь найдешь ты последний приют!..»
 Как болят воспаленные раны...
 «Шнеллер! Шнеллер!» — командует враг.
 Смерть стоит за спиной партизана,
 Остается до пропасти шаг.
 Неужели исчезнуть из мира?..
 Но могила отрыта...
 И вдруг Пленник бросился на конвоира
 И оружие выбил из рук.
 И мгновенно взметнулась лопата
 Над поверженным наземь врагом,
 И мгновенно свершилась расплата —
 Стало меньше одним палачом!..
 Соловьи, восторженувшись, запели,
 Будто новую радость суля,
 И восторженно вдруг зашумели
 Молодою листвою тополя. Тишина.
 На востоке светает.
 Партизана встречает рассвет.
 Говорят, что и ныне шагает
 Он нелегкой дорогой побед.

НИЗАМИ

Ста тысячам арыков не сравниться
 С одной рекой, что с горных круч стремится,
 Сто тысяч звезд, мерцающих в эфире,
 Нам не заменят солнца в этом мире.

Сто тысяч крохотных степных растений
 Не смогут дать нам благотворной тени,
 Сто тысяч строк поэта-графомана
 Не стоят строчки мудрого дастана.

Лишь тот поэт бессмертьем обладает,
 Чьи мудрые слова не умирают.
 Поэт уйдет, покинет землю эту,
 Бессмертны лишь стихи — душа поэта.

Ушел от нас и Низами когда-то,
 Пять рек его, однако, чтим мы свято,
 И ныне полноводны эти реки —
 Неиссякаемы они вовеки!

С красавицей Аму их волны схожи,
 Их капли — жемчугов любых дороже,
 Подлунный мир украсив, реки эти
 Привольно растеклись по всей планете

Пусть умер Низами, но, не увянув,
 Пять рек его сияют — пять дастанов.
 Его слова — соцветие вселенной,
 Им вечно в мире жить, они — нетленны.

Учись у Низами — и для народа
 Создай поток, чьи воды слаще меда.
 У Пушкина учись! Лишь труд упорный
 Воздвигнет памятник нерукотворный.

Дали Назбергенов

(1913-1942)

САУЛЕ

Спелый хлопок белеет вокруг.
 Сбор его — это праздник полей.
 Даже самых проворных подруг
 Обгоняешь ты, Сауле.

Хоть в бригаде звено не одно
 И повсюду работа кипит,
 Но твое, как и прежде, звено
 Впереди других, Сауле.

Ни пушинки теперь не теряй —
И пушинка добыта трудом!
Небывало большой урожай
Собираешь ты, Сауле.

Посмотри, в высоту и в длину
Вырастают хирманы кругом.
Белым золотом нашу страну
Одаряешь ты, Сауле.

Труд не легок, но сердце поет,
Каждый миг у тебя на счету,
И красуется фото твое
На Почетной доске, Сауле.

Ты проходишь стройна, молода,
Капли пота на смуглом челе...
Говорят, что Героем Труда
Скоро станешь ты, Сауле!

ПЕСНЯ, БУДЬ ТАКОЮ!

Песнь моя, над всей землей пари
И моих собратьев озари
Светом пламенеющей зари, —
Песня, песня, вечно будь такою!

А того, кто сердцем очерствел,
Оживи для вдохновенных дел,
Созиданье — светлый наш удел,
Песня, песня, вечно будь такою!

Пусть умолкнет враг, оцепенев,
Слыша твой ликующий напев,
Твой правдивый, справедливый гнев, —
Песня, песня, вечно будь такою!

Радуйся, учи, работай, строй,

Земли подымай, каналы рой,
 Если втуне клад лежит — открой,
 Песня, песня, вечно будь такою!

Ничего мне для тебя не жаль,
 Лишь бы ты летела смело вдаль,
 Мир ковала, выплавляла сталь,
 Песня, песня, вечно будь такою!

Амет Шамуратов

(1912-1953)

ЛЮЦЕРНА

В полях колхозных сердце оживает,
 И сколько мыслей ветер навевает!
 Там, где Бесжап струится и сверкает,
 Я о люцерне у людей спросил.

Давно со мной был председатель дружен,
 Он перебрал немало слов-жемчужин:
 «Земле, — сказал он, — друг хороший нужен,
 Чтоб от земли же набираться сил.

Ее цветов атласные узоры
 В зной августовский улаждают взоры,
 Степные ими вытканы просторы,
 Как звездами — ночные небеса.

Колхоз трудился, рук не покладая,
 Чтоб сортовые семена Чимбая
 Послать в столицу из родного края, —
 И говорили люди: «Чудеса!»

Гляди же, друг мой: вот люцерна наша,
 С ней радостнее жизнь, полнее чаша,
 Земля и плодороднее и краше,

Богатство наше — эти семена.

Хирманы рисом доверху набиты,
И в будущее все пути открыты,
И сеют хлопок девушки-джигиты,
Когда приходит на поля весна!»

Сказал я: «Как прекрасны эти травы!
Прибавь же, друг, люцерне новой славы!»

ИЗ АЛЬБОМА

* * *

Тот человек красив, чей славен труд,
Чей ум и сердце крепнут год от года.
В труде и радость и мечта живут,
И он нетленен в памяти народа.

* * *

Что ярче, чем цветок благоуханный,
Ценней, чем жемчуг, поднятый со дна?..
Ты ищешь путь к земле обетованной?
Ее зовут — Советская страна.

* * *

«Что сон — что смерть!» — вот истина пустая.
Ты спишь, уйдя от всех забот и бед,
А в этот час, как птиц весенних стая,
Уже твой новый близится рассвет.

* * *

Я скорости экспресса поразился —
Так иноходцы знаний вдаль летят.
Тот жизнью насладился, кто трудился:
Он шел по жизни, как сквозь майский сад.

* * *

Живу несуетливо, не спеша,
 Таскаю летом зимнюю одежду...
 Но гонится за знаньями душа,
 Чтоб истребить в себе самом невежду.

* * *

Кто учен, тот море жизни покорит,
 Тот в саду гранат отыщет самый спелый.
 Изберет дорогу радости джигит,
 Цель из виду не упустит беркут смелый.

—

* * *

Ранним утром я вышел на берег реки.
 Белый хлопок созрел, и поля широки.
 Гул труда на полях. Ярко солнце встает,
 И любимая с песней машину ведет.

Я машу ей рукой. Поздравляю подруг,
 И они собрались, словно розы, вокруг.
 Посмотрел я на них, заиграла душа,
 А Жамал, что скрывать, как никто, хороша!

Новый фартук на ней нежной ваты белей,
 Обжигают глаза из-под черных бровей.
 И сказала она: «Мы управимся в срок.
 Это знамя назад не получишь, дружок!...»

Рассмеялись подруги ее от души.
 До чего ж озорны! До чего ж хороши!
 «Не печалься, дружок. До свиданья, джигит!...»
 В голосах их задорных насмешка звенит.

А глаза как огонь из-под черных бровей:
 «Не поспеешь, джигит, за бригадой моей
 Посмотрел я вокруг и упрямо сказал:
 «Что ж, посмотрим, Жамал...
 Что ж, поспорим, Жамал!..»

РОДНОЙ ЯЗЫК

Друзья, нас всех объединил язык!
 Он выражает мысль и чувство наше,
 Как песня, звучен, как земля, велик, —
 Что может быть родней его и краше?

Он сладок, словно самый чистый мед,
 Он, словно соловей, сердца тревожит,
 И все, что в нас невидимо растет,
 Лишь он один цветами сделать может.

Кто мудр и честен, зорок и правдив,
 Тот рассыпает жемчуг слов при встрече.
 Все: одаренность, воля, страсть, порыв —
 Переплелось в искусстве нашей речи.

Есть поговорка старая у нас:
 «Ум в молодости золота дороже».
 И впрямь, друзья: на жемчуг, на алмаз,
 На золото слова людей похожи.

Науруз Жапаков

(Род. в 1914 г.)

АМУ-ДАРЬЯ

Стою на берегу Аму-Дарьи.
 Какая красота и ширь какая!
 Бегут валы гремучие твои,
 Как жеребята в табуне, играя.

Вон там волна взбегает на волну,
Иль то игру в кокмар⁴¹ ведут на тое?
Водовороты роют глубину,
Кипя, как чаши, пеною густою.

Как смех девичий, плеск бегущих вод,
Как нежный смех — журчанье струй целебных...
Стремятся волны, словно хоровод
Красавиц в древних повестях волшебных.

Бросает в дрожь, как песня «Дембермес»,
Прибоя твоего напевный голос,
А под ночной луной твой шум и плеск,
Как спелой нивы шелестящий колос.

Издревле, может быть, родней всего
Душе твой шум немолчный, беспокойный.
Ты — благодать народа моего,
Душа живая ты равнины знойной.

В пустыне желтой ясным летним днем,
Как птичья стая, рябь твоя порхает.
Кто глянет на тебя — каким огнем
В зрачках янтарный отсвет твой блистает!

Аму-Дарья, для нас как солнце ты!
Как жизни цвет и блеск без солнца стынет,
Ни жизни без тебя, ни красоты,
И без тебя бы край мой стал пустыней.

Подобной меду, сладостной водой
Извечно ты питаешь нашу землю.
О мать Аму, я, вскормленный тобой,
Твои объятья радостно приемлю!

---

⁴¹ К о к м а р — козлодрание (народное состязание).

В деяниях великого труда
 Служи щедрей отчизне год за годом.
 ... Люблю смотреть, как движутся суда
 По золотым твоим тяжелым водам.

Гость, приходи, на хлопок наш взгляни!
 Зайди в сады — их сладость знаменита!
 Благоуханье дынь из Бируни
 В дни сентября по всей земле разлито.

Я счастлив видеть вновь тебя, Аму!
 Пой песню мне! Живой водой мне брызни!..
 Даешь ты силу сердцу моему,
 И веру в счастье, и надежду в жизни.

Как Волга льется в древнюю Хвалынь,
 Так ты в Арал впадаешь, мы — соседи.
 Моя Аму, вослед за Волгой хлынь!
 Вы — две сестры. Ваш путь один — к победе.

ЯБЛОКО

Созрело яблоко в саду —
 Наверно, сладкое на вкус.
 К нему поближе подойду —
 И все равно не дотянусь.

Оно в густой тени ветвей
 Пленяет красотой взор.
 И сердце из груди моей,
 Как птица, рвется на простор.

Вот так и ты, любовь моя,
 Как яблоко в тени густой:
 Тебя обнять не смею я,
 Хотя стремлюсь к тебе душой.

Хочу, чтоб слить и ты могла

С моей мечтой свою мечту
И чтоб любовь у нас была
Всегда, как яблоня в цвету.

ЦВЕТОК

На берегу реки Аму
Он радостно цветет,
И сердце тянется к нему
Уже не первый год.

Цветку не страшен летний зной,
Не страшен холод зим,
И расцветаю я душой,
Когда встречаюсь с ним.

Он украшает жизнь мою,
Он с каждым днем милей,
Я от него не утаю
Мечты, любви своей.

Цвети, цветок любимый мой,
Моя невеста-друг, —
Не бойся ни жары степной,
Ни холода разлук!

У ПАМЯТНИКА ПУШКИНУ

На встречу с тобою, бессмертным поэтом,
По дальней дороге пришел я с приветом, —
Прими мой сердечный привет!
Волненья души в этот час я не скрою, —
Вот, словно живой, ты стоишь предо мною,
Любимый мой с детства поэт!

Могучий, рожден ты народом могучим,
Ты песней бессмертною с ним неразлучен,
В сердцах твоя песня живет.

Со всеми народами нашей державы
 Поэт эту песню немеркнувшей славы
 И в наших аулах народ.

И прежде, в дни горькой неволи постылой,
 Знал имя твое, твою гордую силу
 Народ, погруженный во мрак...
 Но только не мог он прочесть твои строки —
 Голодный, униженный ханом жестоким,
 Неграмотный каракалпак.

А ныне в оазисах самых далеких
 Твои золотые, певучие строки,
 Как ясные звезды, зажглись.
 Творенья твои донесли в наши дали,
 И нашим бесценным сокровищем стали,
 И с речью народа слились.

Поэт, ты как друг к нам пришел из России
 В сады молодые, в просторы степные,
 К Аму — многоструйной реке.
 Навек породнился ты с солнечным краем,
 И ныне поэмы твои мы читаем
 На нашем родном языке.

Байнияз Каипназаров

(Род. в 1916 г.)

ЧЕЛОВЕК

Там, где землю извечным пленом
 Душат медленные пески,
 Человек пошел в наступленье,
 Приказал пустыне: «Пусти!»
 Солнце жгло его: «Не посмеете!»
 Ветер яростно кожу сек,
 И пески по несметной смете

Отпускали ему песок.
 Но под тем беспощадным светом,
 Ткань сжигающим добела,
 Крепче солнца, песка и ветра
 Человечья воля была.
 И под царством песков постылым,
 О победе нашей трубя,
 Перерезала ширь пустыни,
 Как стрела, прямая труба.
 И потек по ней щедрой данью
 Наш горючий природный газ,
 Чтобы в дальней российской дали
 Голубой его жар не гас...
 Ты прекрасна, моя эпоха!
 Все, что делаешь ты, — навек.
 Мир и вправду был создан богом...
 Только этот бог — Человек!

МАТЬ

Извечна матери любовь и постоянна.
 Своей отзывчивости к ней мы не таим.
 Прими цветы из цветников всей жизни, мама,
 Тебя спешу поздравить
 С праздником твоим.
 В словах к тебе не опасаясь повторений, —
 В который раз мы на поклон к тебе пришли.
 От всех сердец к тебе —
 поток благодарений,
 И волны почестей — со всех концов земли.
 Мы в эти дни дела свои итожим,
 Как рада ты за дочерей и сыновей.
 Всем, чем сильны,
                                 всем, что умеем,
   всем, что можем,
 Обязаны мы доброте твоей.
 Для всех для нас, тобой рожденных и счастливых,
 Нет никого родней тебя, родная мать.

Весь мир земной в его лучистых переливах
 В глазах твоих мы начинаем понимать.
 И, молоком твоим захлебываясь радостно,
 Лбом упираясь в ласковую грудь,
 Мы -
         твои будущие горести и празднества —
 По жизни начинали верный путь.
 На все года твоя любовь нас окрыляла,
 Все в сборе мы перед тобой сейчас стоим.
 Цветов всей жизни для родимой будет мало,
 Тебя спешим поздравить
 С праздником твоим.

ГОРЬКОМУ

Буревестник, быстроскрылый сокол,
 Ты в борьбе всегда бесстрашным был,
 Над ее бушующим потоком
 С гордой песней высоко парил.

И, услышав твой призыв к народу,
 Разгорелись смелые сердца,
 И клялись за правду и свободу
 С тьмой и злом сражаться до конца.

Ты звездой вечно молодою
 Будешь в поколениях сиять.
 Как друзья, всегда в пути со мною —
 «Буревестник», «Детство», «В людях», «Мать».

Мне они открыли тайны жизни,
 Вывели на путь меня большой,
 Ты — певец и воин коммунизма,
 Я всегда советуюсь с тобой.

ДАУГАВЕ*(Из цикла «На берегах Балтики»)*

Ах, Даугава! Березовые рощи...
 А я вот говорил и говорю,
 Что мне всего понятнее и проще
 С тобой сравнить свою Аму-Дарью.

Тебя любил когда-то мудрый Райнис,
 Но голос твой теперь и я постиг,
 Пусть ветер твой, зари твоей румянец
 Воспламенит мой вдохновенный стих.

На берегах твоих — Аму мне снится,
 Не нагляжусь я на балтийский вал,
 Но стоит мне чуть-чуть сомкнуть ресницы —
 Глазам и сердцу видится Арал!

Ты, Даугава, даришь мне наслажденье
 И вдохновенье сердцу моему, —
 Я шлю тебе от сердца приглашенье:
 В моем краю впадать в мою Аму!

ДУБ

Сорок третий...
 Окопы...
 Ненастье...
 Третий год с ненавистным врагом
 За отчизну,
 За мирное счастье
 Мы смертельную схватку ведем.

Снова враг,
 Не считаясь с уроном,
 Атакуют десятками рот,
 Но, живые,
 Мы тверже бетона,

Наши помыслы —
Только вперед!

Словно воин,
Застыл в отдаленье
Дуб,
Истерзанный шквалом огня,
Он глядел на фашистов с презреньем,
Вековое молчанье храня.

Вгрызшись в землю корнями,
Ни шагу
Отступить не желал он назад.
В нем —
Присущая русским отвага,
В нем —
Упорство советских солдат.

Он стоял —
Величавый и гордый,
Он бороться решил до конца...
Мы стояли
Не менее твердо
Под неистовым градом свинца.

Но горячая капля металла
На исходе осеннего дня
Суковатую ветвь искромсала
И настигла под дубом меня.

Медсестра,
Белокурая Зоя,
Отгатила меня в медсанбат...
Но остался,
Не вышел из строя
Старый дуб —
Непреклонный солдат.

* * *

Отгремела гроза боевая,
 Снова степи весной расцвели...
 Как-то,
 Место боев проезжая,
 Я увидел гиганта вдали.

Не узнал я сначала героя:
 Пышногрудый,
 Разросшийся вширь,
 Красовался он буйной листвою,
 Будто не был в боях богатырь.

Но рубцы
 От свинца и картечи,
 Чуть заплывшие свежей корой,
 Мне напомнили сразу
 О встрече
 С молодой белокурой сестрой.

И внезапно воскресло былое:
 Жаркий бой откатившихся лет...
 «Где теперь ты, Отважная Зоя?
 Где сыскать
 Твой затерянный след?..»

И весенний Откликнулся ветер:
 «Боевая подруга жива!..»
 «Не забыла!..» —
 Кивнули мне ветви,
 «Встречи ждет!..» —
 Прошептала трава.

Жолдас Сейтназаров

(Род. в 1918 г.)

ВЕСНА И Я

Пришла весна, проснулась жизнь в оттаявшей земле,
Сажать я вышел новый сад, в передрагсветной мгле
Разносят ветры над землей весенний, звонкий зов,
В руках я саженцы принес плодовых деревцов.
Весна потоки разлила животворящих сил,
Любовно землю я взрыхлил и воду в сад пустил,
И дружно саженцы растут, шумя все веселей,
И к небу тянут сотни рук — доверчивых ветвей.
С весной — сообщницей моей — я вырастил цветы,
Чтоб стало больше на земле надежды, красоты,
И вот лучистою зарей среди густых ветвей
Запел, защелкал в первый раз волшебник соловей.
Весна и я! У нас в руках — источники чудес:
Растет мой сад, цветет мой сад под синевой небес,
И буду я вознагражден за все мои труды,
Когда народу передам созревшие плоды.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ

(Басня)

Был солнечный полдень,
Когда из гнилого дупла
Летучая вылезла мышь — на прогулку пошла,
Но сразу же, ярким сиянием ослеплена,
Беспомощно вскрикнув, свалилась на землю она.
Свалилась, ушиблась —
В пыли придорожной лежит,
В тоске озираясь, от боли и злобы дрожит.
Заметил несчастную голубь,
Над ней закружил,
Окликнул приветливо, помощь свою предложил.

Не только слепа,
 Но к тому же спесива и зла
 Летучая мышь от рождения, видно, была.
 «Отстань от меня! —
 Закричала летучая мышь. —
 Мне помощь твоя не нужна, ты со мною хитришь!
 Я слышала:
 Всюду тебя воспевают народ,
 Но тот, кто летает не ночью, а лишь среди дня,
 Такой похвалы недостоин...
 Отстань от меня!»
 Обиделся голубь:
 «Недаром живешь ты в дупле!
 Народ ошибаться не может в своей похвале,
 А ты не гордись,
 Что умеешь летать в темноте,
 Кто света боится, тому не парить в высоте!»

МАТЬ

В бороде отца седые пряди,
 В материнских косах — серебро,
 Но ее глаза, на сына глядя,
 Излучают нежность и добро.

И глядит она с такой любовью,
 Так заботлив и тревожен взор,
 Так болеет за судьбу сыновью,
 Будто я ребенок до сих пор!

Увидав, как мать меня целует,
 Дочь соседа бросила шутя:
 «Вашу нежность что-то не пойму я...
 Разве он у вас еще дитя?»

«Не шути, соседка дорогая,
 Мать родная даст ответ верней!..»
 Так я понял: даже вырастая,

Дети мы для наших матерей.

Вечер... Задержавшись по дороге,
Мне пришлось с работы запоздать,
И в тревоге, стоя на пороге,
Ждет меня, как маленького, мать.

МОЙ ЗАЙЧОНОК
(Из книги для детей)

Шустрый маленький зайчонок
Весь дрожит,
Тени собственной боится —
Прочь бежит.

Вот он скачет по лужайке,
Хвост — пушок,
Вот игриво спинку выгнул —
И вприскок.

То устанет, в травку ляжет,
Как дитя,
То скакать начнет, играя
И шутя.

То торчком поставит уши
Для красы,
Как иголочки, тонки
Его усы.

Шубки — хлопок белоснежный
У зайчат,
Глазки быстрые, живые,
Но косят.

Чуть тревога — притаится
И замрет,
А потом поспешно в норку

Прошмыгнет.

Но ко мне уже привык он:
 Целый год
 У моей ограды в норке
 Он живет

Каждый день его встречаю,
 С ним дружу,
 Каждый день ему морковку
 Приношу.

Хожабек Сеитов

(Род. в 1917 г.)

ОКТАБРЬСКИЕ ЗОРИ

Когда с октябрьскою зарею
 Над исстрадавшейся землею
 Свободы ураган подул,
 У очага, ночной порою,
 Я в первый раз на мир взглянул.

Отец рассказывал потом,
 Как мать с улыбкой прошептала:
 — Счастливый сын! —
 И в юрте стало
 Светлей, чем в небе голубом.

В степи, шумя, бродила осень,
 А надо мной, в родных глазах,
 Слились две радости, отбросив
 Перед грядущим темный страх.

О счастье мать мне напевала,
 И звуки нежные лились...
 В мгновенья эти начинала

Она свою вторую жизнь.

ПОЛИВАЛЬЩИК

Звенит арык струею смелой,
И поливальщик босиком
Стоит над ним в рубахе белой,
Слегка надутой ветерком.

Кругом родимое раздолье,
Его на свете лучше нет!
Бороздки узкие вдоль поля
Уходят в розовый рассвет.

На горизонте, в зное зыбком,
Машина пронеслась, пыля...
Ему доверчиво, с улыбкой
Как будто говорит земля:

«Дай мне воды, и ты получишь —
Я слову своему верна —
И хлопок в мире самый лучший,
И полные мешки зерна».

Он улыбнулся: «Пей, родная
И от удара кетменя
Вода, бороздки заполняя,
Пошла, искрясь, на зеленя.

МАРСОВО ПОЛЕ

(Из цикла «Светлый город»)

Горя огоньками цветов,
С ветрами балтийскими споря,
Лежит в окруженье садов
Огромное Марсово поле.

А в центре — высокой стеной

Воздвиглись гранитные плиты.
Под ними на вечный покой
Герои народа зарыты.

Свобода их в битву вела,
Чтоб кончить с бедой вековой,
И царского сбили орла
Они трудовой рукою.

Стою я, молчанье храня,
Объятый волнением строгим,
А с камня глядят на меня
О славе поющие строки.

РОДИНА

Я за любое принимаюсь дело
С горячим сердцем, вдохновенно, смело.

Не потому ль, что в утра час обычный
Ты предо мной встаешь во всем величье?

И мне видна в ликующей раскраске
Вся ширь твоя, могучая, как в сказке,

Где, с ветром налетающим играя,
Шумят леса от края и до края,

Где реки, набегая на плотины,
В кипенье крутят мощные турбины;

Где, поднимая плечи снеговые,
Глядят на нивы горы голубые,

Каналы входят в желтизну пустыни,
Чтобы пустыня зацвела отныне,

А море, не согласное с покоем,

Летит на берег яростным прибоем...

Я вижу все, что есть у нас, что будет, —
Творят повсюду и дерзают люди!

Пусть у меня задание не простое —
Другим сейчас трудней, быть может, вдвое.

С такою мыслью и они, я верю,
В рабочий день распахивают двери.

Марьям Касымова

(Род. в 1917 г.)

С НАМИ ОН!

Ленин никогда не умирал,
Он родней нам, ближе год от года.
Как ковшом не вычерпать Арал,
Так бессильна смерть перед народом.
А Ильич у каждого в груди,
В каждом сердце,
В думе сокровенной.
С нами он,
Куда ни погляди,
Близкий, человечный, неизменный.
С нами он!
И помогает нам
Мудрыми советами своими.
И несет на знамени страна
Солнечное ленинское имя.
С нами он,
И жизнь его светла,
Путь его и радостен и труден.
Самые великие дела
Называют ленинскими люди.
Ленин жив!

Я верю всей душой:
 С нами жить ему века — не годы,
 Нет, морей не вычерпать ковшом!
 Да, бессильна смерть перед народом

ПИСЬМО ПОГРАНИЧНИКУ

Там, где вьется граница тесьмой,
 То поток рассекая, то кряж,
 Из родного аула письмо
 Получил пограничник Бабаш.
 Получил, почерк милой узнал,
 И вздохнул, и припомнил тогда:
 Кыз-Кеткен — полноводный канал,
 Серебром отливает джида.
 Серебро... Звезд пленительный свет
 Свел на нет полуночную тьму...
 Вскрыл боец осторожно конверт, —
 Что же пишет родная ему?
 И увидел знакомый портрет
 На газетном чуть смятом листе,
 Подпись четкая:

«Мастер побед», —

Гимн ее трудовой красоте.
 И солдат засмеялся легко,
 Стала ласковой глаз его сталь,
 Пишет милая: «Ты далеко,
 Но любви не страшна эта даль.
 Будь спокоен... Страну береги,
 Как беречь поклялась я любовь,
 Чтобы злейшие наши враги
 На страну не обрушились вновь.
 Верю, атомной бомбе не выть,
 Наши судьбы на части не рвать.
 Будем хлопок рекордный растить
 И веселые свадьбы справлять!..»
 И солдат тихо молвил тогда: —
 Мы границы одели в броню.

Если все же нагрянет беда —
Уничтожим ее на корню!

Тлеуберген Жумамуратов

(Род. в 1915 г.)

ВЫСОКИЙ ПЕРЕВАЛ

(Из лирики моей жизни)

Мир — необъятный океан. Немало бурь и бед
Мне в нем изведать довелось, — а берега все нет!
Но вот большого рубежа достиг я по пути:
Перешагнул через порог пятидесяти лет.

Увы, не все друзья смогли дожить до этих дней —
В пути погибли, не успев достичь мечты своей...
Зато теперь, когда к луне уже взлетаем мы,
Такой чудесной стала жизнь, что жаль расстаться с ней!

Хочу я, чтоб мой каждый день был прочным кирпичом,
Ведь строим будущее мы — огромный, светлый дом.
«Итак, мне ровно пятьдесят!» — сегодня говорю,
Как будто цифру вижу я на знаке путевом.

Конечно, счастлив, кто взойдет на этот перевал —
Услышишь много в этот день торжественных похвал.
Полвека с честью провожу, а завтра — снова в путь:
В шестой десяток я шагну, где раньше не бывал.

Печаль и радость — близнецы. И вижу все ясней,
Что каждый из прожитых мной неповторимых дней
Как будто вырывает гвоздь из тела моего, —
Все меньше, чувствую, во мне становится гвоздей.

Когда вперед бросаю взор — на будущий простор,
Когда я вижу вдалеке громады новых гор,
Невольно с юностью хочу года свои сравнить,

Как будто с прошлым завожу безмолвный разговор.

Вернуться бы хотелось мне к мальчишеским годам.
 Но нет, на молодость в обмен я старость не отдам!
 Такие беды мне пришлось с младенчества познать,
 Какие впору пережить лишь дряхлым старикам.

Я бережно считаю дни — любой из них мне жаль.
 Бездонна память, все хранит: и радость и печаль,
 Хочу я смело оглядеть широкий, вольный мир,
 Но пыль зловещая встает, затмив степную даль.

За шиворот схватила смерть несчастного отца,
 У ложа я его сидел до самого конца,
 И вот отец уже в земле... Так с отроческих лет
 Осиротел я, — стал похож на жалкого птенца.

В отчаянье согнулась мать, как сломанный цветок.
 Не просыхает вдовьих слез горячий ручеек...
 Еще шестнадцати мне нет, а без отца живу, —
 Шестнадцать лет, шестнадцать звезд затоптаны в песок.

Мать стала сохнуть — будто Тлел огонь в ее груди,
 Окутал нашу юрту мрак, — что ждет нас впереди?..
 В ненастной тьме, под свист пурги, в слезах молилась мать:
 «Лишь об одном прошу, аллах, — сыночка пощади!..»

Не мог в те годы я понять, как тяжело ей одной,
 Трудилась за двоих она и летом и зимой.
 «Наверно, кости у тебя стальными были, мать!» —
 Так, вспоминая жизнь ее, я думаю порой.

Бывало, только улыбнусь — и счастлива она,
 А захвораю — как стрелой, тревогой пронзена,
 На людях сдержанна, строга, скрывает скорбь свою,
 Но слезы льет, едва опять останется одна.

Щедра была ее душа — щедрей, чем у иных,

И если б не она, друзья, не быть бы мне в живых,
 Тащился по сугробам я и трясся у костра,
 А ноги были в волдырях и язвах кровавых.

Все я познал: тоску и боль, обиды жгучий яд,
 Легко погибнуть мог бы я, жестокой бурей смят,
 Но двери предо мной раскрыл, отца мне заменил
 По мудрой воле Ильича открытый интернат.

Там я увидел в первый раз, что значит коммунист,
 Мир для меня до той поры был сумрачен и мглист,
 А он мне книгу в руки дал, врата наук раскрыл,
 И сразу стала даль светла, а разум смел и чист.

Как вешний ветер, жизнь неслась, — я крепнул и мужал,
 Джигитом закаленным стал, отцом семейства стал,
 Упорно шел вперед, — и вот возник передо мной
 Моих пятидесяти лег высокий перевал.

Неуловимо, словно сон, уходит время вспять,
 Идут года, — вторично их уже не повидать-
 Случались горестные дни, но и такие дни,
 Что половину жизни всей не жаль за них отдать.

Когда я вижу, как детей целует мать с утра,
 Как весело у светлых школ резвится детвора,
 Припоминаю я свою сиротскую судьбу
 И радуюсь: пришла в мой край счастливая пора!

Я рос несчастным сиротой... А ныне мой народ
 Меня давно своим певцом с почтением зовет.
 О светлый, справедливый век! О родина моя, —
 Счастливым домом стала ты, где больше нет сирот!

Когда бы не был я, как сын, родной страной любим,
 Могла ли ввысь моя судьба взлететь орлом степным?
 Лишь об одном жалею я: до этих славных дней,
 Увы, дожить не довелось родителям моим.

Спасибо Партии, чей свет всегда во мне горит, —
В объятьях родины моей никто не позабыт!
И даже умерший давно великий наш
Бердах Шагает с нами в светлый мир, могуч и знаменит.

Хочу, чтоб принял мой народ все, что в тиши творю,
Из глубины моей души его благодарю,
Его вниманье и хвала даруют крылья мне,
И я на них еще не раз высоко воспарю.

Глашатаем народным став, хочу страну воспеть,
Где людям больше не грозят ни кандалы, ни плеть.
Народ — безбрежный океан, и средь могучих волн
Быть каплей чистой я хочу, чтоб радостно блеснуть.

Прекрасен лебедь, если он по озеру плывет,
Прекрасен старец, если он смог заслужить почет,
Но я хлеб-соль родной страны еще не оправдал,
Мой долг огромный перед ней день ото дня растет.

Любовь народа, что в меня вдохнула столько сил,
Я с материнским молоком и то бы не сравнил, —
Так много радости людской струится в сердце мне,
Что сохраню и к ста годам свой вдохновенный пыл.

Пусть даже тысячу годов прожить мне суждено,
Но жить без сверстников своих не стану все равно, —
Какая радость в мире жить без дорогих друзей?
Уж лучше мне в могилу лечь с друзьями заодно!

Да, если в этом мире жить, то лишь среди друзей,
С детьми и внуками, с женой любимой своей.
Я с поколением моим расстаться не хочу —
Хочу увидеть вместе с ним зарю грядущих дней.

О наша Партия — исток свободы и весны!
Высоко крылья вознеслись родной моей страны!

О наша Партия — исток немеркнущих идей,
 Вся жизнь моя и все труды тобой озарены!

Мне пятьдесят... Но разве я устал иль изнемог?
 Ведь ива до ста лет живет, — и я бы тоже смог!
 Трудов немало впереди, горит задор в груди,
 Нет, рано мне еще стареть и подводить итог.

ВСТРЕЧА

(Баллада о бойцах)

Она взглянула на меня пытливо,
 И будто молнией меня прожгло,
 Ее глаза жемчужного отлива
 Мне подарили ласку и тепло.

— Да вы ли это? — Врач взяла путевку. —
 Какой попутный ветер вас занес? —
 Я был смущен, мне стало вдруг неловко:
 Ко мне ли обращен ее вопрос?

В Крыму не доводилось быть мне ране,
 Я этих гор не видел никогда.
 Но этот голос! Он мне сердце ранил
 И воскресил минувшие года.

Ужель и впрямь я мог забыть такое?..
 Знакомый лоб, крутых бровей разбег...
 Она — мое далекое былое,
 Она — мне самый близкий человек.

И мысли хлынули неудержимо,
 Преодолев нелегкий перевал.
 В объятьях солнца ласкового
 Крыма Я книгу памяти перелистал.

В 1943 году...

Мороз крепчал. В лицо мела поземка,
А мы с боями двигались вперед.
Весь наш багаж — солдатская котомка
Да все, что сокрушает, режет, бьет.

В оврагах, балках — враг, везде засады,
Немилосердно косит смерть друзей,
Она — кругом, она гуляет рядом,
Дрожит земля от вражьих батарей.

Нас в клещи взять пытаются фашисты:
То справа бой, то слева их прорыв,
Порой их натиск яростно неистов,
Но не иссяк наш воинский порыв.

Свинцовый шквал. Редуют наши роты.
Опять укрылся враг за высотой,
Он пятится под натиском пехоты,
И с новой силой нарастает бой.

Шестые сутки рвемся мы на Запад,
Выходим к лесу на исходе дня,
И здесь под взметом вражеского залпа
Шальной осколок отыскал меня.

В ушах как будто загудели трубы,
Земля качнулась, грузно напоззла,
Беззвучно прошептали что-то губы,
А дальше — холод, забытье и мгла.

Но вот опять затеплилось сознание,
Я смутно ощутил земную твердь...
Кольнула мысль до слез, до содроганья:
«Ну вот, и за тобой явилась смерть».

Потом рождался бред тягучей нитью,
Меня несли... Хотел я крикнуть:

«Стой! Я жив еще, в могилу не кладите!..»
Но рот сковало тяжелой немотой.

И снова бред. Запасы сил иссякли.
Теперь уже не страшен я врагу.
А кровь моя, стекавшая по капле,
Зловеще остывала на снегу.

Меня опять несут... Чужие плечи...
Несут с трудом, согнувшись, на спине.
Пусть тяжело ранен я, пусть покалечен,
Но жить и только жить хотелось мне.

В овраг спустились, сразу тихо стало,
Не рыщет больше смерть над головой.
Лишь кто-то дышит хрипло и устало,
Неся меня заснеженной тропой.

Меня кладут на розвальни... Укрыли...
С трудом приподнимаю тяжесть век.
Передо мной солдат. Скажи, не ты ли
Спаситель мой, хороший человек?

Быть может, я в горячечном угаре?
Иль снова начался нелепый бред?
Передо мною — девушка, не парень,
Красавица, каких не видел свет.

На ней ушанка, белая дубленка —
Молоденькой красавице под стать.
Мне стало жалко милого ребенка, —
Учиться бы такой, не воевать...

Когда язык мне снова стал послушен,
Я санитарку стал благодарить,
Но девушка сказала мне: —
Послушай, Тебе нельзя так много говорить.

Мы отомстим разбойникам за раны,
За боль и кровь, за слезы матерей,
За тех, что никогда уже не встанут
И не обнимут близких и друзей.

Не унывай, лечись и будь спокоен,
Настанет срок — и рана заживет,
Крепись, дружок, ты мужественный воин,
Ты заслужил и славу и почет!

Она взялась за врачеванье рьяно,
И отступила смерть, сощурясь зло,
Легла повязка белая на рану,
И стало вдруг спокойно и тепло.

Нет, не забыть мне, как морозной ранью
Лесной тропой, которой нет конца,
За девушкой, скрипя, тащились сани,
Как пот стекал с усталого лица.

Оксаной звали девушку, Оксаной...
Мороз по-прежнему был зол и лют.
Она везла меня дорогой санной
Куда-то в тыл, в санбатовский уют.

Я девушке сказал: — Меня спасла ты,
Ты тоже пулям подставляла грудь,
Но вынесла из-под огня солдата, —
Так пусть же счастье озарит твой путь!

Прошу тебя, возьми на память это,
В честь нашей дружбы, в честь твоей красоты,
Стихи, стихи должны дарить поэты!
Но я пока дарю тебе часы.

Не откажись... Сейчас бы мне хотелось
Воспеть тебя, но... выпало перо.
Я за твое бесстрашие, за смелость

Тебе отдал бы все свое добро!..

— Солдат, подругу строго не суди ты,
Мне все богатство мира ни к чему.
Вот родину очистим от бандитов,
Тогда подарок, может быть, приму.

Носи, дружок, часы себе на благо,
Ты отдарить меня, я знаю, рад.
Ценю не дар, а щедрость и отвагу,
А ими ты, я видела, богат.

Я родилась в Каховке. Там руины...
Но ты изгнал из города врага.
Хвала тебе, защитник Украины!
Мне жизнь твоя стократно дорога!

* * *

Я тронут был ее горячей речью...
Позднее разлучила нас война.
И вдруг — возможно ли! — такая встреча!
Оксана! Врач! Воистину она!

Я гнал врага, избавясь от недуга,
Я был в Берлине — в логове зверья,
И нашим верным боевым подругам
Немало посвятил сонетов я.

Одну из них — по имени Оксана —
Я прославлял и буду прославлять.
Я знал всегда, что поздно или рано
О ней каракалпаки будут знать.

Я не узнал ее? Прости, читатель.
Ведь мы расстались много лет назад.
А я поэт и, стало быть, мечтатель,

К тому ж теперь на ней иной наряд.

И все же мне за этот промах больно,
И я свою забывчивость виню.
Сказала мне Оксана сердобольно: —
Ну что ж, поэт, тобою я довольна,
Твои стихи я бережно храню.

ХЛОПОК

Хлопкоробам Узбекистана

О хлопок! Ты гордость узбека и слава!
Ты — мир на земле, идеал чистоты,
Тобой мы, красавец, гордимся по праву,
Во всех наших думах и помыслах ты.
Твоя чистота белоснежна, кристальна,
Лебяжьим крылам не сравниться с тобой;
По нашей земле ты идешь триумфально,
Рожденный лобзаньями солнца с землей.
О хлопок! Для шара земного ты чудо!
Немыслимо людям без хлопка в быту.
Не стал человек человеком, покуда
Под ласковым хлопком не скрыл наготу.
Пернатые в перья рядятся от века,
Владыкам животных положен наряд.
Одежда — услада для глаз человека,
Красивой одеждой народ наш богат.
Чем выше, пышней белоснежные горы,
Тем краше и солнечней жизнь на земле.
Найдется ли в жизни дехканин, который
Приветствует друга без яств на столе!
Когда к нам фашисты ворваться дерзнули
И бросили вызов отчизне моей,
Наш хлопок стал верным помощником пули
Везде настигал и разил палачей.
Недаром же назван ты «золотом белым»,
Дороже парчи твой взлелеянный грамм;

Подвластный рукам мускулистым, умелым,
Несешь ты богатство несметное нам.
Лишь тот, кто стремится к намеченной цели
Способен к намеченной цели прийти.
О братья узбеки, вы с честью сумели
Преграды смести на нелегком пути.
Батыры Ташкента, Нукуса, Ургенча
Взнуздали коней, поднимая весь край,
Чтоб общей победой в боях был увенчан
Поход за невиданный здесь урожай.
И ринулись люди в поля, как в атаку,
Про отдых и сон забывая порой.
Я тоже от имени каракалпаков
Пошел в этот славный, неистовый бой.
Пошла в наступленье стихия каналов,
Пошли рисоводы, пошли рыбаки...
Такого республика наша не знала.
Привет вам, узбеки, мои земляки!
Шагали мы с вами по-братски, бок о бок, —
В упорном бою отставать ни к чему! —
Гигантское сердце республики — хлопок!
Ему отдавали мы щедрость Аму.
Мы знали: закончится подвиг ударный
И вырастут горы — белее, чем снег.
За «белое золото» мы благодарны
Тебе, бескорыстный учитель узбек.
В сердцах наших бился восторг созиданья,
Грядущая цель перед нами была.
Мы знали: напористость, воля, дерзанье
Способны всегда на большие дела.
Немало мы пролили жаркого пота.
Народ-богатырь — легендарный Рустам.
Мы двигались к цели, кипела работа,
В полях было тесно стальным скакунам.
Я славить героев полей не устану,
Их воля сильнее аральской волны.
Вам, мирные воины Узбекистана,
Чудесные руки природой даны.

Наш хлопок — отрада и слава узбека.
 Он дружбой республики наши спаял.
 На свете не сыщете вы человека,
 Который не знал бы о нем, не слышал.
 Текут по стране нашей белые реки,
 Народы приветствуют наших дехкан.
 Ты «золотом белым» прославил навеки
 Себя, героический Узбекистан!
 Смекалистый ум, сила рук, сила знания
 Нам выстоять в жаркой страде помогли...
 Отчизна, твое боевое задание
 Мы выполнили и к победе пришли.
 Ты, хлопок, могущество нашей державы!
 Ты факел дерзания и творческих сил.
 Венчаешь ты храбрых немеркнувшей славой,
 Ты орденом Ленина нас наградил.
 Пусть белыми реками хлопок струится,
 Он — счастье народа, его дастархан.
 Да здравствует брат мой, узбек смуглолицый
 Да здравствует солнечный Узбекистан!

ЛАДОНЬ

Друг друга тесня, беспорядочным роем
 Мне в голову ломаются тысячи тем.
 Не в силах связать их, желая покоя,
 Я бросил перо, безутешен и нем.

Прилеж отдохнуть, но и ночью не спится
 От пестрого хаоса зрелых идей.
 Идут предо мной земляки вереницей:
 «Зовешься поэтом — себя не жалеи!»

На свете разбросаны разные страны:
 Одни — расцветают, другие — во мгле,
 Есть реки, озера, моря, океаны,
 Хватает и гор и равнин на земле.

Везде побывал человек-непоседа,
 Достиг он и неба, и края земли,
 Нет тем, о которых бы стих не поведал,
 В дастаны и песни все думы вошли.

Скопируешь — в музыке толку не будет, —
 Уж если играть — вдохновенно, до мук,
 Напишешь фальшиво — читатель осудит,
 И рукопись ляжет недвижно в сундук.

В сундук не пишите, поэты-чистюли,
 Народ не приемлет стихи из сырца.
 Жемчужины слов — бронебойные пули,
 Они поражают умы и сердца.

. . . . .

Поддаться легко трескотне, дешевизне,
 Гранение слова дается не всем, —
 Ведь каждый побег расцветающей жизни —
 Богатый родник поэтических тем.

Капкан бесполезен у окон жилища-
 Ладонь у меня под щекою лежит...
 Художник взыскательный темы не ищет;
 Как зверь на ловца, чародейка бежит.

Науки и знанья ладонь породила.
 Хозяин земли — человек-исполин.
 Ладонь — это нежность, ладонь — это сила,
 Ладонь со стихией — один на один.

Проносится спутник земли дерзновенно —
 Ладонью зажжен его мощный огонь.
 Достиг человек океана вселенной —
 Творец этой были все та же ладонь.

Волна не рождается в тихом затоне,
Творит, созидает — великий накал.
И атомный лайнер возник из ладони,
Ладонь — это наше начало начал.

Ладонь оживляет скупые пустыни,
Ладонь — это наши жилища и труд.
Земные богатства, что созданы ныне,
От нашей ладони начало берут.

Младенцев качаем ладонями все мы,
Когда оставляют они нас без сна.
Поэт, если ты не нащупаешь темы,
Смотри на ладонь, не обманет она.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

1

Когда красавица твой ослепила взор,
Все терпишь от нее — мученье, боль, позор,
Но каждый, кто в себе любовь убить посмеет,
Бродячим мертвецом становится с тех пор.

2

Мерзавца подлый нрав захочешь ты узнать —
Хоть ненадолго власть ему попробуй дать:
Нос тотчас задерет, зазнайство-насморк схватит,
Чтоб вылечить, «укол» придется прописать.

3

Ты молодость свою не подвигом добыл, —
Любой из стариков младенцем тоже был.
Что ж юностью своей кичишься перед старцем
Или о собственном ты будущем забыл?

4

Мне скажут: ты глупец, — что ж, значит, я глупец,
Мне скажут: ты мудрец, — что ж, значит, я мудрец.

Твой строгий суд, народ, приму без возражений,
 Когда свой труд и жизнь закончу наконец.

СОНЕТЫ

1

Луне и звездам — дум не отогнать.
 Лежу, часами не сомкнув ресницы.
 День наступает светлый, и опять
 За мыслью мысль проходит вереницей.

Отзывчивые, добрые сердца
 Ясны мне, словно солнце в день погожий
 Весь мир познать желая до конца,
 Всезнайство почитаю сущей ложью.

Я по вселенной мысленно плыву,
 До Марса добираюсь и Венеры...
 Фантазия моя не знает меры.
 Мне снится то, чем грежу наяву.

Мечта подобна мощным крыльям птицы,
 Весь мир на этих крыльях поместится!

2

Коль огласится воздух львиным рыком —
 Переполох средь хищного зверья,
 Медведь и волк в смущении великом...
 А лев, увы, боится муравья!

Кто повредит слону, его здоровью,
 Коль дерево с корнями вырвет он?!
 Но если мышь куснет стопу слоновью,
 То по земле кататься станет слон!

Рабы, объединившись, сдвинув плечи,
 Низвергнут с трона грозного царя...
 Не тот могуч, кто мучил да калечил,

А тот, кто прожил жизнь, добро творя.

Ведь даже черви жалкие — и те
Порой страшат. А сила — в доброте!

3

— Тлеуберген, ты был такой пригожий!
Что ж ныне случилось? — Выцвел, полинял...
Чтоб седину весь мир увидел божий,
С меня шутник и шапку снял — нахал!..

Ну что ж! Цветы весенние — как пламя.
А в осень — красок им не сохранить.
Не вечна красота. Поймите сами,
В том некого и некому винить.

Судьба цветка — не длинная дорога.
Расцвел, созрел, увял... А смысл в одном:
Поникнув, он семян оставит много,
И по весне — опять цветы кругом.

Былую красоту, что тронул иней,
Вновь обретаю в дочери и в сыне.

Бабаш Исмаилов

(Род. в 1926 г.)

ДВЕ ЖИЗНИ ПОЭТА

Бердаху — певцу каракалпакской земли

Шагал поэт по земле родимой,
На сердце горько, — так горько было:
Бедой народной душа палима,
Желанье мстить придавало силы.
Уста поэта стихи слагали,
Что тверже стали несокрушимой.

Ни злоба хана, ни мрак темницы
 Не утрашили души поэта.
 Успел навек он с людьми сродниться,
 Любили люди его за это.
 ...Шагал — и мир одряхлевший видел
 Поэт народный, бродя по свету.

Он видел: солнца лучи за тучей
 От трудового народа скрылись,
 Злой хан да баи змеей гремучей
 Вкруг шеи бедняцкой кольцом обвились;
 Он видел, как обливались люди
 Слезой горючей и кровью жгучей.

Злодеев видел кровавые руки,
 Набеги, разбой, грабежи, насилья,
 Отчаянье, ужас, предсмертные муки,
 Остатки селений под пеплом и пылью,
 Жен, от мужей оторванных, беды,
 Горе отцов и детей в разлуке.

Попранье родины, груды праха —
 А что еще он в пути заметил?
 Богатырей, не знающих страха,
 Готовых к борьбе, — он немало встретил,
 Упорство народа перед насильем
 Не утаилось от глаз Бердаха.

Отдавших жизнь за народное дело,
 Таких, как Амангельды, он видел,
 Вперед смотрящих прямо и смело
 Сынов, что силой горды, он видел.
 И наполнилось верой сердце поэта,
 И песни о гневном народном пелю.

Душа поэта рвалась на части
 От чувства боли, от жажды мести

Всем, всем стоявшим тогда у власти
 За поруганье народной чести.
 Калам⁴² свой отдал Бердах народу,
 Воспел свободу его и счастье.

Перо Бердаха врагов разило,
 И было слово, как пуля, метким:
 Для угнетенных поддержкой было,
 Для угнетателей — злым и едким.
 И честь и гордость в сердца отважных
 И силы в слабых оно вселило.

Писал поэт приговор суровый
 Жестоким баям, вражде, насилью,
 И явью стало Бердаха слово,
 И отросли у народа крылья.
 Осуществилась мечта столетий —
 Воспряли люди для жизни новой.

И вместе с ними поэт наш ожил
 И вновь обходит родную землю.
 Глядит внимательно он — и что же
 Теперь он видит, чему он внимлет?
 Он видит земли своей возрожденье —
 Народ богатства ее умножил.

Повсюду новых садов цветенье,
 В арыках чистой воды журчанье;
 И слышит птиц голосистых пенье,
 И видит ярких лучей сиянье.
 Жизнь стала радостью созиданья —
 А вызывала лишь отвращенье...

В семье народов каракалпаки
 Почетом пользуются по праву,
 Живут под солнцем, а не во мраке,

---

⁴² К а л а м — перо.

Растят сынов, дочерей на славу.
И смех и песни звучат повсюду,
Цветут улыбки, как в мае маки.

Выходит Бердах из степей родимых,
Аулами, городами шагает.
В узбекских ялла, в туркменских айдымах,
В казахских напевах радость витает,
И девушки звонко поют о счастье
На русских просторах необозримых.

На берегах Балтийского моря
Поют латыши, литовцы, эстонцы.
И всюду — о счастье, а не о горе,
И всюду не тучи, а яркое солнце.
Великая радость в груди поэта,
Сияние счастья в горящем взоре!

ВОЛК, ЯГНЕНОК И КОНЬ *(На сюжет каракалпакской басни)*

Волк, поживы давно не знавший,
Обессиленный, отощавший,
Злой-презлой, по тропе трусил,
Нюхал воздух вокруг угрюмо.
Кровожадная волчья дума
Отнимала остаток сил:

«Если душу живую встречу,
Если только добычу замечу,
Проглочу ее в тот же миг!..»
Вдруг прыжках в сорока, в сторонке,
Волчий глаз заметил ягненка.
В пасти лязгнули клык о клык.

Повезло зверюге с добычей.
Соблюдая волчий обычай,
Вправо, влево метнул он взор —

Не видать пастуха с отарой,
И выносит разбойник старый
Близкой жертве своей приговор...

Небосвод над горами синий.
Шелестела трава в долине —
Изумрудный, пятнистый шелк.
Чуть отстал ягненок от стада,
Вдруг явилась пред ним громада:
Желтоглазый голодный волк.

Затряслись у ягненка ноги.
Нет спасенья, и нет подмоги,
Только страшная волчья пасть.
Лютый зверь, как пружина, сжался:
— Вот кто мне на обед попался,
— Уж теперь-то поем я всласть!

— Сжальтесь... — Голос барашка тонок.

— Я — ягненок, совсем ребенок!
Мне пожить бы еще...
— Молчать!
В глупой просьбе немного толку,
Если хочется кушать волку.
А что молод ты — наплевать!

— Что ж, судьба моя в вашей воле.
Но не есть же меня без соли!
Несоленый, на что я гожусь!
С луком, с перцем нужна приправа,
А иначе неважный, право,
У баранины будет вкус.

«Говорит он, пожалуй, дельно. —
Волк, хоть голоден был предельно,
Оценил полезный совет. —
Потерплю, но зато такое

Приготовлю себе жаркое,
Удивится весь белый свет!»

И отправился волк в дорогу,
Соли, перца достать немного,
Раздобыть для приправы лук.
И случиться такому надо,
Что чабан, карауливший стадо,
Тут его и заметил вдруг!

«Взять! Ату его!» — крик раздался.
Испугался волк, заметался,
Услыхав рычанье собак.
Справа, слева бегут собаки.
Не избегнуть серому драки,
Не уйти от собак никак.

Вот одна его укусила,
Палка лоб ему раскроила —
Метко бросил ее чабан.
Еле ноги унес волчина
И поплелся опять в долину,
Где попался ему баран.

Шерсть в крови, лоб трещит от боли.
«Съем барашка без перца и соли...»
Глядь — ягненка и след простыл.
«Плут! Обманщик! Укрылся в стаде!» —
Догадался волк и в досаде
Заскулил, зарычал, завыл.

Все выдавший и все слыхавший
Конь, поодаль траву щипавший,
Фыркнул громко и молвил так:
— Ты рычишь, негодуя и воя,
Что сбежало из пасти жаркое.
Да, ягненок, видать, не дурак.

Где успел он нахальства набраться,
 Как посмел он тебя не дожидаться
 И отнять у тебя обед!
 Двадцать лет на свете живу я,
 Вижу хитрость и наглость такую
 Я впервые за двадцать лет.

Ну, а если рассудим здраво?
 Право сильного — волчье право.
 Обмануть его — это не ложь.
 Всех, кто скалит клыки кровожадно,
 Надо бить, убивать беспощадно.
 Против зверя и плут хорош!

Волк озлился:
 — Вот так удача!
 Ты явился, старая кляча,
 Чтоб я съел тебя. Жалкий одёр!
 — Ты, однако, еще и невежа, —
 Конь ответил, — замашки-то те же,
 Ну и тот же предвижу позор.

— Я невежа? Лжешь, окаянный!
 Я обрыскал все земли и страны,
 Все науки я знаю сполна.
 — Доктор Волк! Если так, — извините,
 Но прочтите на этом копыте
 Неизвестные мне письмамена.

Волк к копыту коня потянулся:
 — Покажи-ка... — Пониже нагнулся
 Конь тяжелым копытом лягнул
 Волка глупого в самое темя,
 Точно выбрав и место и время.
 Тут и ноги злодей протянул.

Если зверь-человек
 Кровожаден и лют,

Если он признаёт
Только нож или кнут,
Не уйдет он от мести, поверьте,
От заслуженной
Волчьей
Смерти!

САТИРЫ

это точно...

Разносится по полю гул мотора,
Пошло у тракториста дело споро.
Вдруг слышит, агроном кричит с межи:
— Браток, ты здесь работу отложи,
Ждет трактор твой соседняя бригада.
— Так ведь и тут начать и кончить надо!
— Да, понимаю, надо. Это точно...
Но вот беда: и там ты нужен срочно.

Час-полтора ушло на перегон.
Работает на новом поле он.
Откуда ни возьмись, опять знакомый
(Явился снова!) голос агронома:
— Остановись. Отставить это дело!
Давай к насосу трактор — там заело.
— Послушайте, ведь это ж не работа!
— А воду должен обеспечить кто-то?!
Что? Потеряешь время? Это точно,
Но так уж вышло. Я же не нарочно!

Не меньше часа перегон унес.
Приехал тракторист, пустил насос,
А «газик» агрономский тут как тут:
— Ну, как, браток, дела твои идут?
Нет с мотористом при насосе сладу —
Опять прогул... Жми в пятую бригаду.
— Как знаете, но метод ваш порочный.

Разъезды — не работа!

— Это точно...

И снова трактористу ехать вдаль.

В пути сломалась важная деталь.

Стал трактор, вышел начисто из строя.

Теперь простоя будет суток трое!..

Как тракторист до вечера ни бился,

Запчасти нет — мотор не заводился.

Наутро к председателю в контору:

— Мне новая деталь нужна к мотору,

А без нее торчу на месте прочно.

— Да, — тянет председатель, — это точно...

Кто мог предусмотреть беду такую?

Попробуй, брат, зайди-ка в мастерскую.

Ходил и раз и два — безрезультатно.

Вернулся к председателю обратно,

Не удержался, выругался сочно.

— Толкую — дни впустую!

— Это точно...

— Да что вы все заладили одно!

Теряем дни. Вам, что же, все равно?

Вы хрюкаете, как в канаве сточной! —

Кивает председатель:

— Это точно... —

Но тут же и опомнился, привстал:

— Постой, постой... Ты что это Сказал? —

Но, потеряв терпенье и доверье,

Поднялся тракторист и хлопнул дверью.

Он не любил ни обстановки склочной,

Ни равнодушья к делу.

Это — точно.

СТРАСТЬ К НАУКЕ

Покуда был он соискателем,

Усердным числился читателем,

Подолгу на столе у скромника
 Гостили пухлые трехтомники.
 Ходил походкой деликатною,
 Готовил армию цитатную.
 Внимал с улыбкою любезною,
 Писал работу бесполезную;
 Из учрежденья в учреждение
 Ходил он, собирая «мнения».
 Нет, не ученым был он въедливым,
 А пустозвоном надоедливым.
 Халтура — дело очевидное,
 Но... трудно говорить обидное.
 Иной, чтобы скорей избавиться,
 Поддерживал его: «Исправится!..»
 Используя поддержку оную,
 Он степень получил ученую.
 Но всем видна, однако, сущая
 Его незрелость вопиющая,
 Самоуверенность бездарная,
 Неграмотность элементарная.
 На заседанье, на совете ли
 Иные из его радетелей
 Поправят новоиспеченного,
 Прости ты, господи, ученого,
 Да поздно...
 «Мне — нравоучения?!
 Я — кандидат.
 Имею мнение!»
 Весь коллектив с ученым мучится.
 Он годы ничему не учится,
 В науке ничего не делая.
 Но хватка у него умелая,
 За счет нее живет неплохо он.
 Нет, не ученый, а пройдоха он!

КАК У ХОДЖИ НАСРЕДДИНА

Базарная площадь — людская лавина —

Услышала голос Ходжи Насреддина:
 — О люди, прославьте деянья аллаха:
 Избавлены мы от великого страха.
 Я вдруг догадался об этом сегодня.
 Безмерна, о люди, премудрость господня.
 Огромное счастье для смертного люда,
 Что крылья никак не растут у верблюда.
 А если, как птица, имел бы он крылья,
 Давно б занесло нас песками и пылью.
 Слети он на крышу, присядь на заборе —
 С крылатым верблюдом хлебнули б мы горя!
 Иль, скажем, к чинаре полет он направит...
 Сломает он дерево, крышу продавит.
 Всю жизнь занимаясь починкой да строя,
 Не знали бы мы ни минуты покоя!

Послушали люди, пожали плечами:
 — Вот новость! Об этом мы знали и сами...
 — Придет же такая в башку чертовщина!
 — Да это же басни Ходжи Насреддина!

Согласен!
 Что в мире скучней и ужасней,
 Чем слушать давно надоевшие басни!
 Но слышишь иных выступающих речи,
 И сами собой передернутся плечи.
 Читаешь
 Наукообразный,
 Огромный
 Иного «ученого» труд многотомный,
 Где старые мысли изложены длинно...
 За месяц дойдя до его середины,
 Обросший щетиной, Ты стонешь: «Скотина!..»
 Не хочешь, да вспомнишь Ходжу Насреддина.

Ибрагим Юсупов

(Род. в 1929 г.)

КАННЫ В НУКУСЕ

Из-за заборов деревянных,
 С газонов светлых площадей
 Глядят цветы Востока — канны —
 С улыбкой доброй на людей.
 На них мы смотрим, как на чудо,
 Поэт и пахарь, я и ты:
 Любовь трудящегося люда,
 О канны, алые цветы!
 Девчонки-модницы, пижоны
 От шумной улицы вдали
 И те затихнут удивленно:
 Какие канны расцвели!
 Да, здесь, в степи, сожженной зноем,
 Днем погружалось все во мглу
 И пыль ложилась толстым слоем
 На свежевывытом полу!
 Давно уж нет степи безводной,
 Покрытой жестким янтаком⁴³,
 Она по воле всенародной
 Прекрасным стала цветником.
 Вы, канны, говорите гордо,
 Что время лучшее пришло.
 Вы у дверей аэропорта
 Гостей встречаете тепло.
 Две женщины домой вернулись,
 Медали на груди горят.
 Цветами крупными любуясь,
 Они на площади стоят.
 На сессии, в Кремлевском зале,
 Две дочери Аму-Дарьи

---

⁴³ Я н т а к — верблюжья колючка.

Не раз, наверно, вспоминали
Про канны милые свои...
Конечно, прав народ, считая
С давным-давно минувших лет:
Кровь белой курицы густая —
Вот самый чистый в мире цвет.
Как пламя средь ночного мрака,
Вы, канны, яростно ярки,
Любимый цвет каракалпака
Окрасил ваши лепестки!
Днем ходят канны, как фазаны,
Веселый водят хоровод.
О, взять бы в руки кисть Сарьяна!
Художники, смешной народ,
Цветы, поблекшие в стаканах,
Изображая на холстах,
Вы забываете о каннах —
Народных праздничных цветах!
Я б холст большой на площадь вынес
И рисовал бы только их
На фоне города, что вырос
Цветком среди равнин пустых!..
Уносит осень цвет за цветом —
Зеленый, белый, голубой,
Цветы другие вслед за летом
Уходят, не вступая в бой.
Все пожелтеет, но бессонно
Лишь канны — гордые сердца —
Стоят, как знамя гарнизона,
Что не сдастся до конца.
Шагайте, канны, перед нами
Колонной юной, боевой,
Как дети с красными флажками
По первомайской мостовой!
А здесь вы горделиво встали:
У пьедестала Ильича
Торжественно затрепетали
Куски живого кумача.

В простом пальто, раздутом ветром,
Он улыбался с высоты,
Когда пришли к нему с приветом
Востока алые цветы...

ФАЗАН

Бродил я степью заснеженной,
Ступал по свежей белизне,
И вдруг, как громом пораженный,
Остановился я,
И мне
Явила степь — художник чудный —
Картину на холсте своем,
И было оторваться трудно
От красок, пышущих огнем:
Незащищенно и открыто
Лежал фазан в тени куста,
Как позабытая палитра,
Где дерзко смешаны цвета!
Цвели оттенки красок сочных.
Живою силою полны,
Как будто радуги кусочек
Упал на землю с вышины.
Фазан, прижавший шею к телу,
Крылом головку укрывал,
Но хвост-изменник то и дело:
«Я здесь!» — владельца выдавал.
И я подумал: Так, бывает,
Девчонка юная, в цвету,
Одеждой тщетно прикрывает
Свою хмельную красоту.
Взлетела птица — глазу больно!
Над степью взмыл кусок огня...
Я побежал за ней невольно,
Но мчались, обогнав меня,

Лихие всадники за псами,
 Псы взвыли, увидав ее,
 Охотник с красными глазами
 Уже прижал к плечу ружье!
 И — выстрел...
 И кусты сомкнулись
 Над птицей с раненым крылом.
 И люди в заросли метнулись,
 Спеша к добыче напролом.
 Но, не желая покориться,
 Пытаясь выжечь смерть дотла,
 Как пламя, трепетала птица,
 Спротивлялась и жила!
 И я подумал, птицу славя,
 Что нужно пламенно мечтать,
 Любить, как пламя,
 Жить, как пламя,
 И, пламенея, умирать!

МУХАЛЛЕС

От снега искорки летят, где ты, любимая, пройдешь,
 Разносит ветер аромат, где ты, любимая, пройдешь.
 Была пустыня — будет сад, где ты, любимая, пройдешь,
 И трели соловья звучат, где ты, любимая, пройдешь,
 Там дол, шагам внимая, рад, где ты, любимая, пройдешь.

Поток Аму-Дарьи бурлив — летит отважным скакуном.
 Ты, ветры за собой сманив, стоишь на берегу речном.
 В глубокий омут, под обрыв, приплыл дремать ленивый сом,
 Но, как джигит, в воде ретив при приближении твоём.
 Там чувств порыв и сил прилив, где ты, любимая, пройдешь.

Твой легкий шаг, твой жгучий взор растопят снег,
оплавят лед,
 С журчаньем устремятся с гор весенние потоки вод.
 Тут — буйной зелени ковер, там — ивы отдадут свой мед,
 Пернатый хор вокруг озер на птичий соберется слет.

Там сокол сменит свой убор, где ты, любимая, пройдешь.

«Увидишь — Расскажи о ней!» — зарю упрасивает ночь.
 «Касаться щек ее не смей!» — роса пылинку гонит прочь.
 И все быстрее, и все вольней, восторги удержат невмочь,
 Стрекозы, бабочки кружат — цветистый хоровод,
точь-в-точь!

Там пчелы загудят сильнее, где ты, любимая, пройдешь.

Весна моей мечты, приди, о ясноликая моя!
 Ты вечно у меня в груди, жизнь без тебя не мыслю я.
 Бутоны к жизни пробуди, тепло и свет вокруг струя.
 Цветами взор наш услади, каракалпакская земля.
 Там всяк весенней ласки жди, где ты, любимая, пройдешь!

НЕРВЫ

Вам, чуткие струны, немало
 Приходится в жизни звенеть.
 Вас дергает зло, как попало,
 Ногтей человеческих медь.
 Пусть тросу подъемного крана
 Грозит от нагрузки обрыв —
 Надежен ваш лад постоянный,
 Вынослив и терпелив.
 Стремления, поиски, споры,
 Жестокие схватки, подчас
 Паденья и взлеты, раздоры —
 Все бременем ляжет на вас.
 Владелец ваш
век свой недлинный
 В заботах, в борьбе проживет.
 Вам — сдерживать сталью пружинной
 Эмоций его хоровод.

Надменно поджатые губы,
 Навыкате злые глаза,
 Язык ядовитый и грубый,

ПРОПОЙТЕ ПЕСНЮ МНЕ АЖИНИЯЗА...

Пропойте песню мне Ажинияза!
 Пусть плачут те, кому — стрелой из лука —
 Пронзила сердце с родиной разлука...
 Пропойте песню мне Ажинияза.

Поэт на свет рождается не часто.
 Уходит он, чтобы стихам начаться
 В полночных снах, в истоме странных глаз,
 Чей долгий взгляд — их добрый долгий саз⁴⁴
 Чтоб строки потекли лавиной света
 И сердце не осталось без ответа
 И трепетно внимало ветру саза,
 Пропойте песню мне Ажинияза!

Больной и страстной силой «Бозатау»
 Я души тех окаменеть заставлю,
 Кто позабыл, кем был каракалпак,
 Кто друг ему, а кто — заклятый враг.
 Сегодняшняя радость тем сильнее,
 Чем больше горя прошлого за нею.
 Чтоб видеть завтра лик, еще неясный.
 Пропойте песню мне Ажинияза!

Я жду ее, терпение теряя,
 Как соловей безумный, повторяя
 Слова, в которых — все острее, сильнее
 Вкус родины с горчинкой давних дней.

Хотите вы посредственность унижить?
 Хотите звезды дальние приблизить?
 Хотите, чтоб, покинув ложе смерти,
 Я продолжал бы жить на этом свете?
 Внемлите слову моего наказа:

---

⁴⁴ Саз — мелодия.

Пропойте песню мне Ажинияза!

АРБА СЛАВЫ

Коль свяжешься в пути с арбою славы,
То так и знай: беды не миновать!
И канет в пустоту твой голос слабый,
Когда, застряв, на помощь будешь звать.

Пусть обод украшает позолота
И весь навес из серебра на ней,
Твоя дорога — черная работа,
Тебе б арбу, хоть проще, да прочней.

Здесь слева — горный кряж, обрывы — справа...
Колени ободрав о камни круч,
Узнаешь сразу, сколько весит слава,
Приняв на плечи тяжесть темных туч.

А те, кому отваги не достало
Достичь вершины волей и трудом,
Увидят ли, как трудно дышит слава,
Хватая воздух пересохшим ртом?

Передохнув на горном перевале,
Почувствуешь прилив внезапных сил.
Хотя готов был к этому едва ли
И у судьбы пощады не просил.

И больше ноги не болят натужно...
Ты победил. Окончена борьба.
И там, где транспорта совсем не нужно,
Тебя ждет славы странная арба.

И непомерно узкою тропюю
Помчит тебя она в волшебный сон,
Которым над восторженной толпою

На краткий миг ты будешь вознесен.

Но пользы в ней — не больше, чем в игрушке,
А это не игра — твоя судьба.

... Когда в дорогу отправлялся Пушкин,
Его ждала обычная арба.

ГЛАЗА ЯЩЕРИЦЫ

Когда на степь мою даны
Два оробелых огонька,
Две современные луны —
Две фары от грузовика,
В их блеске светит бирюза,
Как перстни с царственной руки,
То ящериц степных глаза,
Пустыни хищные зрачки.
Они меня не удивят:
В степи родился я и рос
И с детства помню этот взгляд,
Его сверкающий гипноз.
Когда геологов встречал,
Я им поверить не спешил...
Так ящерицы по ночам
Глядят на фары от машин.
Но старый фосфор отсверкал,
А свет надежды победил,
И саксаул, как аксакал,
Оазисы благословил.
И вот горят огни во мгле,
И город встал во весь свой рост,
И звезды нынче на земле,
И человек у самых звезд.
Пустыня веки подняла, —
Прозрела тьма ее навек,
Она, смирившись, поняла,
Что царь природы — человек.

И город есть, похож на сад,
 Пустыни первое дитя...
 А прошлое ползет назад,
 Глазами ящериц блестя.

РЕБЕНОК

1

Ребенок — великан среди людей,
 Пришедшее в сейчас твое «вчера»...
 Он — колыбель всех завтрашних идей,
 Он — эмбрион палитры и пера.
 Он вечным утром входит в каждый день,
 Твой самый первый и последний шаг,
 При нем становится светлее тень,
 Добрее друг и беспощадней враг.
 Он наш учитель, этот мэтр с вершок,
 Еще не ставший сам учеником,
 Он победитель — целый мир у ног,
 Но с азбукой убийства не знаком.
 Он Чингисхана дергал за усы,
 Перед которым каждый трепетал...
 И тратил Маркс бесценные часы
 На игры с ним, оставив «Капитал».

2

Когда ребенка на руки беру,
 Влюбляюсь в жизнь, как юноша, опять.
 Из детства путь лежит один — к добру.
 «Я был ребенком...» — может ли сказать
 Тот, кто ведет нечестную игру?
 Нет. Были на земле не все детьми.
 Палач и лжец, уста свои сомкни!
 Когда б ты на ребенка был похож,
 Не рыли б для детей могил в Сонгми,
 В Освенциме не тлели бы — смотри! —
 Десятки тысяч маленьких подошв!

СОРША⁴⁵
(Сонеты)

Лечение от грусти — прогуляйся
на берег реки; лечение от чванства —
поброди по кладбищу.

Пословица

I

Здесь бытия с небытием граница,
О жизни здесь любая глохнет весть;
Жил — мог себя заметней прочих счесть,
Сюда попал — пред равными смирится.

Мутится разум здесь, влажны ресницы,
Ничьим губам в улыбке не расцвествь.
То ль другу без тебя отсюда бресть,
То ли тебе без друга воротиться...

Настигнет смерть арканом скакуна, —
Неведом ей просчет, не кинет мимо.
И все ж она над жизнью не властна.

Жизнь непокорна и неутомима.
Смотри: вот надломился стебелек,
Но вырастет их тысяча, дай срок!

II

Настигнет смерть арканом скакуна —
Судьба для всех одна... Страшись другого:
Вдруг говорящий над тобою слово
Утрату не почувствует сполна!

Представь: не скорбь сердец, а тишина

---

⁴⁵ Сорша – название кладбища в окрестностях Нукуса.

Ведет тебя в последний путь сурово.
 Страшись того, что смена не готова,
 Что за зимой не настает весна...

Оставшиеся жить — твои же судьи.
 Страшись, что, о тебе припомнив, люди
 Заслуг твоих, увы, не назовут.

Коль ни врага, ни друга ты не нажил,
 Кто б смерть твою, как жизнь твою, уважил,
 Так, может быть, ты вовсе не жил тут...

Тажетдин Сейтжанов (Род. в 1924 г.)

ЛЕНИН В МОЕЙ ЖИЗНИ

I

ПЕРВАЯ ЗАПИСЬ

Тридцатые годы. На стройке страна.
 Успехов, побед вереница.
 Надежда в бедняцкой душе зажжена,
 И светятся радостно лица.

Отец мой, дехканин, однажды сказал:
 «Нам Ленин велел учиться».
 Подросток, тогда я уже понимал,
 Что счастье само к нам стучится.

Да, грамотных не было в нашем селе.
 Зажав в кулаке подношенье,
 Я помню, отец отправлялся к мулле,
 Чтоб тот написал прошенье.

О чем? Я узнал это годы спустя,
 Муллы вспоминая уменье,

Сто раз повторял мне отец, не шутя:
«Великая сила — ученье!

Нам Ленин учиться, сынок, приказал,
Завет Ильича драгоценен,
Мечтал он, чтоб каждый грамотным стал...»
Так вот он какой — Ленин!

И знаниям, о коих отец мой мечтал,
Открыл я и слух мой, и зренье.
Я школьной дорогой туда зашагал,
В прекрасное царство ученья.

И буквы и цифры я скоро постиг,
А все предо мною вставали
Из новых и новых прочитанных книг
Манящие дальние дали.

Шло время. Когда-то мечтал паренек
Отцу написать заявленье.
Теперь без улыбки я вспомнить не мог
Наивного детства стремленье.

В былые года хлопотал мой старик,
Не веря в батрацкое счастье,
О том, чтоб, по бедности, новый сошник
Ему предоставили власти.

А сын его — грамотный человек,
И почерк у сына отменен.
Он пишет в тетради:
«Славься вовек, Владимир Ильич Ленин!»

II
памятный день

Год тридцать восьмой. Белоснежный февраль
В нем помню прекрасный день я
И позабуду его едва ль —
Так помним лишь день рождения.

Да, был я героем этого дня,
Взволнованный, гордый, веселый.
Щеки пылали — как от огня,
Сердце — стук-стук, что копыто коня,
Все разговоры — лишь про меня,
Вступил я в ряды комсомола.

Как будто на крыльях летел я к Луне,
Как будто шагал через горы...
Я чувствовал: выпало счастье мне
Народу служить опорой.

Джейхун укрощаю, пишу труды,
В моря обращаю болота,
В пустыне бесплодной сажаю сады —
К ипит у меня работа.

Я смелый мечтатель, я горный орел!
А мать мне: — Сынок, ты не болен?
Скажи-ка, да что ты такого нашел
В этом своем комсомоле?

Отец как ударит ладонью об стол: —
Совсем уж ты темная, что ли?
Ведь это же Ленинский комсомол,
И сын твой теперь — в комсомоле.

III ПОРТРЕТ

Стоял сорок пятый решающий год.
На запад шагнула война.
Встречала нас, быстро идущих вперед,
Февральских дождей пелена.

Впервые на край немецкой земли
Ступила моя нога.
Во Франкфурте Одер мы перешли,
Накрыли в окопах врага.

Четыре года на передовой
Меня закалили в огне.
Был бой рукопашный, жестокий бой —
Навеки он памятен мне.

Свистели пули. Работал штык.
Сверкал обнаженный кинжал.
Скрежет железа. Раненых крик.
От взрывов воздух дрожал.

Гранаты все до одной разметав,
Я прыгнул к врагам в окоп.
Один из фашистов, меня подмяв,
Уже мне нацелился в лоб.

Я вырвался, долго боролся с ним
И — цели своей достиг,
Но только хотел схватиться с другим —
В бедро мне вонзился штык.

Мгновенно сработал мой пистолет.
Я выскочил, захромал.
Пополз, оставляя кровавый след,
И — третьего увидал.

Быстрым движеньем — затвор назад.
 «Сейчас угощу, бандит!..»
 А немец внезапно вскричал:
 «Камрад!» — Ко мне по траншее бежит.

«Ленин! Камрад!..» — кричит на бегу,
 Карман свой рвет впопыхах,
 Хочу я выстрелить по врагу —
 И дрожь у меня в руках.

Вижу, как бросил солдат автомат,
 Как вспыхнул в глазах его свет.
 «Ленин, — кричит, подбегая, — камрад!..»
 В руке — Ильича портрет.

Я понял — и палец со спуска убрал,
 А немец молод, речист,
 По-своему быстро залопотал.
 Да, этот, видать, не фашист.

И взял я портрет у него из рук
 И немцу ладонь пожал,
 Так мудрый учитель, великий друг
 В бою меня поддержал.

Солдат добровольно мне сдался в плен.
 Из моря сплошного огня,
 Приникнув к земле, не сгибая колен,
 Он полз впереди меня.

Я в штаб батальона немца привел.
 Он там о себе доложил,
 Что в Лейпциге детство свое провел,
 Где Ленин когда-то жил:

Что был ему близок ленинский путь,
 Величье ленинских дел,
 Что не был с нацизмом связан ничуть,

Шинель по приказу надел.

Рискуя, портрет он с собой носил.
И Ленин — жизнь ему спас-

Прилив небывалых, могучих сил
И я ощутил в тот час.

IV лучший в жизни

Дожил я до лучшего в жизни дня.
Земля позабыла о снеге,
Деревья давали побеги,
Был праздник большой у меня.

Солнце сверкало — как никогда,
И ветер пел, не смолкая,
Искрилась, журчала, неслась вода,
Веселою пеной вскипая.

Ласков был рокот толпы людской,
Радостен смех ребячий,
И воздух, казалось мне, был другой,
Иль сам я дышал иначе?

Иль сам я, волнующий миг пережив,
На мир глядел по-иному?
Все пело вокруг. Весенний мотив,
Ликуя, нес меня к дому.

Спокойные улицы Кегейли,
Прозрачная степь Жилуана...
Куда же вы, думы, меня привели?
О чем я пою неустанно?

Все думы, все чувства мои — о тебе,
О светлой моей отчизне,

Себя посвящаю труду и борьбе
Во имя грядущей жизни!

А память меня возвращает в райком.
Чуть строг секретарь и спокоен.
Сказал он — душу наполнил теплом:
«Ты быть коммунистом достоин».

Слова, с неожиданной силой звуча,
Становятся строчкой песни:
«Я — в партии, в партии Ильича!»
Что может быть в жизни чудесней!

Я стал коммунистом. Спасибо вам
Меня воспитавшие годы.
Все силы свои без остатка отдам
На благо родного народа.

Высокую нес я на сердце мечту,
И, словно вобрав мои мысли,
Две ласточки взмыли стрелой в высоту
И в небе весеннем повисли.

Дожил я до лучшего в жизни дня.
Земля позабыла о снеге,
Деревья давали побеги.
Был праздник большой у меня.

НАШИ ПРЕЖНИЕ ВСТРЕЧИ

Наши встречи, нежные, чистые,
Вспоминаю одну за другой,
Как смеялись глаза лучистые,
Как ты стала мне дорогой.

Как, поняв мое чувство серьезное,
Отворилась твоя душа.

Вся сияющая, грациозная,
Шла ты вечером в сад, спеша.

То девичьей стыдливостью скована,
То нескрытая нежность сама.
Как мальчишка, тобой очарованный,
Волновался, сходил я с ума!

И, бывало, с каким восхищением
Ты смотрела на яркий цветок,
И какое души движение
Соловей в тебе вызвать мог!

Помнишь, любящая, смятенная,
Опьянев от огня в крови,
Запевала ты вдохновенную,
Откровенную песню любви.

Друг без друга жить стало мукою.
В дом с почетом вошла, живешь,
Сына, дочку мою баюкая,
Колыбельную им поешь.

ВОСПОМИНАНИЯ

1

На улице одной и ты и я
Росли... Дома у нас — порог в порог.
Ты ожидала песен соловья,
А я мечтал найти один цветок.

Ты услышала соловья во мне,
Тебя цветком желанным я назвал.
Пел соловей, да только в стороне...
Я отыскал цветок, да не сорвал...

Мы подрастали рядом — ты и я,
А ныне путь друг к другу так далек!

Ты слушаешь другого соловья,
А я люблюсь на другой цветок.

2

В саду моей жизни средь первых цветов
Я сразу тебя находил,
Красивую, стройную... Глаз твоих зов
Поныне еще не забыл.

И если бы не изменилась ты вдруг.
Вкус жизни так рано познав,
Тебе я сказал бы: единственный друг! —
И был бы по-своему прав.

Но годы и годы минули с тех пор,
Уж стала совсем ты другой,
Лишь изредка чувствую прежний твой взор,
Нечаянно встретясь с тобой.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Сегодня, родная, ты дольше обычного
Задумчиво, пристально смотришься в зеркало,
Во взгляде какая-то грусть непривычная...
Вот тень набежала и рот исковеркала.

Прическу поправила ты — занедужила:
Потухла, исчезла улыбка лучистая.
Сегодня впервые ты вдруг обнаружила
В косе промелькнувшую нить серебристую.

Так что же? — Всему свое время, любимая,
И молодость наша не может быть вечною.
Была она трудной и неутомимую,
И никогда не бывала беспечною.

С чем смолоду знались? — С трудами упорными.

С короткою радостью, чаще — с печалью:
 Нехватки, невзгоды делили мы поровну.
 Выносливыми, терпеливыми стали мы.

Ты вспомни, за долгие годы содружества
 Какие судьба нам несла испытания.
 И силы кончались, но стойкость и мужество
 В борьбе нам давали второе дыхание.

Ничто без борьбы и без пота не строилось,
 Победы и годы даются недешево!..
 И только привязанность наша утроилась —
 На век нам хватило бы чувства хорошего.

Когда-то, в суровое лето военное,
 Меня провожала ты биться с фашистами.
 Непоколебимую и неизменную
 Была твоя вера, глаза твои — чистыми.

«Прощай, дорогой мой, вернись победителем!» —
 И долго смотрела мне вслед, уходящему...
 Да, был я за горе народное мстителем,
 Борцом за грядущее и настоящее.

Дороги войны — то с дождем, то с метелями,
 Под зноем палящим и в холоде пройдены.
 Ночные бои, отступленье неделями...
 И облик твой, слившийся с образом родины.

Сражался я храбро. За годы военные
 Прошел я, любимая, школу суровую.
 И ночью и днем вспоминал неизменно я
 Тебя, мое солнце, тебя, чернобровую.

Была твоя жизнь бесконечной заботой:
 С младенцем грудным да с хозяйством —
 так хлопотно!
 Трудилась для фронта. С неженской работою,

Как ни было лихо, справлялась безропотно.

А в теле — тоска от житья одинокого,
Морщинки у глаз чуть заметные, ранние
А в сердце — тревога за друга далекого,
А в мыслях — высокого долга сознание.

Глаза закрывал — и тебя, черноокою,
Так явственно видел вдруг в ту же минуту я,
И чувство к тебе мной владело высокое,
К захватчикам вражеским — ненависть лютая.

И это же чувство мне силы прибавило
И сделало душу солдата бесстрашную,
А ненависть — ненависть силу направила
На жаркую схватку с врагом рукопашную.

Был ранен, лечился... И вновь неумною
Была моя злость от сраженья к сражению.
Тут армия наша всей мощью огромною,
К победе стремясь, повела наступление.

Мы стали сильны, как Аму многоводная,
Твердынь Каратау отныне грознее мы.
И снова советские люди — свободные.
Фашистские орды разбиты, рассеяны.

Навечно запомнил я полдень сверкающий,
Тебя, от арыка навстречу бегущую,
Объятия наши и миг, означающий,
Что будет прекрасным отныне грядущее.

Мы строили жизнь и не знали усталости,
А время летело стрелою стремительной.
Не знает оно промедленья и жалости,
И то, что мы старимся — не удивительно.

Пускай седина, не печалю, а радуя,

Блестит в волосах. Что ж, на годы не сетуя,
Ее принимаю теперь как награду я
И то же тебе, дорогая, советую.

Подумай, насколько значительной, емкою
Мы жизнью живем, как труды наши значимы
Уже мы гордимся своими потомками,
Все новые в жизни решаем задачи мы.

В грядущее родины нашей влюбленные,
Живем в настоящем его активистами.
Пусть годы идут!.. Сединой убеленные,
Сердца сохраним мы, как в юности, чистыми!

Хожамурат Турымбетов (1922-1968)

ТРОПИНКА

Протоптанная от моих дверей,
Тропинка узкая видна в тумане.
И привлекла она мое вниманье,
И мыслями унесся я по ней.

Тропинка, продолжаясь в окоем,
Встречается с дорогою веселой,
По ней, бывало, убегал я в школу
Под мышкой с милым сердцу букварем.

Когда мою цветущую страну
Фашисты заливали нашей кровью,
Исполняя ненавистью и любовью,
Тропю той ушел я на войну.

С победою вернулся я домой,

Со мною вместе возвратились братья,
Нас ждали материнские объятья
На этой тропке, сызмала родной.

Когда же снова я собрался в путь,
Чтоб получить в Москве образование,
Шел с чемоданом я тропинкой ранней,
Старающейся в травы увильнуть.

Тропинка та останется моей,
Она — мое сердечное владенье.
Чего желал в минуты вдохновенья,
Все отыскал я, проходя по ней.

ВОДА

Как чистая кровь, что от сердца течет
В любой уголок человеческого тела,
Так наша Аму без конца, без предела
Дарует нам радость живительных вод.

Дает она воду каналам большим,
А те отдают ее малым арыкам,
И песнь о ее бескорыстие великом
Встает из моей благодарной души.

Смеющейся девушкой молодой
Струится вода по полям опаленным.
Земля напитается свежей водой,
Покроется пышным нарядом зеленым.

Вода наливает на ветках плоды,
Вода раскрывает тугие бутоны,
Джигит у арыка с подругой влюбленной
Играет в серебряных брызгах воды.

Как рады воде наши милые дети!
Они у арыков резвятся всегда.

Ты знаешь, я самый счастливый на свете,
Когда предо мною сверкает вода...

Стихи мои! Были б вы так благодатны
И так жизненосны, как воды Аму,
То я не завидовал бы никому
И было бы счастье мое необъятно!

ЖУРАВЛИ

На юг перелетают журавли,
Вот над аулом пронеслись моим
И снова тонут в голубой дали,
Высь прорезая строем боевым.

И над осенней желтизной степей
Все громче их курлыканье звучит.
Мне кажется: минутою поздней
Их криками наполнится зенит.

Как будто вспомнив прежнюю любовь.
Вдруг поворачивают на лету.
Остановившись, я подумал вновь:
«Какую вы покинули мечту?»

Мне показалось: эти журавли
Догадываются, что я их друг.
Вот почему курлыкающий клин
Вновь над аулом пишет полукруг.

Я ТВОЙ СЫН

Если даже сизый сокол
В высь бескрайнюю взвывается
Как бы ни был он высоко,
Вновь на землю не вернется.
Так и я: где только ни был,
Из любой дали и края

Под твое спешу я небо —
О земля моя родная!

ВАМ, МОСКВИЧИ!

От края, где яблонь прекрасен расцвет,
Где ясен над хлопковым полем рассвет,
От каракалпакской счастливой земли,
Друзья дорогие, примите привет!

Цветущего края подарки — для вас!
И танец, зовущий и яркий, — для вас!
И песни крылатый и звонкий полет,
И слово любви нашей жаркой — для вас!

Кипучему сердцу не скажешь: молчи!
И разве для радости мало причин!
То солнце, что вами в Москве зажжено,
До нашей Аму простирает лучи.

Свободы и счастья истоки — Москва!
Простор, необъятно широкий, — Москва!
Любовью рожденный прими мой привет —
Тобой вдохновленные строки, Москва!

ТАЛАНТЛИВОМУ ДРУГУ

Случай порой возвеличит невежду,
Может быть, даже на много дней.
Наденет дурак дорогую одежду
И модную шляпу, а что под ней?

Я рассмеюсь, поравнявшись с франтом,
Отвернусь, увидя невежду вдали.
Но перед истинной силой — талантом
Готов я склониться до самой земли.

Талант не горд, хоть и может гордиться,

Талант не старость, хоть жизнь прожита.
 Талант — это крылья, мечта — это птица,
 Что стоит бескрылая птица — мечта?

Отдай его людям, чтоб песни звенели,
 Служи, чтоб была их дорога светла.
 У птицы, летящей к заветной цели,
 Хоть путь и далек, не устанут крыла.

Галым Сейтназаров

(Род. в 1927 г.)

РЫБАК

Спокойно дремлет море —
 Не тратит силы зря,
 Блестит над щедрым морем
 Осенняя заря.

Сияет день погожий
 Над рябью сонных волн.
 С утра далеко в море
 Ушел рыбацкий челн.

Но море — вероломно:
 Внезапно хмурым стал
 Под налетевшей тучей
 Встревоженный Арал.

Свистят порывы ветра,
 Густую мглу клубя,
 Бурлит Арал сердитый —
 Выходит из себя.

Но пусть крепчает буря —
 Рыбак поспорит с ней,
 Он смел, он оправдает

Доверие друзей.

Осенний ветер воет,
 Как тысячи собак,
 Но зорек и спокоен
 Испытанный рыбак.

Упрямо роя волны,
 Все дальше челн плывет,
 А ветер одичалый
 Свирепо в мачту бьет.

Но радостно джигиту:
 По самые края
 Серебряною рыбой
 Полна его ладья.

Его не испугает
 Бушующий Арал,
 Он счастлив, что доверье
 Людское оправдал.

Плыви, рыбак отважный,
 Среди бурливых вод,
 Тебя за труд упорный
 Благодарит народ.

НОЧНЫЕ ДУМЫ

Уж полночь, в доме тишина,
 Недолго до рассвета,
 Мятежных дум душа полна,
 И нет на них ответа.
 Бывало, мысли разделять
 Привык я с другом вместе.
 Зачем теперь стихи писать,
 Коль некому прочесть их?..
 А ночь молчит, мечты летят

И тают в сизом мраке.
 Стихи упорно не хотят
 Довериться бумаге.
 Но нет успеха без трудов:
 Сражайся со словами,
 Гори, мечтай — в конце концов
 Стихи польются сами!..
 Рекою слов я стать хочу
 И чувствую при этом:
 Мне это бремя по плечу —
 Нелегкий труд поэта.
 Твори, пиши из года в год
 Упорно и правдиво, —
 Народ стихи твои прочтет,
 Оценит справедливо.
 Я выстрадать свой стих готов
 Без жалобы и вздоха, —
 Великих требует стихов
 Великая эпоха!

ТАБУНЩИК

Буран гуляет по просторам,
 Беснуясь, дышит тяжело.
 То каркает, как черный ворон,
 То, словно волк, завоет зло.

Зароется в седые тучи,
 Разворошит их
 И потом
 Слетит,
 Мешая снег колючий
 С холодным, словно лед, песком.

Буран то далеко, то рядом,
 Вдруг налетит со всех сторон,
 Швыряет снег,
 Забаве рад он,

Рычит, что самый сильный он.

Но, заслонив лицо руками,
Наперекор стихии злой,
Идет в степи за табунами
Храбрец — табунщик молодой,

Его пургою ослепило,
Почти не видя ничего,
Идет, хотя всю злую силу
Буран обрушил на него.

«Да кто такой ты,
Чтоб со мною вести борьбу? —
Кричит Буран. —
Волною снежною накрою,
Насыплю над тобой курган!»

И громче взвыл
Буран от злости,
Уже рассвирепев всерьез,
Издав в гигантской горсти
Он гору снежную принес.

На храбреца лавиной белой
Ее обрушил с облаков.
Но шел вперед табунщик смелый
Среди грохочущих снегов.

Он не боится дикой силы,
Идет вперед,
Силен и юн.
Ему всего важнее было
Не потерять в степи табун.

И рассмеялся он отважно
В лицо Бурана самого,
И тут Бурану стало страшно,

Ослабли крылья у него.

«Его осилить не смогу я,
Табунщик все перенесет...»
И улетел он в степь глухую,
А человек все шел вперед!

Жестокость уступает в силе
Бессмертной правоте людской.
И те, что злобу накопили,
Живут со злобною душой.

В народе издавна известно,
Что иногда на том пути,
Где человек проходит честный,
Не может подлость прорасти.

Кто чист душой, воюет смело.
Кто жизнь отдать готов свою
За правое людское дело —
Тот победит в любом бою!

* * *

Мой верный друг, герой моих стихов!
Познал ты радость творческой работы,
В краю пустынном дедов и отцов
Прекрасный сад взрастил за эти годы.

Ты вырос, закалился, словно сталь,
И где недавно желтыми волнами
Пески седые кочевали вдаль,
Все расцвело весенними цветами.

Сегодня ты летишь сквозь ветра вой
На самолете над родным простором,
А завтра ты спускаешься в забой,
Чтоб уголь дать своей стране, шахтером.

И кем бы ни был ты, в твоей судьбе
Ищу всегда я наших дней приметы.
И сил прилив я чувствую в себе,
С тобой встречаясь, — Ты ведь знаешь это?

В твоих делах я нахожу сюжет.
Иду к вершинам жизни за тобою.
В моей груди,
Открою вам секрет,
Твое стучится сердце молодое!

Матен Сеитниязов

(Род. в 1934 г.)

Я ВИДЕТЬ МИР ХОЧУ, КАК НА СВОЕЙ ЛАДОНИ

Люблю я мир любовью чуткой, страстной,
С восторгом воздухом земным дышу,
Всю щедрость жизни — формы, звуки, краски
Увидеть, ощутить, познать спешу, —
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Пусть оглушен и ослеплен им буду,
Хочу весь мир к себе приблизить я,
Чтоб правду жизни различать повсюду,
Проникнуть глубже в тайны бытия, —
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Весь образ мира охватить бы разом —
Да, вот о чем дерзаю я мечтать!
Не потому, что слишком горд мой разум,
И не затем, чтоб равным богу стать, —
Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Не существует бог — тиран надменный,

Что свыше правит небом и землей.
 Я — человек, наследник всей вселенной,
 И, чтоб смелей идти к мечте большой, —
 Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Есть мудрецы, чей разум зоркий, чистый
 Способен всю вселенную вместить,
 Есть подлецы, что в бешеной корысти
 Весь шар земной готовы проглотить, —
 Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Да, оттого, что я со всеми вместе
 Всю тяжесть века на плечах держу,
 Судьбой людей, их совестью и честью,
 Как собственной судьбою, дорожу, —
 Я видеть мир хочу, как на своей ладони

МОЯ ТЕМПЕРАТУРА

Пока спокоен стук в моей груди,
 В здоровом теле равновесье есть:
 Не веришь — на термометр погляди,
 Температура — тридцать шесть и шесть.

Я родился и рос в краю степном,
 Под небом Средней Азии моей,
 Но и в саваннах, пышущих огнем,
 У африканца тело не теплей.

У ненца в снежной тундре все равно
 Температура тоже такова, —
 Уж так природой определено,
 Нет в этом никакого колдовства.

Температура тридцать шесть и шесть,
 На первый взгляд, не слишком высока:
 Не запаяешь и простую жезь,
 Не вскипятишь и литра кипятка.

И все же делать вывод не спеши —
 Хоть в чайнике и не кипит вода,
 От жара человеческой души
 Кипят моря и плавится руда.

Моя температура горячей
 Кузнечных горнов, доменных печей:
 Душевный холод может растопить,
 Сердца людей спаять и раскалить.

Пока на градуснике — тридцать шесть,
 Я переполнен силой огневой.
 Моих дерзаний и трудов не счесть,
 Я — всемогущ, я мыслю, я — живой!

ИЗ ЦИКЛА «ПУСТЫНЯ»

1

Как будто с привязи сорвавшийся челнок,
 В пустыне я брожу, от зноя изнемог,
 Куда ни кину взор — песок, сплошной песок.

Лучи, как стрелы, жгут... Пылает синева...
 Тоска пронзает грудь... И лишь едва-едва
 Сочится сквозь песок иссохшая трава.

От жажды горло жжет, струится липкий пот,
 Порою ящерица шустрая мелькнет,
 Невольно думаешь: как здесь она живет?

Величествен Устюрт! Над ним струится мгла,
 Он ветром огненным облизан догола,
 И чудится: вот-вот сожжет дотла!..

2

Но есть поэзия своя и у пустыни:

Безлюдье дикое невольно вдаль влечет,
 А огненный песок под небом бледно-синим,
 Как море желтое, в глазах моих течет.

Весной то там, то сям в песках цветы пестреют,
 Томятся жаждою, дождя тоскливо ждут,
 Но хищные лучи день ото дня острее,
 Порывы знойные все беспощадней жгут...

Здесь цепкий саксаул я на бугре увидел:
 За жизнь он борется уже не первый год.
 Раскинул руки он, как верный покровитель,
 И нежные цветы от зноя бережет.

БУРИЛЬЩИКИ

Вышли в степь бурильщики трудиться —
 Что-то ищут в древней глубине.
 Я гляжу на вышек вереницы.
 И невольно мысль приходит мне:
 Будто в дни былые наши предки
 Здесь свои надежды погребли,
 А теперь герои пятилетки
 Добывают их из-под земли.

САПОГИ НАПОЛЕОНА

В музее я ботфорты увидал —
 Носил их император знаменитый.
 Изящный вид, добротный материал —
 Да, сапоги на совесть были сшиты!

Чтоб ноги императора в пути
 Беречь от стужи, сырости и пыли,
 Длинней обычных — до бедра почти —
 Сверкающие голенища были.

Заметил я, что каблуки ботфорт
 Высокими по-женски сделал мастер,
 Вполне понятно: был властитель горд,
 Да низок ростом — на свое несчастье.

Казалось, что совсем новы, крепки
 Надменные, блестящие ботфорты,
 И лишь высокие их каблуки,
 Как старые песты, порядком стерты.

При виде этих стертых каблуков
 Я ощутил насмешливую гордость:
 Средь русских перелесков и лугов
 И каблуки и спесь пришельцев стерлись.

Самоуверен был Наполеон —
 Не знал о трудностях дорог российских:
 Пришел на каблуках высоких он,
 А убежать пришлось — на низких!

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Я следы войны увидел —
 Зорко глянул ей в лицо.
 Сердце дрогнуло тревожно,
 Гневом жарким налилось,
 Словно вокруг меня смыкалось
 Вражье, злобное кольцо,
 Словно смолкшее сраженье
 С новой силой началось.

Сердца тяжкие удары
 Распирают грудь мою...
 Нарастает гул зловещий,
 Шквал огня меня настиг...
 Потрясенный, оглушенный,
 Неподвижно я стою —
 Кулаки до боли стиснул

И закрыл глаза на миг.

В этот миг слепящий, жгучий
Вихрь войны я увидел...
Толпы беженцев... Разрывы...
Кровли мирные в огне...
Молодую мать с ребенком
На бегу сразил металл-
Крик отчаянья донесся,
Плач младенца слышен мне.

К ним на помощь я рванулся
Сквозь слепящий вихрь огня,
Чтоб прижать к груди ребенка,
Мать от гибели спасти...
Но не смог... Удар внезапный
Грянул, с ног свалил меня,
И на землю, задыхаясь,
Я упал на полпути.

Нет! Так просто, так покорно
Я из жизни не уйду —
Оглушить меня не сможет
Смертоносная гроза. Нет!
С войной — убийцей подлой —
Счеты я еще сведу,
И пока бороться в силах,
Не хочу смежать глаза!

Пусть громады туч зловещих
Не затмят наш небосвод,
Пусть с беспомощным ребенком
Мать не мечется в огне...
Я следы войны увидел:
Время скоро их сотрет,
Но вовеки не остынет
Наша память о войне.

* * *

Не боялся я жестоких холодов,
 Но боюсь, когда со мной ты холодна,
 Не горел среди пылающих песков,
 Но горю, когда ты нежности полна.

В дни успехов никогда не ликовал,
 А когда смеешься ты — ликую я,
 В дни печалей никогда не тосковал,
 А когда тоскуешь ты — тоскую я.

Не пленялся я лукавой красотой,
 Но пленен я простотой твоею был,
 Не напился родниковой водой —
 Лишь из губ твоих я жажду утолил.

Даулен Айтмуратов
 (Род. в 1933 г.)

КАРАКАЛПАКИЯ

Сжимая руку матери, я вышел в путь впервые,
 Кругом скакали всадники, джигиты боевые,
 И вслед за ними ринулись мои мечты живые.
 Все, что во мне есть сильного, — прими, благословляя!
 Люблю твои бескрайние просторы вековые,
 Моя Каракалпакия родная!

Ты — дом отцов и праотцев, ты — памятник былого,
 Достигла Хасхана-гора заоблачного крова:
 Всегда взлететь на зов ее душа моя готова.
 Меня ты манишь издали, мне руки простирая, —
 Клянусь в извечной верности тебе опять и снова,
 Моя Каракалпакия родная!

Я вижу годы детские в волнении глубоком:

Битою в бабки целюсь я, стою при этом боком,
 Букварь измят, чернилами он залит ненароком...
 Теперь, теперь лишь понял я, наш путь припоминая:
 Как я, была ты школьницей, готовилась к урокам,
 Моя Каракалпакия родная!

Все девушки, с которыми сидеть случалось рядом,
 Блистали, недоступные, красую и нарядом,
 Но все же взгляд украдкой встречался с жарким взглядом,
 Старался я понравиться, отвагу проявляя!
 Моя любовь — твоя любовь. Моим была ты садом,
 Моя Каракалпакия родная!

Аму-Дарья проносится, как облако весною,
 И воздух дышит свежеею прохладою степною.
 На берегу беседую с речною глубиною,
 Река бежит, мечту мою баюкая, качая.
 Моя мечта — твоя мечта, вскипевшая волною,
 Моя Каракалпакия родная!

Каракалпаки, русские, казахи и узбеки
 В сияющем содружестве слились в двадцатом веке,
 Слились, как стены в крепости, как в море синем — реки.
 Живу я, братьям радуясь, живу я, твердо зная:
 Твое благополучие — мое, мое навеки,
 Моя Каракалпакия родная!

Люблю стихи могучие, горжусь Ажиниязом,
 Мелодии певучие пою с Хурбаниязом,
 Во мне живут созвучия, что созданы Аббазом.
 Я твой должник, земля моя, живи, цветы, сверкая,
 Мой труд и вдохновение — моя душа и разум, —
 Моя Каракалпакия родная!

ЧЕГО Я ХОЧУ?

Хочу я шагать по земле, как соратник весны,
 Хочу, чтоб и камни сверкали, стихом зажжены,

Хочу на земле утвердить правоту новизны
И петь я хочу для людей задушевно и звонко!

Прекрасно дитя — мне бы в душу его заглянуть,
Но как заглянуть, если мальчик подвижен, как ртуть!
Скажу красоте: «Не беги, постоянною будь,
Хочу я смотреть, как ты блещешь и властно и тонко!»

Не следует лгать, потому что людская душа
Лишь правдой святой, лишь своей чистотой хороша.
Я к правде стремлюсь, только ею, бессмертной, дыша,
И верить хочу я друзьям с простодушьем ребенка!

Я так человека ценю, что, взойдя на Казбек,
Скажу мирозданию: «Завидуй мне — я человек!»
Чтоб душу людскую согреть, что близка мне навек,
Хочу я пылать горячо, как слеза жеребенка!

ПЕСНЯ ГОРНОЙ ВЕРШИНЫ

Я стою на вершине горы... Надо мной
Мчатся тучи куда-то, клубясь на лету...
Я с вершины простор озираю земной,
И волнение растет — словно сам я расту.

А внизу, в синей дымке, долины видны,
И мерцает морская безбрежная гладь...
Пусть обрывы страшны и ущелья мрачны,
Счастлив я — и не в силах восторга унять.

Устремиться я к цели высокой готов,
Пламенеет мой взор, погружаясь в простор,
А вокруг, будто гребни застывших валов,
Громоздятся громады причудливых гор.

Как величие мира волнует меня,
Как мечтаю высоты судьбы покорить!
Буду зорче и пламенней с этого дня —

Только доброе в жизни хочу я творить.

Я стою на вершине — весь мир предо мной!
 Мчатся тучки куда-то, клубясь на лету...
 Я с вершины простор озираю земной,
 И растет мой восторг — словно сам я расту.

ВСЕ В ЭТОМ МИРЕ ПРЕКРАСНОМ ЕСТЬ!

Хочу я склониться счастливец влюбленным
 Пред этим миром сине-зеленым, —
 Ведь все в этом мире можно найти:
 И счастье, и труд, и большие пути.
 Суровые будни, победные той,
 Свершенья, казавшиеся мечтою,
 И мужество, и трудовая честь —
 Все в этом мире прекрасном есть!
 Есть в нем святая любовь к отчизне,
 Красавицы есть — украшение жизни,
 Слепящее солнце над головой,
 Тепло и сиянье души живой.
 Есть и борьба, и гнев, и призывность,
 И детская трогательная наивность,
 Мечта, пламенеющая в груди,
 И цель — негасимая цель впереди.
 Есть и молчанье пустыни бесплодной,
 И буйство Аму-Дарьи полноводной,
 Чьи воды живящие пересекли
 Иссохшую грудь раскаленной земли.
 Есть и могучей весны дыханье,
 И моря торжественное колыханье,
 Влекущие душу громады гор,
 Раздолье степей, зеркала озер.
 Есть и подобное тайне манящей,
 Взор материнский, заветы отца,
 Любовь, окрыляющая сердца!..
 Вот и склоняюсь счастливец влюбленным

Пред этим миром сине-зеленым:
Счастье, и труд, и большие пути —
Все в этом мире смогу найти!

МИНИАТЮРЫ

1

Девушка станет юной супругой,
Потом превратится в мать,
Но роза, что ей подарил любимый,
Так и не сможет увянуть.

2

Бывает так человек велик,
Что за его спиной
Спрятаться может и клеветник,
И негодяй любой.

3

Слепому дано увидеть только одно:
Правду.

4

Сотни раз ударь, даже много тысяч
Но из тряпки искры не высечь.

5

Тому, кто низок душой,
Не упасть с высоты большой.

6

Если бессовестного человека
Бессовестным вовремя не назовешь
Успеет вылезти он вперед —
Бессовестным сам тебя назовет.
Ведь для бессовестного человека
Слаще всего клевета и ложь.

БАСНИ

ЕРШ И КАМБАЛА

Играя как-то в плуби водоема,
 Ерш заприметил Камбалу на дне.
 - Ты что, кума,
 Сидишь все время дома,
 Не видишь света, прячась в глубине?
 - Эх, кум!
 Худое время наступило...
 Вот, помню, в годы юные мои
 Сомам усами ландыши служили,
 В их плавниках свистели соловьи.
 Сазан тогда был рыбою святою,
 А я -
 Не всякому такая честь! —
 Была у бога стелькой под пятою!
 Затей всех и чудес не перечеть!
 - Что ж, вспоминай о прошлом, лежебока,
 А мне и наше время по плечу!
 Чтоб стелькой стал я под пятой пророка?
 Ну нет, шалишь!
 Быть плоским не хочу!

ЗАМОК И ВОР

Однажды ночью темною,
 Нахален и хитер,
 К воротам склада крадучись
 Пробрался жадный вор.
 Большой замок увидел он
 И стал его ломать —
 То ковырять отмычкой,
 То ломом поддевать.
 Всю ночь с замком промучился —
 Взломать его не смог
 И в злобе проклял мастера,

Что выдумал замок.
 Тогда замок не вытерпел
 И молвил наконец:
 «Не мастера искусного —
 Себя ругай, подлец!
 Ведь если б в мире не было
 Таких, как ты, воров,
 Никто бы не придумывал
 Таких, как я, замков!»

Жолдасбай Дильмуратов

(Род. в 1928 г.)

КАРАМАН⁴⁶

Когда наш новый сад обрадовал аул
 И белоснежный цвет весною расплеснул,
 Зазеленел и ты, могучий караман,
 Свидетель многих лет, несущий караул.

Ты ветви распростер, как мощи торжество,
 Доносишь гул ветров до слуха моего.
 И где б я ни гостил, всегда спешил к тебе,
 И не было душе отрадней ничего.

Ты — символ красоты окрестностей родных,
 Поэзия царит среди ветвей густых,
 И юности моей ты тайну бережешь —
 Признания в любви неотвратимый миг.

Играло детство тут, под доброю листвою,
 Следы не заросли забвения травой...
 Как вспомню о тебе, бывшее вижу вновь,
 И над былым встает могучий образ твой.

---

⁴⁶ Караман – дерево с большой раскидистой кроной.

ВОСПОМИНАНИЕ О КАНАЛЕ КЕГЕЙЛИ

Вкус воды твоей медвяной на губах несу,
 Дышит силой непокорной буйная волна.
 Берега твои дарили мне цветов красу —
 Алая и голубая, шла в аул весна.
 Юношей в твоих долинах часто я бродил,
 Плавал по зеркальной глади ласковой воды,
 И в садах, что свежей влагой щедро ты вспоил,
 В золотую осень с веток я срывал плоды.
 Отошла за детством юность, мой покинув кров,
 Вдохновением все чаще наполнялась грудь —
 И тогда, сливая с плеском голос мерных строф,
 Ты открыл мне день грядущий — песенный мой путь.

АРАЛЬСКАЯ РЫБА

Если наш народ гордится хлопком столько лет,
 То и про тебя сегодня знает белый свет, —
 Ведь глубинным, тучным стаям просто счета нет,
 От души даем народу дар аральских вод.
 Серебристой, золотистой чешуей играй,
 Карпами и осетрами славься, вольный край.
 Наша рыба всем желанна — только выбирай.
 Людям трудовым в угоду — дар аральских вод.
 К берегу ладья подплыла, и трепещет в ней
 Груда рыбы серебристой средь густых сетей.
 Восхвалять я не устану до скончанья дней —
 В ясный час и в непогоду — дар аральских вод.
 Ты вкуснее, чем осенний ароматный плод:
 Кто отведал, благодарен будет морю тот.
 Ты гуляй, плещись на волнах, рыба всех пород,
 Умножайся год от году, дар аральских вод!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, КАВКАЗ

Светлые твои озера зеркалом блестят,
 И слепит цветов нагорных праздничный наряд,
 Солнечны твои долины, и густы леса, —
 Здравствуй, край снегов вершинных, каменных громад!
 Низвергаются потоки с величавых гор,
 Торопясь по руслам-жилам на степной простор,
 И на яркие долины, тучи разорвав,
 С высоты Эльбрус кидает восхищенный взор.
 Здесь всегда звучнее бились гордые сердца —
 Те, что жемчуг слов рождали волею певца.
 Даже время пощадило гениев следы,
 Чье сроднилось вдохновенье с мыслью мудреца.
 Летопись событий давних вижу я вокруг,
 Память каждую приметку называет вслух,
 А когда я по тропинке на Машук ходил,
 Лермонтов возник неожиданно, как второй Машук.
 Дивные его творенья средь людей живут,
 И поэзии вершиной все его зовут.
 Он как жемчуг драгоценный в недрах гор твоих —
 Дух стихов его могучих ощутил я тут.
 А пока я поднимался склоном Машука,
 Изумлялся я громадам гор издалека,
 И как будто материнским, сладким молоком,
 Жажду сердца утолил я влагой родника.
 В скольких строках вдохновенных ты, Кавказ, воспет,
 Ты и мне вливаешь в душу вдохновенья свет.
 Ты опять меня заставил взяться за перо,
 Чтоб остался в скромных строках нашей встречи след.
 Шумный бег реки Ольховки по изломам скал
 Слушал я, когда спускался в сумрачный Провал.
 Никогда не позабыть мне вечера с тобой —
 Те часы, когда на юге август догорал.
 Каждый год я приезжаю, словно бы к родне.
 От забот я отдыхаю в горной стороне.
 Я брожу в садах тенистых, рву твои цветы —
 Для единственной, что сердце полонила мне.

Я люблю воды журчанье, свежих струй игру
 И прогулки в Пятигорске рано поутру,
 В дали с Лермонтовской Арфы я люблю смотреть,
 Разлучась навек с Кавказом, я в тоске умру.
 Плеск озер и звон потоков — музыка сама,
 Яркой зеленью пленяет листьев бахрома.
 Вместе с милым отчим краем, с хлопковой землей,
 О Кавказ, ты стал владыкой сердца и ума!

Халмурат Сапаров

(Род. в 1932 г.)

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Над тобой земля,
 Гранит плиты.
 Пламя, согревающее душу.
 И венков цветы...
 Да, только ты
 Вечный мрак безмолвья не разрушишь!
 Не услышишь звонкий шаг весны,
 Не посмотришь с грустью вслед влюбленным...
 Даже сны...
 Тебе не снятся сны,
 Как друзьям —
 На маршах запыленным.

Где упал ты:
 В Ельне?
 Под Москвой?
 У Орла?
 На Шпрее?
 Под Берлином?..
 Где ты встретил миг последний свой?
 Был твой путь коротким или длинным?

Нет ответа...

«Похоронной» нет...
 Может быть, ты — в «без вести пропавших»
 Но живут Кантата и Сонет, —
 Гимн Победы, порохом пропахший!
 И всегда
 Тверда
 Кремля стена:
 Хлещут пусть снега, дожди косые...
 Здесь клянется — мир беречь! —
 Страна.
 Здесь скорбит над сыном
 Мать-Россия!

МОЕ ЖЕЛАНИЕ

Желание в душе одно —
 Сильнее всех других желаний:
 Румяным яблоком оно
 В окно глядит на зорьке ранней...
 И в миг,
 Когда телеэкран
 Дрожит от бомб,
 От пламя жарок...
 Оно не хочет новых ран!
 Не терпит боль земного шара!
 Цветет улыбкой малыша...
 Напевом птичьим рано будит...
 «Пусть будет мир! —
 Кричит душа, —
 Пусть никогда войны не будет!»

У МАВЗОЛЕЯ

У Мавзолея —
 Голубеют ели...
 За ним —
 Кремля старинная стена...

Куранты бьют! —
 И голуби взлетели!
 Куранты бьют! —
 Их слушает страна!

Мы собрались —
 Посланцы из аулов,
 Из кишлаков,
 Из сел,
 Из городов...
 Чеканя шаг, проходят караулы —
 И мы смыкаем строй своих рядов

В граните плит:
 И подвиг величавый,
 И боль потерь,
 И правды яркий луч...
 Здесь Ленин спит!
 Здесь — светлый ум державы!
 Здесь от всего людского счастья ключ!

У стен Кремля
 Так хочется обняться!
 У стен Кремля
 Клянемся нынче так:
 Нет разных рас,
 Нет государств и наций...
 Мы — ленинцы,
 И коммунизм наш стяг!

ИЗ СТИХОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТРУСИШКА

Весной я пасеку завел
 И говорю братишке:
 - Пойдем, дружок, проверим пчел.
 - Боюсь, — сказал трусишка.
 - Да цел останешься, не трусь! —

Захныкал он: — Боюсь, боюсь...
 - А меду хочешь? — Я спросил.
 Он пальцы горсточкой сложил.

РЕБЕНОК и ГУСЕНОК

Мой брат годовалый и желтый гусенок
 Вдвоем ковыляли. Не скажешь — кто хуже.
 Братишка в два года — бегун, постреленок
 Хромает по-прежнему гусь неуклюжий.

ПРО УТКУ

Как-то раз живую утку
 Принесла с базара мама.
 Поручила мне, мальчишке,
 Присмотреть за нею мама.

Я, сказать по правде, не был
 В эти годы домоседом.
 А уж тут с утра до ночи
 Все бродил за уткой следом.

Чуть к воде ее потянет —
 Я пугался не на шутку:
 Все ныряет и ныряет,
 Страшно — вдруг утонет утка

Наби Бурекешов

(Род. в 1926 г.)

ПАРТБИЛЕТ

Я помню, ночью вышел из райкома
 (Не позабыть той светлой ночи мне!),
 Я помню, счастливо и безмятежно
 Луна плыла по небу на спине.

В ушах — слова напутствия: «Желаем
Тебе больших свершений, коммунист!»
По целине души как будто плугом
Прошлась та ночь. Стал мир велик и чист.

Как бы сиянье ленинского сердца
Вобрал в себя навеки партбилет.
И с той поры мне душу озаряет
Могучий, негасимый этот свет.

Свой партбилет горячею ладонью
Я, помню, прижимал тогда к груди,
И мне казалось: знамя коммунизма
Большой зарей алеет впереди.

Россия! Как тебе я благодарен!
Казалось мне в ту ночь, что вдалеке
Я вижу сквозь распаханное время
Вождя родного на броневике.

В ту ночь всю жизнь мою вперед направил,
Мне озарил дорогу партбилет,
И я, наедине с самим собою,
Как будто перед ним держу ответ.

Как будто ночью той в стенах райкома
Доверили судьбу вселенной мне!..
А ночь была прекрасной и прозрачной,
Луна плыла в бездонной вышине.

Исмаил Курбанбаев
(Род. в 1929 г.)

ГОРКИ ЛЕНИНСКИЕ

Твои дороги помню я, Кашира,
На них — следы бессмертные для нас...
Мне кажется,
Что стал и взгляд мой шире,
И силы стало больше во сто раз.

Вот Пронино.
А вот Кашира справа.
Остался перекресток за спиной,
И в хвойной нетускнеющей оправе
Впервые встали Горки предо мной.

Как будто Данко пламенное сердце,
В густом лесу сияет светлый дом.
Во все спешу с волнением взглядеться:
Здесь жил Ильич,
Здесь помнит все о нем.

Его дыханьем этот лес наполнен,
Приветлив с Ильичевой простотой,
Он мог бы много о вожде припомнить,
Да жаль, что от рождения немой.

Он рассказал бы, как в тиши аллеи,
С тетрадкою присев на край скамьи,
О будущем моем душой боля,
Ильич писал последние статьи.

Они согреты зоркою заботой
О людях, что за ним с боями шли,
Что не жалели сил своих в работе
Во имя обновления земли.

Шумите, Горок мудрые деревья,
 Слились навеки вы с моей судьбой!
 Уеду я в свой край родимый, древний,
 Но голос ваш останется со мной.

ЗАПИСИ ЖИЗНИ

Текут и текут невозвратные дни,
 И течь после нас будут так же они.

Решил я: о прошлом не стоит жалеть,
 С надеждой в грядущее надо глядеть.

Явился ты в мир и увидел его,
 Но понял ли смысл бытия своего?

Неважно количество прожитых лет,
 А важно, каким твой останется след.

И если мы радостно в завтра глядим,
 То не потому, что мы к смерти спешим.

Кто стал бы рождаться, узнав наперед,
 Что вскоре опять безвозвратно уйдет?

Трудись бескорыстно, собратьев любя, —
 Добром после смерти помянут тебя.

* * *

«Нет... Слишком полна и капризная слишком.
 А эта длинна, а вон та — коротышка,
 У той голубые зачем-то глаза,
 А вот черноглазая, но егоза,
 Та слишком стыдлива, та слишком болтлива,

А эта красива, но жаль — молчалива,
 Та, кажется мне, весела чересчур,
 Зато у подруги — вид слишком понур,
 А эта, видать, поумнее немного,
 Но что-то дика да еще толстонога...»

О девушки! Прочь от такого глупца —
 Причудам дурацким не будет конца.

Тулепберген Матмуратов

(Род. в 1939 г.)

Я ХОЧУ

Я хочу, чтоб стихи мои свет излучали,
 Как весенних ночей голубые светила,
 Чтоб они врачевали людские печали,
 Чтобы в душу вливали надежду и силы.

Я хочу, чтоб стихи мои пахли весной,
 Чтоб сердца родником освежали журчащим,
 Но могли бы мгновенно, готовые к бою,
 Стать оружием, врагов беспощадно разящим.

Вижу день: уничтожены бомбы, снаряды,
 Из кинжалов стальные штампуются перья,
 А над миром грохочет стихов канонада —
 В силу слов, в силу строк, В силу разума верю!

ТАК КРАСИВ ЭТОТ МИР

Что значит человек живой?
 Движенье и огонь!
 Тебя я поднял, шар земной,
 Взял на свою ладонь.

Чудесен, разноцветен ты,
 В руках тебя верчу:
 Так много в мире красоты,
 Всю обозреть хочу!

Так много в мире красоты,
 Что целый век дивись!
 Она — и мощные хребты,
 И луговой нарцисс.

То ручейком звенит в лесу,
 То девушкой идет,
 Что заплела себе в косу
 Созвездий хоровод.

То в душу звуками течет,
 Чарующими слух,
 То воздвигает звездный свод, —
 Захватывает дух!

Мне хочется обнять весь мир,
 Но — не могу обнять,
 Он мне так бесконечно мил,
 Что глаз не оторвать.

Страшусь по-гамлетовски я
 Всего, что мир грязнит...
 Красива ты, земля моя —
 Мой светоч, мой магнит!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

*

О, если бы камню — печали людей!
 От камня осталась бы горстка углей.
 О, если бы камню — улыбку людей!
 Цветка полевого он стал бы светлей.

*

Ты ценишь не чувства — лишь мысли свои,
 Ты думаешь: разум над миром царит,
 А завтра нагрянет безумство любви —
 Твой разум холодный шутя покорит.

*

Чем вас подвести, дорогие друзья,
 Чем перед страной провиниться моей,
 Уж лучше в степи, без еды и питья,
 Погибну на ложе из голых камней.

*

Горячим свинцом будешь ранен в бою —
 От смерти сумеют тебя уберечь,
 А ранят обидою душу твою —
 Отравленных слов из души не извлечь!

*

Я клялся, я душу тебе изливал —
 Твой взгляд оставался холодным, чужим..
 Когда б я врага, как тебя, умолял,
 Давно бы он сделался другом моим!

*

На резвый ручей устремляю свой взор
 И думаю: жизнь — это струйка воды.
 Гляжу на вершины незыблемых гор
 И думаю: вечны мечты и труды.

* * *

Отважусь ли ответить на вопрос:
 Кто самым светлым сердцем обладает,
 Кто глубже всех во тьму, в пороки врос?
 Не знаю я,
 Да и никто не знает.

Ответь, какая женщина одна

Всех женщин красотой затмевает?
 На свете существует ли она?
 Не знаю я,
 Да и никто не знает.

Когда наступит мой черед уйти,
 Когда живое сердце отпылает?
 Где упаду я замертво в пути?
 Не знаю я,
 Да и никто не знает.

И сколько суждено еще скакать
 Коню мечты, что время обгоняет?
 Хотел бы я теперь об этом знать,
 Но я не знаю.
 И никто не знает.

Шаудырбай Сеитов

(Род. в 1937 г.)

СЛОВО ОТЦА

Я крепким и выносливым родился,
 Хоть вольным детством и не наслаждался.
 И я, как однолеток миллионы,
 Прошел сквозь пламя, выйдя закаленным.
 Я пас овец. Осталось и поныне
 Тоскующее детство в той пустыне.
 Сменив на штык пастушеский свой посох,
 Пошел за счастьем я для братьев босых. —
 Давно ль, — ты спросишь, — было это дело? —
 С тех пор полвека вихрем пролетело.
 Хоть голод нам пришлось узнать и холод,
 Но сердцем я еще и бодр, и молод.
 От капель пота молодого тела,
 Быть может, и земля помолодела,
 И капли крови — был я ранен пулей, —
 Быть может, в землю молодость вдохнули.

Таких, как я, в то время много было, —
 Теперь в отчизне юной — наша сила.
 Идем мы с мощным караваном жизни,
 И жизнь моя вся отдана отчизне.
 Далеко молодость моя осталась,
 Но годы, мчась, не приближают старость
 Я каждый миг пережитого славлю,
 Им в сердце вечный памятник поставлю.
 У каждого свой долг на атом свете,
 И старец верит в заповеди эти.
 И ты исполни долг свой до конца,
 О сын, не знавший горестей отца.

* * *

Заря весь мир обрызгала вином,
 Над озером, словно колдунья, ива,
 Покинул ястреб на ветвях свой дом,
 В цветах лужайка, как платок, красива.

Вобрав в себя весь мир в рассветный миг,
 Роса блестит на лиственных узорах.
 Перепелов звучит веселый крик,
 И журавли отражены в озерах.

Цветы в саду влюбленны и чисты,
 И, словно молодые новоселы,
 Летят, целуя свежие цветы,
 Мохнатые восторженные пчелы.

Недаром их манит цветочный мед,
 Недаром их томит весенней жаждой, —
 От поцелуев их на ветке каждой
 Родится плод любви — румяный плод.

ПОДСОЛНУХ

Как бесприданница, земля бедна.
Лишь первый луч сверкнул на тихих волнах,
И в облачках еще заря бледна —
Но жаждет солнца пламенный подсолнух.

Полднемным зноем сожжена земля.
Вьюнок чуть жив на выгоревших склонах.
В тень с жаркого песка спешит змея.
Но жаждет солнца пламенный подсолнух.

День отпылал. Вечерний воздух чист,
Огни заката тонут в водах сонных,
И горизонт уже задумчив, мглист,
Но жаждет солнца пламенный подсолнух.

МОЯ ДУША

Душа дороги шире столбовой,
Весь мир она легко вместит, все страны,
И отчий край с небесной синевой,
И звезды, и хребты, и океаны.

И если сердце ближнего болит,
Печалюсь я, душа мягка, как вата.
Но если бой — душа, как монолит,
Непримиримая душа солдата.

В душе моей, вмещающей весь мир,
Бесчестному нет места, нет привета.
«Ты умер для меня, хоть был мне мил»,
Другого не дождется он ответа.

Душа моя открыта для друзей,
Для них всегда — весь свет ее, вся сила.
Для верных солнечна вершина в ней,
Но в ней черна изменницы могила.

Улмамбет Хажаназаров

(Род. в 1938 г.)

АВТОБИОГРАФИЯ

Я в мир входил и смело, и с оглядкой:
Владыки поступь, робкий шаг слуги...
Мне мир казался тоненькой тетрадкой,
Где собраны хорошие стихи.

Она раскрылась вся передо мною,
Ее читая, я в людей смотрел.
Но, их сравнив и с солнцем и с луною,
Найти иных сравнений не сумел.

Вслед за людьми вселенная возникла.
Она, как тень от солнечного «мы»,
Влилась сквозь щели узкого узика⁴⁷
Сквозь решето стеной глубокой тьмы.

Но не решил я звездную загадку,
Созвездий дальних я не разгадал...
И мира необъятную тетрадку
Всего до половины прочитал.

Сам для себя я тоже был секретом —
Какая в мире ждет меня судьба?
Хотел я в книгах прочитать об этом,
Но не нашел я книги про себя.

Каким же мне довериться дорогам,
Опутавшим весь мир со всех сторон,
Лежащим там, за маленьким порогом
Знакомой юрты, где я был рожден?

---

⁴⁷ Узик – крыша юрты.

В неведение и боязно, и сладко...
 Но сожжены последние мосты,
 И мира непонятная тетрадка
 Мне протянула чистые листы.

Я на коне лечу по бездорожью.
 Пусть путать мне еще не раз в пути
 Добро со злом, свет с тьмой, а правду - с ложью,-
 Наездника такого не найти!

Мне встречный ветер на плече упругом
 Дает приют с коротким жадным сном,
 В котором сам себе кажусь я другом,
 Учителем, судьей и божеством.

Но собственное «я» мне не затмило
 Даль горизонта, поубавив прыть,
 Где я хотел найти начало мира,
 Который только мне дано открыть.

Ненужным криком исцарапав горло,
 Я наконец свой выдохнул напев,
 На первое взошел высокогорье,
 Пески высокомерья одолев.

Я от забот своих не сплю ночами —
 Распутать как тугой клубок дорог?
 Но оказалось: я еще вначале,
 Еще и не шагнул за свой порог.

То растворен в дороге без остатка,
 То чувствую опять порог спиной...
 И мира нераскрытая тетрадка
 Доверчиво лежит передо мной.

Вот стоит высокая гора,
 Над ее вершиною седою,
 Встретясь, разлетаются ветра,
 Ходят тучи с черною бедою.

Вот стоит высокая гора.
 Свысока глядит она на море,
 На сегодня, завтра и вчера,
 На людскую радость или горе.

Вот стоит высокая гора
 В забытЫи бесстрастном и прекрасном,
 Вечная, беспечная сестра
 Времени, сплетенного с пространством.

Вот стоит высокая гора
 С гордым взглядом, с бурным водопадом.
 И, от странной робости горя,
 Я застыл, смятенный, тихий, рядом.

СЕРЫЙ ГУСЬ

Вожак гусиной стаи серый гусь,
 В далекий край, где зноен полдень синий,
 Летишь, сбивая, точно пламя, грусть
 Холодным ветром родины предзимней.

Летишь в чужую, дальнюю страну
 От милых далей в белизне метельной.
 Летишь, измерив мукою длину
 Дороги, неизбежной и смертельной.

Летишь, вступив в ежесекундный бой,
 Дни крыльями усталыми листая,
 Летишь, желая долететь с тобой
 Всем девяти товарищам по стае.

Над морем, мирно дремлющим, летишь,
 Приемля радость равенства простого,
 И в тишине благословляешь тишь,
 В просторе — нескончаемость простора.

Летишь, ликуя, что близка земля,
 Что скоро крикнешь небесам: «Прощайте!» —
 Безмолвно каждым перышком моля
 Безжалостных мергенов⁴⁸ о пощаде.

ОТЦУ

Мой отец, ты поспешно меня не суди.
 Разве дома удержишь насильно,
 Если манят и манят куда-то пути...
 Все равно — твой единственный сын я!

Перед новой дорогой со мною присядь
 И прости самовольство такое:
 Уходил я не раз, у тебя не спросясь,
 Твоего не жалея покоя.

Знаю, много надежд ты со мною связал,
 И когда появился на свет я,
 «Вот кто старость согреет мою!» — ты сказал
 С необычной улыбкою светлой.

Отчего ж твое доброе сердце болит,
 Когда нет меня долго с тобою?
 Погляди на меня: здоровенный джигит!
 Я ль не справлюсь с бедою любою?

Был доволен судьбой ты и счастлив, пока

---

⁴⁸ Мерген - стрелок.

Било детство капризною ножкой,
А теперь все тоскуешь ты издалека,
Удручен непосильною ношей.

С подозреньем глядишь на друзей моих, в них
Видя только беду мою злую.
Неохотно ты нас оставляешь одних,
Злишься, если хвалю их в пылу я.

Говоришь, что и болен ты, и одинок,
Что смотреть, как рифмую я, пытка:
«Брось занятие странное это, сынок...
Нет, поверь мне, дурманней напитка!

Нет туманнее и ненадежней мечты...
Я не зря о тебе беспокоюсь.
Просто молод, впросак не попал еще ты,
И покамест не поздно, опомнись!

Будут темные дни, будут светлые дни,
Но ты в пропасть беды не сорвешься,
И добром обернутся в итоге они,
Если делом серьезным займешься.

Не копи в моем сердце родительском скорбь.
Мать тебя для того ли вскормила?
Над бумагою за полночь спину не горбь,
Пожалей свою молодость, милый!»

Так ты мне говоришь и в пример без конца,
Взгляд ловя мой рассеянно-сонный,
Ставишь то одного, то другого юнца:
Каждый пост занимает весомый.

И тебе я не враг, и себе я не враг,
И юнцам, делом красящим место.
Я желаю им искренне всяческих благ!
Да вот сам — из иного я теста.

Твои речи добры, твои думы чисты,
 Но владеют душой оробелой
 И дурманнный напиток неясной мечты,
 И тоска над бумагою белой.

Кто же, кроме тебя, меня сможет понять?
 Если слово мое не бессильно,
 Ты поймешь и, хоть в путь я собрался опять,
 Все равно твой единственный сын я!

Кенесбай Рахманов

(Род. в 1942 г.)

РОДИНА

Если вспыхнула кровь на песке, словно пламя,
 Иль сломают черемухи ветку с цветами,
 Или пьяный огонь дом лизнет языками, —
 Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если сверху кирпич с новостройки сорвется,
 Если в горе старик поседелый согнется,
 Если плачем дитя безутешно зальется, —
 Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если сына одна только мать потеряет,
 И одна молодая жена зарыдает,
 И один только сад без присмотра увянет, —
 Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если тропка покроется горной травой,
 Школа будет покинута вдруг детворою
 И река берега обломает волною, —
 Только я виноват, покарай меня, Родина!

Если в грозную ночь пред грозой я не встану,

Если в бедственный день пред бедой я не встану,
 Если, щит твой и меч, пред войной я не встану,—
 Только я виноват, покарай меня, Родина!

ЭДЕЛЬВЕЙСЫ УВЯЛИ

Давно уже увяли эдельвейсы,
 И поселились в тучах пять гостей⁴⁹
 Дожди омыли города и веси,
 И птицы в южных странах ждут вестей.

Как будто небу приказав: «Пролейся!» —
 В объятья ливни приняла земля.
 В горах давно увяли эдельвейсы,
 Пришли морозы, склоны гор беля.

Пусть буря в небесах крылами машет,
 Пусть ночь беззвездна, стужа все лютей,
 Наш полк идет в неутомимом марше, —
 Упрямее природы дух людей!

Что б ни было — труба зовет солдата,
 И он идет, чеканя четкий шаг.
 Он соловьем всегда споет для брата,
 Орлиный клекот вечно слышит враг.

В горах давно увяли эдельвейсы,
 Но в сердце страсть по-прежнему сильна!
 Ты у огня любви в морозы грейся.
 Уйдя, вернусь я снова — как весна.

* * *

---

⁴⁹ Пять гостей — народное название пяти дней в конце сентября, когда обычно начинаются первые заморозки.

Нельзя измерить даже океаном
 Любовь к стране, что так мне дорога!
 Хоть он разлит по всем меридианам,
 Все ж у него есть дно и берега —
 Любовь нельзя измерить океаном.

Любовь нельзя земным измерить шаром,
 Любовь, что мне внушила с детства мать
 Вокруг Земли при Магеллане старом
 Еще прошли. Любовь же не объять, —
 Любовь нельзя земным измерить шаром.

Так высока любовь моя к подруге,
 Что горы в блеске солнечных лучей,
 Вершины высочайшие в округе —
 Лишь у подножия любви моей,
 Так высока моя любовь к подруге.

И если буду уличен в измене,
 Меня отчизна покарать должна,
 Пусть даже мать откажет мне в прощенье,
 Пусть отвернется от меня жена,
 Когда я буду уличен в измене.

Я б ничего не стоил, жертва страха, —
 И капли океана с этих пор,
 С земного шара даже горсти праха,
 И камня одного с высоких гор, —
 Я б ничего не стоил, жертва страха.

АЛЕКСАНДРУ МАТРОСОВУ

Хоть слезы на глазах повысыхали,
 Ты молод, ты — в душе моей навек,
 Да, сколько б раз тебя ни убивали
 Любые войны, храбрый человек!

Не раз прошла весна, и осень тоже.

Морщины нарисованы судьбой —
 Я старше стал, а ты еще моложе,
 И я, солдат, помолодел с тобой.

Твоя отвага — высоты приметает.
 Народ мой бредит именем твоим.
 Ты молодым ушел, мой друг, со света —
 И навсегда остался молодым.

Ты камнем стал, ты небу приглянулся,
 Каштан в цвету вздыхает над тобой.
 Отец мой стариком с войны вернулся,
 А ты с годами тот же — молодой.

Тебя никто погибшим не считает,
 Ведь ты за жизнь решился умереть.
 О подвиге твоём стихи слагают,
 Чтобы тебе вовек не постареть.

Из сердца каплет кровь твоя. Рыдаю...
 О, пусть не будет вновь войны и мук,
 Твой подвиг не умрет — я это знаю.
 Я юность защищу твою, мой друг!

СОДЕРЖАНИЕ

К. Яшен. Поют степные струны.
Л. Климович. Поэзия каракалпакского народа
 (*Историко-литературный очерк*).

СТЕПНЫЕ СТРУНЫ

ЖИЕН-ЖЫРАУ

Разоренный народ (*Фрагменты из поэмы*). Перевод В.
Державина

КУНХОЖА

Мой край. Перевод Р. Морана
 Верблюд. Перевод Р. Морана

Кому нужен? *Перевод Г. Ярославцева*
 Камыш. *Перевод Р. Морана*

АЖИНИЯЗ

Бозатау. *Перевод Г. Ярославцева*
 Мои глаза. *Перевод Д. Голубкова*
 Нужен. *Перевод Г. Ярославцева*
 Пустой мечтой ты оказалась, жизнь моя! *Перевод Д. Голубкова*

БЕРДАХ

Море рыбы своей не дает. *Перевод Н. Гребнева.*
 Лето придет ли? *Перевод Н. Гребнева.*
 Мой бык. *Перевод Н. Гребнева.*
 Знайте. *Перевод Н. Гребнева.*
 Мне нужны. *Перевод Н. Гребнева.*
 Моя подруга. *Перевод Н. Гребнева.*
 Роза с бутоном. *Перевод Н. Гребнева.*
 Хан-самодур (*Фрагменты*). *Перевод Н. Гребнева.*

ГУЛЬМУРАТ ШАИР

Одинокий гусь. *Перевод Р. Морана.*
 Куда я пойду? *Перевод Р. Морана.*

САРЫБАЙ

Я вас проклиная, годы мои! *Перевод Д. Голубкова.*
 Разговор с летучей мышью. *Перевод Г. Ярославцева.*

ОТЕШ-ШАИР

Надо. *Перевод Д. Голубкова.*
 Подобны. *Перевод Г. Ярославцева.*

ОМАР-ШАИР

Я возвращаюсь. *Перевод В. Стрельченко.*
 Воздам. *Перевод В. Стрельченко.*
 Бибиджан. *Перевод П. Железнова.*

АЯПБЕРГЕН МУСАЕВ

Ленин. *Перевод С. Северцева.*
 У каракалпаков есть... *Перевод С. Северцева.*
 Беги к озеру. *Перевод С. Северцева.*
 Где? *Перевод С. Северцева.*
 Экспромты. *Перевод Г. Ярославцева.*

СЕЙФУЛГАБИТ МАЖИТОВ
 Ильич. *Перевод С. Северцева.*
 Заря свободы. *Перевод С. Северцева.*
 Каракалпак. *Перевод С. Северцева.*

АББАС ДАБЫЛОВ
 Мечта. *Перевод Л. Хаустова.*
 Наш Нукус. *Перевод И. Ринка.*
 Весна. *Перевод П. Кобракова.*
 Трусливые джигиты не нужны! *Перевод П. Кобракова.*
 Бахадыр (*Из поэмы*). *Перевод А. Голембы.*

САДЫК НУРУМБЕТОВ
 Даутколь. *Перевод С. Северцева.*
 Тиллахан. *Перевод С. Северцева.*
 Порханы. *Перевод С. Северцева.*
 Аму-Дарья. *Перевод С. Северцева.*
 Шангбай. *Перевод А. Голембы.*

АСАН БЕГИМОВ
 Бибиджан. *Перевод А. Дорофеева.*
 Пушкину. *Перевод А. Дорофеева.*
 Над Невой. *Перевод Л. Хаустова.*

ИЗБАСАР ФАЗЫЛОВ
 Черная овца. *Перевод В. Сикорского*

ХОЖАМЕТ АХМЕТОВ
 Не давай дорогу! *Перевод Г. Некрасова.*
 Твой долг. *Перевод Г. Некрасова.*
 Корреспонденты. *Перевод Г. Некрасова.*

ЖОЛМУРЗА АЙМУРЗАЕВ

Портфель Ильича (Из поэмы). Перевод Н. Горской.

Кыз-Кеткен. Перевод Н. Панова.

Приветствие. Перевод Г. Юнакова.

Аму-Дарья. Перевод А. Волкова.

У водопровода. Перевод М Быкадорова.

Красиво. Перевод А. Волкова.

Слушайте! Перевод Н. Горской.

Слушай, сын! Перевод Н. Горской.

Днепр. Перевод М. Быкадорова.

Невестка. Перевод Н. Горской.

Первая любовь. Перевод М. Быкадорова.

Люблю весну. Перевод А. Волкова.

МЫРЗАГАЛИ ДАРИБАЕВ

Халбике. Перевод Г. Юнакова.

Партизан. Перевод Г. Юнакова.

Низами. Перевод Г. Юнакова.

ДАЛИ НАЗБЕРГЕНОВ

Сауле. Перевод Г. Некрасова.

Песня, будь такою! Перевод К. Высоковского.

АМЕТ ШАМУРАТОВ

Люцерна. Перевод А. Наймана.

Из альбома. Перевод А. Наймана.

«Ранним утром я вышел на берег реки...» Перевод И.

Богданова.

Родной язык. Перевод А. Наймана.

НАУРЫЗ ЖАПАКОВ

Аму-Дарья. Перевод В. Державина.

Яблоко. Перевод В. Скворцовой.

Цветок. Перевод В. Шефнера.

У памятника Пушкину. Перевод В. Шефнера.

БАЙНИЯЗ КАИПНАЗАРОВ

Человек. Перевод А. Наумова.

*Мать. Перевод М. Луконина.
Горькому. Перевод А. Чепурова.
Даугаве (Из цикла «На берегах Балтики»).*
*Перевод А. Голембы.
Дуб. Перевод Г. Юнакова.*

ЖОЛДАС СЕЙТНАЗАРОВ

*Весна и я. Перевод С. Северцева.
Летучая мышь (Басня). Перевод С. Северцева.
Мать. Перевод Г. Юнакова.
Мой зайчонок (Из книги для детей). Перевод Г. Юнакова.*

ХОЖАБЕК СЕИТОВ

*Октябрьские зори. Перевод Г. Некрасова.
Поливальщик. Перевод Г. Некрасова.
Марсово поле (Из цикла «Светлый город»). Перевод Г.
Некрасова.
Родина. Перевод Г. Некрасова.*

МАРЬЯМ КАСЫМОВА

*С нами он! Перевод Б. Шаховского.
Письмо пограничнику. Перевод Н. Поливина.*

ТЛЕУБЕРГЕН ЖУМАМУРАТОВ

*Высокий перевал (Из лирики моей жизни). Перевод С.
Северцева.
Встреча (Баллада о бойцах). Перевод Г. Юнакова.
Хлопок. Перевод Г. Юнакова.
Ладонь. Перевод Г. Юнакова.
Четверостишия. Перевод С. Северцева.
Сонеты.
«Луне и звездам — дум не отогнать...»
Перевод Г. Ярославцева.
«Коль огласится воздух львиным рыком...» Перевод Г.
Ярославцева.
«—Тлеуберген, ты был такой пригожий!..» Перевод Г.
Ярославцева.*

БАБАШ ИСМАИЛОВ

ДВЕ ЖИЗНИ ПОЭТА ПЕРЕВОД Г. ЯРОСЛАВЦЕВА

ВОЛК, ЯГНЕНОК И КОНЬ (НА СЮЖЕТ КАРАКАЛПАКСКОЙ БАСНИ).

ПЕРЕВОД Г. ЯРОСЛАВЦЕВА .

САТИРЫ. ПЕРЕВОД Г. ЯРОСЛАВЦЕВА

ИБРАГИМ ЮСУПОВ

Канны в Нукусе. *Перевод О. Дмитриева.*

Фазан. *Перевод О. Дмитриева.*

Мухаллес. *Перевод Г. Ярославцева.*

Нервы. *Перевод Г. Ярославцева.*

Пропойте песню мне Ажинияза. *Перевод Р. Казаковой.*

Арба славы. *Перевод Р. Казаковой.*

Глаза ящерицы. *Перевод Р. Казаковой.*

Ребенок. *Перевод Р. Казаковой.*

Сорша (*Сонеты*). *Перевод Г. Ярославцева.*

ТАЖЕТДИН СЕЙТЖАНОВ

Ленин в моей жизни. *Перевод Г. Ярославцева.*

Наши прежние встречи. *Перевод Г. Ярославцева.*

Воспоминания. *Перевод Г. Ярославцева.*

Размышления перед зеркалом. *Перевод Г. Ярославцева.*

ХОЖАМУРАТ ТУРЫМБЕТОВ

Тропинка. *Перевод В. Гришина.*

Вода. *Перевод А. Шпирта.*

Журавли. *Перевод В. Гришина.*

Я твой сын. *Перевод А. Наумова.*

Вам, москвичи! *Перевод З. Тумановой.*

Талантливому другу. *Перевод Н. Гребнева.*

ГАЛЫМ СЕЙТНАЗАРОВ

Рыбак. *Перевод С. Северцева.*

Ночные думы. *Перевод Г. Юнакова.*

Табунщик. *Перевод А. Паникина.*

«Мой верный друг...» *Перевод А. Паникина.*

МАТЕН СЕИТНИЯЗОВ

Я видеть мир хочу, как на своей ладони.

Перевод С. Северцева.

Моя температура. Перевод С. Северцева.

Из цикла «Пустыня». Перевод С. Северцева.

Бурильщики. Перевод С. Северцева.

Сапоги Наполеона. Перевод С. Северцева.

Следы войны. Перевод С. Северцева.

«Не боялся я жестоких холодов...» Перевод С. Северцева.

ДАУЛЕН АЙТМУРАТОВ

Каракалпакия. Перевод С. Липкина.

Чего я хочу? Перевод С. Липкина.

Песня горной вершины. Перевод С. Северцева.

Все в этом мире прекрасном есть! Перевод С. Северцева.

Миниатюры. Перевод С. Северцева.

Басни.

Ерш и Камбала. Перевод С. Поликарпова.

Замок и вор. Перевод С. Северцева.

ЖОЛДАСБАЙ ДИЛМУРАТОВ

Караман. Перевод Н. Сидоренко 354

Воспоминание о канале Кегейли. Перевод

И. Сидоренко 355

Аральская рыба. Перевод И. Сидоренко . . 356 Люблю тебя,

Кавказ. Перевод Н. Сидоренко 357

ХАЛМУРАТ САПАРОВ

Неизвестному солдату. Перевод М. Кравчука.

Мое желание. Перевод М. Кравчука.

У Мавзолея. Перевод М. Кравчука.

Из стихов для детей. Перевод Г. Ярославцева.

НАБИ БУРЕКЕШОВ

Партбилет. Перевод В. Сикорского.

ИСМАИЛ КУРБАНБАЕВ

Горки Ленинские. Перевод С. Поликарпова.

Записи жизни. Перевод С. Поликарпова.

«Нет... Слишком полна и капризная слишком...» *Перевод Г. Ярославцева.*

ТУЛЕПБЕРГЕН МАТМУРАТОВ

Я хочу. Перевод С. Поликарпова.

Так красив этот мир. Перевод С. Поликарпова.

Четверостишия. Перевод С. Поликарпова.

«Отважусь ли ответить на вопрос...» *Перевод С. Поликарпова.*

ШАУДЫРБАЙ СЕИТОВ

Слово отца. Перевод В. Сикорского.

«Заря весь мир обрызгала вином...» *Перевод В. Сикорского.*

Подсолнух. Перевод В. Сикорского.

Моя душа. Перевод В. Сикорского.

УЛМАМБЕТ ХОЖАНАЗАРОВ

Автобиография. Перевод Р. Казаковой.

«Вот стоит высокая гора...» *Перевод Р. Казаковой.*

Серый гусь. Перевод Р. Казаковой.

Отцу. Перевод Р. Казаковой.

КЕНЕСБАЙ РАХМАНОВ

Родина. Перевод С. Сомовой.

Эдельвейсы увяли. Перевод В. Сикорского.

«Нельзя измерить даже океаном...» *Перевод В. Сикорского.*

Александрю Матросову. Перевод Л. Мигдаловой.

Степные струны. Стихи каракалпакских поэтов. Ред. коллегия: С.Сверцев и др. Сост. И.Юсупов. Вст. ст К.Яшена и Л. Климовича. М., «Худож. лит.», 1973. 416 с.

Антологический сборник «Степные струны» представляет собой свод наиболее ярких образцов классической и современной советской поэзии Каракалпакии, которая внесла и продолжает вносить свой интересный, самобытный вклад во всю многонациональную поэзию нашей страны.

СТЕПНЫЕ СТРУНЫ

Стихи Каракалпакских поэтов

Редакторы Г.Фальк и В Поздняков.
Художественный редактор Г.Кудрявцев.
Технический редактор Г.Лысенкова.
Корректоры З.Тихонова и Н.Усольцева.

Сдано в набор 23 августа 1972 года.
Подписано в печать 14 мая 1973 года.
Тираж 10 000. Цена 1 р. 32 к.

Издательство «Художественная литература».
Москва, Б-78, Ново-Басаманная, 19.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

г.Ленинград, Л-52, Измаиловский проспект, 29.